

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 34

Нижний Новгород

2016

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 34. – Н. Новгород: НГЛУ, 2016. – 170 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), С.М. Фомин (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгоцкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2016

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 34

Nizhny Novgorod

2016

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 34. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2016. – 170 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), S. Fomin (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium),
D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), M. Ruep (Germany),
K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- А.А. Борисов** (*Украина*)
Прагматические особенности британского и украинского ток-шоу: сравнительный аспект..... 11
- О.М. Егорова** (*Нижний Новгород*)
Роль исторической перспективы в становлении прецедентного характера модального глагола *können*..... 20
- М.А. Елизарьева** (*Москва*)
Немецкие семантические калькирования в чешском языке (на примере немецкого глагола *ziehen* и чешского глагола *táhnout*)..... 28
- Н.Г. Круглова** (*Нижний Новгород*)
Элементы языковой картины мира в школьном сочинении..... 40
- Ю.Ю. Панченко** (*Москва*)
Особенности произношения слогов *xi* и *ci* в традиционном токийском диалекте..... 51
- В.И. Фролов** (*Москва*)
Концепция В.В. Набокова в контексте переводческого буквализма..... 60
- Чжан Цзяфэн** (*КНР*)
О специфике мотивированности терминов (на материале терминов-калек лингвистической терминологии современного русского языка)..... 71
-
- ### ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР
- Н.С. Выговская** (*Нижний Новгород*)
Урбанистический роман воспитания Дж. Барнса «Метроленд»: поэтика детских образов..... 83

Н.М. Ильченко, С.В. Звягина (*Нижний Новгород*)
Русский человек на *rendez-vous* в интерпретации
А.Ф. Писемского (по роману «В водовороте»)..... 92

А.Ю. Курмелев (*Нижний Новгород*)
Духовные искания персонажей пьесы Т. Уильямса
«Предупреждение малым кораблям»..... 102

Г.И. Родина (*Арзамас*)
Аспекты рецепции творчества Г. Зудермана на
Украине..... 111

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

О.А. Беженарь (*Италия*)
Методические приемы обучения просодическим средствам
русского языка италияязычных учащихся..... 117

М.В. Золотова, Т.В. Мартьянова, Т.С. Гришакова (*Нижний
Новгород*)
Метод *портфолио* как необходимое условие формирования
современного специалиста..... 130

В.Ю. Миков (*Екатеринбург*)
Реализация принципов отбора и структурирования содержания
в профессионально-ориентированном обучении иностранному
языку..... 137

РЕЦЕНЗИИ

А.Е. Лобков (*Нижний Новгород*)
Печатная книга как инструмент Реформации. Рецензия на
монографию: Н.А. Багровников. Ганс Луффт и его время.
Н. Новгород: Гладкова О.А., 2015. 209 с..... 147

Е.В. Плисов (*Нижний Новгород*)

Современная православная проповедь в категориально-
текстовом освещении. Рецензия на монографию:
Т.В. Ицкович. Категориально-текстовая специфика
современной православной проповеди / Науч. ред.
Т.В. Матвеева. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур»,
2015. 150 с..... 157

ХРОНИКА

Дни славянской письменности и культуры в Нижнем
Новгороде..... 164

Международная конференция «Социальные варианты
языка – IX»..... 166

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Alexei Borisov** (*Ukraine*)
Pragmatic Peculiarities of British and Ukrainian Talk Shows: A Contrastive Analysis..... 11
- Olga Egorova** (*Nizhny Novgorod*)
The Role of the Historical Perspective in the Development of the Precedential Modal Verb ‘*können*’ 20
- Maria Yelizaryeva** (*Moscow*)
German Semantic Loans in the Czech Language: The Case of the German *Ziehen* and the Czech *Táhnout* 28
- Natalya Kruglova** (*Nizhny Novgorod*)
Elements of the Linguistic Picture of the World in Essays of Secondary School Students 40
- Yury Panchenko** (*Moscow*)
The Pronunciation of the Syllables *hi* and *shi* in the Traditional Tokyo Dialect 51
- Valentin Frolov** (*Moscow*)
Nabokov’s Translation Theory within the Wider Framework of Literal Translation 60
- Zhang Jiafeng** (*PRC*)
On the Specific Nature of Term Motivation: The Case Study of Calque Terms in the Linguistic Terminology of Modern Russian 71

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Natalia Vygovskaya** (*Nizhny Novgorod*)
“Metroland” by J. Barnes as an Urban Bildungsroman: The Poetics of Infant Imagery 83

Natalia Ilchenko, Svetlana Zvyagina (*Nizhny Novgorod*)
 Russian People at a Rendez-Vous in the Interpretation of
 A.F. Pisemsky (based on the Novel "The Maelstrom")..... 92

Anton Kurmelev (*Nizhny Novgorod*)
 The Spiritual Quest in Tennessee Williams’s “Small Craft
 Warnings” 102

Galina Rodina (*Arzamas*)
 On Perception of Hermann Sudermann’s Works in
 Ukraine..... 111

**CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN
 LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN
 EDUCATION**

Oxana Bejenari (*Italy*)
 Methods and Techniques of Teaching Russian Prosody to Italian
 Learners of Russian 117

Marina Zolotova, Tatiana Martianova, Ekaterina Grishakova
(Nizhny Novgorod)
 The Portfolio Method as a Prerequisite for Shaping a Modern
 Specialist 130

Veniamin Mikov (*Yekaterinburg*)
 Implementing Principles of Content Selection and Structuring in
 Professionally Oriented Foreign Language Learning 137

REVIEWS

Alexander Lobkov (*Nizhny Novgorod*)
 The Printed Book as an Instrument of the Protestant Reformation.
 A review of the monograph by N.A. Bagrovnikov “*Hans Lufft and
 His Time.*” Nizhny Novgorod: O.A. Gladkova, 2015.
 209 p..... 147

Evgeny Plisov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Modern Christian Orthodox Sermon in the Light of the Textual Category Approach. A review of the monograph by T.V. Itskovich “ <i>Textual Categories of the Modern Christian Orthodox Sermon</i> ” / T.V. Matveyeva, ed. Yekaterinburg: Azhur Publishers, 2015. 150 p.....	157
---	-----

CHRONICLE

Days of Slavic Written Language and Culture in Nizhny Novgorod	164
International Conference “Social Variations of the Language – IX”	166

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК (811.111"42:811.161.2'42):070

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКОГО И УКРАИНСКОГО ТОК-ШОУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.А. Борисов

*Черниговский национальный педагогический университет
им. Т.Г. Шевченко, Чернигов, Украина*

Статья посвящена исследованию акто-речевых и стратего-тактических единиц речи коммуникантов в их диалогическом взаимодействии в британском и украинском медиажанре «ток-шоу». Установлена степень активности использования указанных единиц в национальных медиадискурсах, а также характер их распределения между ведущими и гостями студии.

Ключевые слова: диалог, медиадискурс, медиажанр, ток-шоу, речевой акт, стратегии и тактики, влияние.

Pragmatic Peculiarities of British and Ukrainian Talk Shows: A Contrastive Analysis Alexei Borisov

The article looks into strategic-tactical and speech-act units of British and Ukrainian dialogic communication within the genre of respective national media talk shows. It establishes the frequency of these units in ethnic media discourse as well as the nature of their distribution among the talk show hosts and audience members.

Key words: dialogue, media discourse, media genre, talk show, speech act, tactics, strategy, influence.

Современное типологическое языкознание продолжает активно исследовать особенности этнических диалогических жанров коммуникации. Изучение медиажанров осуществляется в русле отдельного его направления – сопоставительной медиалингвистики, изучающей функционирование языка в национальных медиасферах в сопоставительном аспекте [1. С. 11; 2. С. 34]. Одним из наиболее популярных информационно-развлекательных медиажанров британской и украинской лингвокультуры, сравнительному исследованию прагматической составляющей которого посвящена данная статья, является *ток-шоу*. Ток-шоу понимается как транслируемая СМИ программа информационного (развлекательного) или информационно-аналитического характера, в которой происходит

тематически или проблемно ориентированное взаимодействие в формате «вопрос-ответ» ведущего с его гостями в присутствии зрителей в студии, которые, вместе с отдаленной аудиторией, могут превращаться в активных коммуникантов, так или иначе обуславливая ход всей коммуникации [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Как часть визуальной антропологии ток-шоу является своеобразным способом инсценировки реальности, воссоздания жизненных ситуаций, проблем, предложения вероятных путей их решения, культивации определенных эмоциональных состояний, настроений, которые закрепляют социально-психологические типы поведения людей. В таком гибридном телепродукте, где функционирует *инфотейнмент* – сочетание развлекательности и информирования, над информационностью и публицистичностью доминирует именно развлекательность [3. С. 4].

Выполненное исследование отличается актуальностью и новизной, так как до этого времени коммуникативно-прагматическая составляющая медиадискурса британского и украинского ток-шоу в сравнительном аспекте изучения не была отдельным предметом исследования. Основными задачами статьи являются: 1) уточнение значения медиажанра «ток-шоу» и установление его подтипов; 2) выделение и сравнение активности использования участниками ток-шоу речевых актов (РА) (в терминах Г.Г. Почепцова [9]); 3) определение и сравнение активности использования тактико-стратегических единиц коммуникативного поведения участников ток-шоу. Для рассмотрения прагматических особенностей ток-шоу в британском и украинском медиа-пространстве материалом исследования послужили телевизионные ток-шоу информационного и информационно-аналитического характера. К первому типу относятся такие познавательно-развлекательные и развлекательные программы, характеризующиеся преимуществом неофициального дискурса или некоторым балансом между категориями «официальность» и «неофициальность», как британские *Alan Carr: Chatty Man*, *Friday Night with Jonathan Ross*, *Heads up with Richard Herring*, *The Graham Norton Show*, *V Graham Norton*, *Ruby Wax Show*, *The Jonathan Ross Show*, *The Michael McIntyre Chat Show* и украинские *Зелена Лампа*, *Проти ночі*, *Педан-Притула шоу*, *Хто зверху?* Ко второму типу относятся *политические* (представляют дискуссии вокруг важных для страны общественных и политических проблем между интересными,

одиозными политиками и журналистами) и *социальные* (помогают зрителю, который столкнулся с жизненными трудностями, понять, что его ситуация не уникальна, и предлагают необходимые для ее разрешения варианты поведения) шоу с доминированием официального дискурса: *The Nolan Show*, *Breakfast with Frost*, *On Sunday Live with Adam Bolton*, *Question Time* и *Большая политика с Евгением Киселевым*, *Свобода слова*, *Шустер Live*, *Сьогодні про головне*, *Стосується кожного*, *Справедливість*.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что ток-шоу является полижанровым образованием, которое включает сущностные признаки интервью, беседы, дискуссии, дебатов и пресс-конференции. Однако в целом оно существует в формате интервью: запрос интервьюера – ответ респондента; аналитические ток-шоу, в отличие от развлекательных, более напоминают жанр интервью: 1) более активная роль в захвате инициативы ведущим у респондентов; 2) увеличенный объем текста сообщения респондентов. Именно этим определяются прагматические особенности сравниваемых медиажанров.

При анализе коммуникативно-прагматических составляющих британского и украинского ток-шоу на предмет использованных их участниками РА было установлено следующее: если гостями студии *констативы* используются для сообщения, утверждения или комментирования фактов, то журналистами – для знакомства зрителей с гостями программы, предложения темы обсуждения, выделения новых подтем, цитирования, в том числе и приглашенных участников шоу, уточнения, поддержки или отрицания их высказываний и т. п. Этническое распределение констативов между участниками следующее: **англ.** 35,4 % (ведущий) и 64,6 % (гость) (преимущество в 1,8 раза), напр.: **Tom Daley**: *It really was love at first sight* [10]; **укр.** 39,7 % (ведущий) и 60,3 % (гость) (преимущество в 1,5 раза), напр.: **Андрій Куликов**: *Віктор Сердюк, Рада захисту прав та безпеки пацієнтів (Виктор Сердюк, Совет по защите прав и безопасности пациентов)* [11]. *Квеситивы* журналиста, с одной стороны, содержательно развивают взаимодействие за счет запросов на получение информации от респондента. С другой стороны, последний может активно спрашивать и переспрашивать ведущего, переводя «однаправленное» интервью, таким образом, в полноценный диалог равных партнеров: **англ.** 75,3 % (ведущий) и

24,7 % (гость) (преимущество в 3 раза), напр.: **Steve Carell**: *You know how you kill a fly? I know exactly!* [12]; **укр.** 71,3 % (ведущий) и 28,7 % (гость) (преимущество в 2,5 раза), напр.: **Антін Мухарський**: *Кому ви кажете й оце робите? (Кому Вы говорите и это делаете?)* [13].

Перформативы (метакоммуникативные сигналы установления, поддержки и разрыва контакта) распределяются таким образом: **англ.** 47,1 % (ведущий) и 52,9 % (гость) (преимущество в 1,1 раза), напр.: **Kristen Wiig**: *Oh my god that's the biggest fly I've ever seen! Sorry* [12]; **укр.** 44 % (ведущий) и 66 % (гость) (преимущество в 1,5 раза), напр.: **Антін Мухарський**: *Геніальна відповідь! Дякую дуже! (Гениальный ответ! Спасибо Вам большое!)* [14].

Промисивы, найденные в речи только ведущих (англ. 0,1 % и укр. 0,2 %), отражают те потребностные импульсы, которые либо ограничиваются форматом программы и касаются обсуждения ряда вопросов на более поздних ее этапах, либо выходят за ее рамки: **англ. Graham Norton**: *I promise you, you will!* [15]; **укр. Наталія Заболотна**: *Тобто починається якась ця наша внутрішня кухня, до речі, яку нам потрібно врейти-решит побороти (То есть начинается какая-то наша внутренняя кухня, которую, кстати, нам нужно, в конце концов, прикрыть)*; **Антін Мухарський**: *Ми про це поговоримо (Мы про это еще поговорим)* [16].

Директивы используются с целью перехода к другой (под)теме, побуждения гостя к ответу, уточнения информации, просмотра фото-, видеофрагментов и т. п.; при этом этническое распределение имеет следующий вид: **англ.** 66,7 % (ведущий) и 33,3 % (гость) (преимущество в 2 раза) и **укр.** 92,1 % (ведущий) и 7,9 % (гость) (преимущество в 11,7 раза). Их оформление происходит за счет употребления в РА 1) *глаголов в повелительном наклонении*: **англ. Graham Norton**: *Now listen, we mustn't go a moment further without saying huge congratulations to you* [15], **Jonathan Ross**: *I'm very well! You don't have to use the phone!* [17]; **укр. Андрій Куликов**: *Активно працюйте із пультами, пані та панове! (Активно работайте с пультами, дамы и господа!)* [11], **Михайло Ілляшев**: *Не треба боятися, що це стане бізнесом (Не нужно бояться, что это станет бизнесом)* [11]; 2) *транспонированных конструкций*: **англ. Stephen Nolan**: *We'll start with if we can. No matter what you say...* [18]; **укр. Антін Мухарський**: *Прізвища називаємо? (Фамилии называем?)*, **Володимир Єшкілев**: *Прізвищ не називаємо (Фамилий не называем)*

[13]. Изоморфизм медиадискурса этнических ток-шоу заключается в отсутствии употребления *менасивов*.

Характер распределения употребления РА в британских ток-шоу на шкале активности (по убыванию) является следующим: *констативы* (78,5 %), *квеситивы* (14,7 %), *перформативы* (3,4 %), *директивны* (3,3 %), *промисивы* (0,2 %), *менасивы* (0 %), в то время как в украинских он немного другой: *констативы* (76,6 %), *квеситивы* (16,9 %), *директивны* (3,8 %), *перформативы* (2,5 %), *промисивы* (0,1 %), *менасивы* (0 %). Межэтническое преимущество в пользу британских диалогов наблюдается в использовании констативов (на 1,9 %). Украинские диалоги доминируют в аспекте употребления квеситивов (на 2,2 %). Что касается меры активности употребления директивов, при формальном преимуществе украинского дискурса (на 0,5 %) и британского дискурса в аспекте употребления промисивов (на 0,1 %) и перформативов (на 0,9 %) активность использования таких РА, не превышающая одного процента, является изоморфной.

Исследование тактико-стратегической линии поведения ведущих и респондентов в жанре ток-шоу выявило, что в британских ток-шоу в речи ведущего использовано больше кооперативных коммуникативных тактик (КТ), чем конфронтативных (в 14,6 раза, ср. 93,6 % и 6,4 %), однако соотношение меньше, чем такое же у гостей (в 17,7 раза, ср. 94,7 % и 5,3 %). В украинском ток-шоу ведущие также используют меньше КТ конфронтации (в 28,4 раза, ср. 96,6 % и 3,4 %), в том числе и чем гости (в 19,8 раза, ср. 95,2 % и 4,8 %). Анализ материала также свидетельствует о том, что спектр использованных гостем КТ является нелимитированным, в то время как прагматические возможности журналиста (шоумена) оказались не такими широкими. Однако в обеих культурах в ток-шоу не информационно-аналитического типа как журналист, так и гость студии в процессе коммуникации могут применять самые разнообразные КТ кооперации и конфликта, что свидетельствует об определенном уравнивании социальных и коммуникативных ролей коммуникантов. К тому же гость сам может становиться интервьюером, а ведущий – респондентом. Все это создает непринужденную атмосферу общения, ведь во многих случаях гостями являются именно друзья или знакомые ведущего.

Итак, в основном участники ток-шоу ориентируются на кооперативную стратегию: *КТ поддержки мысли респондента*: **англ.**

Lucy Lawless: *I've had work done.* **Graham Norton:** *Have you? Good work!* [19]; **укр. Наталія Заболотна:** *Але ми не думаємо, що скрізь... (Но мы не думаем, что повсюду...)* **Антін Мухарський:** *«Капітанам море сниться, а пілотам – висота!» (Капитанам море снится, а пилотам высота!)* **Наталія Заболотна:** *Абсолютно* [16]; **КТ** *расширения мысли собеседника:* **англ. Ruby Wax:** *I bet you are, but I mean when you're riding on the bus to one of your gigs, in your mind.* **Eddie Izzard:** *On the 159 to Streatham, yeah...* [20]; **укр. Володимир Єшкілев:** *Найвизначніші постати? Судячи з серіалів, Сонька – золота ручка, одеські менти, слепой на зоні, персонажі “Золотого тельонка”... (Самые знаменитые персонажи? Судя по сериалам, Сонька – золотая ручка, одесские менты, слепой на зоне, персонажи «Золотого теленка»...)* **Антін Мухарський:** *Й Іван Ургант (И Иван Ургант)* [13]; **КТ** *подчеркивания значимости (личности, действий) респондента:* **англ. Graham Norton:** *But you were in Harry Potter, weren't you?* **Miriam Margolyes:** *I was.* **Graham Norton:** *That's magic.* **Miriam Margolyes:** *That's actually magic.* **Graham Norton:** *That was terrific!* [15]; **укр. Андрій Куликов:** *Ви – з-поміж тих, хто уже заявляв про потребу зміни законодавства у цій галузі. Чому така потреба виникла? (Вы среди тех, кто уже заявлял про потребность изменения законодательства в этой области. Как она вообще возникла?)* [11].

При этом были выделены и КТ конфронтации: **КТ отрицания:** **англ. Jonathan Ross:** *You don't put something in your shoe to make it... physically make it hurt?* **Hugh Laurie:** *No, because that would be just a cheap trick* [21]; **укр. Павло Шеремет:** *Владимир, Вы решили использовать новый закон для того, чтобы пробратсья в резиденцию президента?* **Володимир Тихий:** *Ну, не зовсім так. Це фільм насамперед про Сергія Леценка, журналіста... (Ну, не совсем так. Этот фильм прежде всего про Сергея Леценко, журналиста)* [22], **КТ несогласия и отстаивания своей позиции:** **англ. Jonathan Ross:** *It's a ... It's a massive hit, isn't it?* **Hugh Laurie:** *Thank you. I don't know about massive. Aaa Enormous perhaps* [21]; **укр. Андрій Куликов:** *Пане Порошенко, уже речення закінчилося. Все ж таки, у Києві, справедливості заради, треба сказати, що транспортні розв'язки були побудовані важливі саме за цієї – за нинішньої влади (Господин Порошенко, уже предложение закончилось. Все таки в Киеве, справедливости ради, нужно сказать, что важные транспортные*

развязки были построены именно при этой – нынешней власти) [23]; КТ иронии: **англ. Ewan McGregor:** *Have you ever eaten your own cum? Seeing as you were talking about came.* **Ruby Wax:** *Yes, sure, go ahead... listen... I'm eating!* [20]; **укр. Олесь Доній:** *Щось як-то позитивно виглядає, як відверта замазуха! (Что-то как-то позитивно смотрится, как откровенная подстава)* [14], КТ языковой агрессии и перебивания: **Stephen Nolan:** *Hold on! Hold on! Do you acknowledge that these people have had enough?* **Gerry Kelly Mla:** *I... [перебивается] That they see what terror brought you!...* **Gerry Kelly Mla:** *Well... [перебивается] You are moralizing them about terror!* [18]; **укр. Олесь Доній:** *Ведущий та гості – це єдине, що псує Вашу програму! (Ведущий и гости – единственное, что портит Вашу программу)* [14].

В результате межязыкового сравнения было выявлено, что уровень употребления КТ кооперации в ток-шоу немного выше в украинском медиадискурсе (на 1,8 %, ср. англ. 94,2 % и укр. 96 %). Соответственно, по показателю использования КТ конфронтации доминирует британский дискурс (в 1,5 раза, ср. англ. 5,8 % и укр. 4 %). Разные КТ конфронтации, хотя и являются контекстуально агрессивными, целенаправленно сглаживаются участниками, подчиняясь глобальной стратегии кооперации. Ведущий, не принижая социальный статус респондента (что позволено в шуточной форме в развлекательном ток-шоу), пытается получить больше информации и мыслей по проблеме (информационно-аналитический тип) или о нем самом (информационный тип), что позволяет программе продолжаться до исчерпания ее плана.

Таким образом, исследование коммуникативно-прагматической составляющей британского и украинского дискурса ток-шоу выявило изоморфизм в употреблении собеседниками всех типов РА, за исключением угроз, и алломорфизм в степени активности их употребления. Ведущими и гостями студии используются стратегии кооперации и конфронтации с подавляющим доминированием тактик консентивного характера в британском и украинском медиадискурсах.

Библиографический список

1. Богоявленская Ю.В., Буженинов А.Э. Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 11-18.
2. Кемова К.В. Медиадискурс как объект междисциплинарного исследования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 18. С. 34-43.
3. Бабенко В.В. Семіотичний інструментарій у комунікативній стратегії українського телебачення: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Львів, 2008. 18 с.
4. Доманська М. Новаторські та традиційні риси у форматі ток-шоу як комунікаційного жанру // Електронний ресурс Інтернет: <http://inf.oa.edu.ua/dopovid/domanska.pdf>.
5. Поцелуев С.П. Политические парадialogи. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.
6. Шутяк Лілія. Діалог як іманентна властивість ток-шоу // Електронний ресурс Інтернет: <http://www.mediakrytyka.info/ohlyady-analytyka/dialoh-yak-imanentna-vlastyvyst-tok-shou.html>.
7. Юсипович А.В. Типи програм розважального телебачення України // Електронний ресурс Інтернет: <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=2122>.
8. Яковець А.В. Телевізійна журналістика: теорія і практика. К.: Вид. дім „Києво-Могилянська академія”, 2007. 240 с.
9. Почепцов Г.Г. Теорія комунікації. К.: Українська асоціація паблік рілейшнз, 1996. 175 с.
10. The Jonathan Ross Show // Електронний ресурс Інтернет: <http://www.youtube.com/watch?v=QkHwESW81D4>.
11. Свобода слова // Електронний ресурс Інтернет: <http://svoboda.ictv.ua/ua/index/viewmedia/id/25043/current/338/total/605/page/57>.
12. The Graham Norton Show // Електронний ресурс Інтернет: <http://www.youtube.com/watch?v=qKM4FdApXQA>.
13. Зелена лампа // Електронний ресурс Інтернет: http://tvi.ua/program/2013/12/16/volodymyr_yeshkilyev_idealnoyu_dlya_ukrayi_ny_bula_b_rol_zolotoho_mosty_mizh_skhodom_i_zakhodom.
14. Зелена лампа // Електронний ресурс Інтернет: http://tvi.ua/program/2013/07/08/zelena_lampa_vid_7072013.

15. The Graham Norton Show // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=-O5QIkIf1No>.
16. Зелена лампа // Электронный ресурс Интернет:
http://tvi.ua/program/2013/11/10/nataliya_zabolotna_u_zeleniy_lampi.
17. The Jonathan Ross Show // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=kVkAC7Nub3w>.
18. The Nolan Show // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=TLwBGkcWCRg>.
19. V Graham Norton // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.lucylawless.net/interviews/2003/vgrahamnorton/vgrahamnorton>.
20. Ruby Wax Show // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=zjPggAX5QM4>.
21. The Jonathan Ross Show // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=Yn6Wq7peEjw>.
22. Проти ночі // Электронный ресурс Интернет:
<http://www.youtube.com/watch?v=bTzsr-wIjLc>.
23. Свобода слова // Электронный ресурс Интернет:
<http://svoboda.ictv.ua/ua/index/view-media/id/37097>.

Сведения об авторе

Борисов Алексей Александрович
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой германской филологии
Черниговского национального педагогического
университета им. Т.Г. Шевченко
E-mail: allex-artek@mail.ru

УДК 811.112.2'367.625.

**РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В СТАНОВЛЕНИИ
ПРЕЦЕДЕНТНОГО ХАРАКТЕРА МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА
KÖNNEN**

О.М. Егорова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается развитие грамматического значения модальных глаголов немецкого языка на примере лексемы *können*. Автором раскрывается проблема многозначности этого глагола на разных этапах развития языка, раскрывается роль синтаксических отношений, которые позволяют модальному глаголу *können* стать объектом грамматикализации, то есть грамматической прецедентной единицей.

Ключевые слова: модальный глагол, (не)дейктический способ употребления, грамматикализация, многозначность, парадигма, диспозициональная модальность.

**The Role of the Historical Perspective in the Development of the Precedential
Modal Verb 'können'**

Olga Egorova

The article examines the development of grammar meanings of German modal verbs and, specifically, the verb *können*, pointing out its polysemy at different stages of the development of the language. The author then looks at the role of syntactic relations, which allow the modal verb *können* to become an object of grammatikalization or, in other words, a grammar precedential unit.

Key words: modal verb, (non)deictic way of use, grammatikalization, polysemy, paradigm, dispositional modality.

Цель настоящей статьи заключается в обосновании прецедентного характера одного из модальных глаголов немецкого языка.

Предварить рассмотрение заявленной проблемы целесообразно с представления терминологического аппарата, задействованного в предлагаемой научной дискуссии. Прецедентность языковой единицы понимается в русле прецедентной грамматики как *производность грамматического знака*, как его *когнитивно-семантический признак* и рассматривается в диахронии и синхронии, в парадигматике и синтагматике [1]. В рамках статьи мы остановимся на становлении этого признака в исторической перспективе и затронем парадигматический аспект на базе многозначности модального

глагола, а синтагматический аспект на уровне контекста его употребления.

Отличительным свойством модальных глаголов как грамматических средств для выражения модальности в целом является их грамматическая многозначность. Под многозначностью мы понимаем связь одной и той же грамматической формы / средства не с одним, а с целым рядом грамматических значений.

В этом смысле значения модального глагола *können* образуют морфологическую парадигму. Парадигма понимается в данном случае как совокупность словоформ в рамках одной части речи, которые не изменяют их лексического значения. Любая парадигма, как известно, имеет системный характер.

Особенность модальных глаголов состоит в том, что бóльшая часть их значений носит не лексический, а грамматикализованный характер. Поэтому в центре этой системы находится их первичное или «стержневое» значение, от которого ответвляются онтологически связанные с первичным значением их прецедентные значения. Таким образом, проблема классификации модальных глаголов возникает при вопросе о значении: Имеет ли модальный глагол единственное значение или он многозначен? Если второй случай актуален, то каким образом их различить и описать?

Вопрос о многозначности грамматической единицы неизбежно приводит к выводу о ее много- или полифункциональности, которую отечественные и зарубежные лингвисты единодушно выделяют у модальных глаголов (Т.Н. Бабакина, Е.А. Крашенинникова, К.В. Школина; Т. Birkmann, G. Diewald, S. Kanngießer, F. Palmer, E. Traugott).

Многофункциональность модальных глаголов стоит на пути всех попыток определенной категоризации и делает их интеркатегориальными. Интеркатегориальность – это не выражение случайно начавшегося нарушения порядка в языковой системе, а случай дивергенции, то есть ожидаемый результат исторического процесса грамматикализации при одновременном сохранении менее грамматикализирующихся, лексических способов употребления [2].

Рассмотрим эти процессы непосредственно на модальном глаголе *können*. В современном немецком языке этот модальный глагол служит для выражения различных оттенков возможности. Основное его значение – «мочь», «иметь возможность», «быть в

силах». Кроме своего основного значения, глагол *können* выражает просьбу, пожелание и предположение, которые являются побочными, в нашей терминологии, прецедентными значениями [1].

В лингвистике неоднократно отмечалось, что *können* имеет самую высокую частотность в новонаемецком периоде как в устной, так и в письменной речи. В отличие от новонаемецкого периода, в древневерхнемецком периоде у Тациана вообще не доказано наличие этого глагола. У Отфрида глагол *kunnan* встречается пять раз и имеет значения «знать», «понимать», «мочь». Таким образом, можно сделать вывод о том, что *kunnan* по интенсивности своего употребления в этот исторический период занимает последнее место среди других модальных глаголов [2].

И здесь вскрывается важная роль синтаксических отношений для модальных глаголов. К. Вейсгребер подчеркивает значительное семантическое различие между претерито-презентными глаголами с именным дополнением и с дополнением, выраженным инфинитивом [3]. В то время как связанный с именным дополнением *kennen* имеет «более медиальный характер», а субъект подвержен определенному семантическому влиянию благодаря объекту и смысловой связи, значение *kennen* из-за наложения инфинитива сдвигается и получает явно динамичный оттенок, что означает определенное вхождение формы *kann* в роль вспомогательного глагола.

Как отмечает Г. Дивальд, уже преомодальные лексем-доноры показывают подходящие относительные значения компонентов, которые легко могут быть интерпретированы в смысле модальных относительных структур. У *können* это произошло так быстро и широко из-за функциональной перегрузки *tögen* и семантической близости обеих лексем (*физическое* или *интеллектуальное состояние*), что привело к все более частой замене *tögen* глаголом *können*. Таким образом, *können* из очень редко используемого претерито-презентного глагола в древневерхнемецком языке становится самым используемым модальным глаголом в новонаемецком периоде [2].

В древневерхнемецком периоде происходит расширение значения этого глагола от *духовной / умственной способности* до *изученной, приобретенной способности* и *способности общего вида*. Это употребление уже принято в средневерхнемецком периоде, а от значения «общая способность» субъекта недалеко до выражения

диспозициональной модальности со значением «общая возможность», которое в средневерхненемецкий период уже хорошо представлено и быстро модифицируется до значения *объективной возможности*.

Диспозициональная модальность понимается в немецкой германистике как отражение внутрисубъектных отношений в значениях разрешения, обязанности, приказа и запрета [2]. То есть диспозициональная модальность выражает свойства, способности, расположение субъекта. Диспозициональная модальность предписывает субъекту его состояние, которое иначе можно обозначить как «получение расположения / диспозиции». Диспозициональная модальность реализуется в немецком языке модальными глаголами *können* и *müssen*, например:

(1) Und wir stehen minutenlang da, **können** selber nichts tun und **müssen** lange auf Hilfe warten [2. S.150].

Модальный глагол указывает расположение / диспозицию субъекта *wir*, а именно: *не можем* в смысле «быть не в состоянии» по отношению к дополнению, выраженному инфинитивом *сами ничего сделать*, и *должны* в смысле «вынуждены быть» по отношению к дополнению, выраженному инфинитивом *долго ждать помощи*.

При выражении расположения / диспозиции предполагается также наличие *отправной точки*, в терминах К. Велке [4]. Такой отправной точкой можно считать силу, которая может действовать извне (со стороны), или же это внутренняя сила самого субъекта действия в виде его необходимости, его способности или его внутреннего запрета [1]. Выражаемая в этом случае этими модальными глаголами модальность, в противоположность другим видам модальности, не совсем специфична, то есть не имеет четких границ. В этом случае источник диспозициональной модальности (сила извне или изнутри) наделен признаком [+ диффузный].

Этот признак отграничивает диспозициональную модальность от деонтической и волитивной модальности и, как уже сказано, влечет за собой не-локализацию отправной точки. В предложении (1) источник, который ведет к тому, что субъект ничего не может сделать и должен ждать, не установлен ни как внутренний, ни как внешний. Модальные глаголы *können* и *müssen* не содержат информацию о том, являются ли внутренние свойства субъекта или находящиеся вне субъекта обстоятельства источником расположения / диспозиции.

Решающим моментом для выражения этого вида модальности глаголом *können* является сокращение компонентов значения – духовного / умственного как «внутренней» способности субъекта и связанное с этим ослабление ограничения субъекта, которое приводит к тому, что при *können* становятся возможными также неодушевленные и эксплетивные субъекты.

Таким образом, в средневерхненемецкий период дается широкое поле значений *können*: «мочь / быть в состоянии», «понимать», «уметь», «знать», «мочь». Вместе с тем, этот глагол в средневерхненемецкий период в целом используется еще редко, во всяком случае, значительно реже, чем четыре модальных глагола *tügen, soln, woln, müezen*.

По данным Р. Пейлике, в целом *können* со 110 общими примерами является третьим модальным глаголом после *wollen* и *sollen* по частотности употребления [5]. Он использовался чаще в текстах, которые тяготели к разговорному языку, среди прочего в проповедях и в составленной для широкой публики поучительной литературе. Преобладающее число примеров (около 90) может быть приписано выражению диспозициональной модальности с узким окружением, когда глагол имеет при себе одушевленные субъекты (часто человек) и агентивные дополнения, выраженные инфинитивом. Употребление с именным дополнением прослеживается редко (5 случаев).

В это время появляются как отрицательные, так и неотрицательные предложения с *können*. Источник модальности может быть при этом как не маркирован, так и маркирован, во втором случае он представлен в контексте в виде придаточных предложений, наречий и т. д.

Как уже упоминалось, модальные глаголы интеркатегориальны, что отражается в расхождении грамматикализирующихся функций и касается не только синтаксических, но и семантических моментов. Разницу значений лексических и грамматических вариантов можно извлечь из способов употребления модальных глаголов. В соответствии со степенями грамматикализации для каждого модального глагола выделяют два (по меньшей мере) значения, а именно недейктическое и дейктическое значение.

Лексическое, «менее грамматикализирующееся», в терминах Г. Дивальд, – это недейктическое употребление, а грамматическое,

«грамматикализирующееся» – дейктическое употребление. Это «необычное» различие двух сфер употребления модальных глаголов основывается на тезисе, что их грамматикализация, по сути, есть смена семиотических знаковых классов, при которой первоначально лексический знак переходит в класс (грамматического) дейктического знака [2].

Различие между обеими сферами употребления первоначально семиотически-функциональное. То есть недейктический способ употребления представляет состояние субъекта предложения; при этом модальный глагол является составной частью представленной сцены, который действует, по мнению К. Бюлера, как характеризующий знак, как «имя».

При дейктическом употреблении, напротив, модальный глагол выражает основанную на опыте говорящего достоверную оценку. То есть он не является составной частью представленного содержания, а представляет, как это типично для знакового класса, отношение между языковым представлением и говорящим.

При недейктическом способе употребления субъект предложения, обусловленный влиянием модального источника, находится в модальном состоянии относительно инфинитива (дополнения), то есть субъект предложения является целью модального отношения. При этом следует отметить, что при недейктическом способе употребления речь идет об узком окружении (скопсе). Дейктический способ употребления, напротив, имеет всегда широкое окружение, то есть предложение является целью модальных отношений и модальный источник выражает самый сильный грамматикализирующийся способ употребления [2].

Нижеследующие примеры показывают спектр применения *können* в нововерхненемецком языке в его недейктических способах употребления:

(2) Dem [Heydischen weyblein] gehet jrer Tochter unrath dermassen zu hertzen / das sie nicht **kann** daheym bleyben [2. S. 348].

Dem [heidischen Weiblein] geht das Unglück ihrer Tochter dermaßen zu Herzen, dass sie nicht daheim zu bleiben. ←

Намерение: Da ihr das Unglück so nahe geht, **kann** sie nicht [...].

(3) Wo er eine in eim löffel ertrencken **kann** / da nimbt er keine schüssel zu [2. S. 348].

Wo er einen in einem Löffel ertränken **kann**, da nimmt er keine Schüssel dazu. ←

Неопределенный источник: Wo für ihn die nicht weiter spezifizierte Möglichkeit besteht [...].

В ранненововерхненемецком периоде *können* ориентирован на выражение диспозициональной модальности со значением «знать» и появляется часто как единичная лексема-донор. Развитие *kunnan* «знать, понимать» из древненоверхненемецкого в *können* «мочь» в нововверхненемецком – это типичный канал грамматикализации в немецком языке.

При выражении диспозициональной модальности *können* является конкурентом *tögen* и выступает, как и последний, во всех контекстуальных импликатурах, которые часты у «диспозициональных» модальных глаголов. Диспозициональная модальность, как мы видели, может быть выражена как без указания, так и с указанием источника состояния. Но если выражается одушевленная сущность как источник модальности, то появляется деонтическое толкование глагола *können*.

У Р. Пейлике имеется около 59 % примеров с *können* (с узким окружением) первой половины XVI в., в которых выражается диспозициональная модальность со значением «внутрисубъектная возможность: *x* в состоянии, что *x* сделает для *y*». «Внешнесубъектная возможность» (соответствует приблизительно широкому окружению *können* с недейктическим значением) реализуется в подобный период приблизительно у 26 % всех примеров с *können* [5]. «Гипотетическая возможность», напротив, реализуется еще очень редко через *können*, а преимущественно через *tögen*. Р. Пейлике *отмечает*, что это состояние с легким перемещением в пользу *können* сохраняется еще в период между 1670 и 1730 гг. [5]. Из сказанного следует, что с ранненововерхненемецкого периода быстро происходит вытеснение глагола *tögen* глаголом *können*. Р. Пейлике указывает также, что это замещение происходит по аналогии с развитием семантической абстракции, то есть оно начинается в диспозициональном контексте с узким окружением и лишь позже охватывает применения с широким окружением.

В заключение можно констатировать, что выявленные в исторической перспективе изменения значения *können* свидетельствуют о развитии его грамматического значения с

соответствующей сменой выражаемой им модальности, указывают, таким образом, на становление прецедентного характера этого модального глагола – одного из группы претерито-презентных глаголов немецкого языка.

Библиографический список

1. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2010. 417 с.
2. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen: Max Niemeyer, 1999. 464 S.
3. Weißgraber K. Bedeutungswandel des Präterito-Präsens „kann“ vom Urgermanisch-Gotischen bis zum Althochdeutsch-Frühmittelhochdeutschen. Königsberg: Pr. Gräfe&Unzer, 1929. 92 S.
4. Welke K. Untersuchungen zum System der Modalverben in der deutschen Sprache der Gegenwart: ein Beitrag zur Erforschung funktionaler und syntaktischer Beziehungen. Berlin: Akademie, 1965. 131 S.
5. Peilicke R. Zur Verwendung der Modalverben *können* und *mögen* im frühzeitlichen Deutsch (1500 bis 1730) // G. Fritz, Th. Gloning (Hrsg.): Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer, 1997. S. 209-247.

Сведения об авторе

Егорова Ольга Михайловна
аспирант кафедры теории и практики
немецкого языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: egorovaom45@mail.ru

УДК 811.112.2'37:811.162.'37

НЕМЕЦКИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЛЬКИРОВАНИЯ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА *ZIEHEN* И ЧЕШСКОГО ГЛАГОЛА *TÁHNOUT*)

М.А. Елизарьева

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Статья посвящена проблеме семантических калькировок, вызванных языковым контактом. На материале чешского глагола *táhnout* и немецкого глагола *ziehen* предлагается методика, позволяющая выделить значения полисеманта, являющиеся семантическим калькированием, а также выяснить, было ли данное калькирование последствием контакта с другим языком, для чего предлагается сравнение с эквивалентами из родственных языков, а также рассмотрение более ранних исторических этапов развития языка.

Ключевые слова: семантическое калькирование, языковой контакт, полисемия.

German Semantic Loans in the Czech Language: The Case of the German *Ziehen* and the Czech *Táhnout*

Maria Yelizaryeva

This article studies semantic loans, adopted as a result of language contact. Looking specifically at the Czech verb *táhnout* and the German verb *ziehen*, it proposes a set of methods, which help to identify loan meanings of a polysemic word and to see whether they are a consequence of language contact. These methods include comparison with equivalents from other slavonic languages as well as examining earlier stages of the development of the language in question.

Key words: semantic loans, language contact, polysemy.

Если взглянуть на языковую карту Европы, то мы увидим, что немецкий язык имеет наибольшее число соседей и граничит с германскими, романскими, славянскими и финно-угорскими языками, а потому не только сам испытывал их влияние, но и становился источником изменений в чешском, польском, венгерском, эстонском и других языках. Это объясняет глубокий интерес немецкоязычного научного сообщества к проблематике контакта немецкого языка с языками народов-соседей.

Немецко-чешские языковые контакты неоднократно служили объектом исследований чешских, немецких и австрийских лингвистов, причем внимание уделялось разным аспектам этого взаимодействия: социолингвистической составляющей (Э. Скала), немецким заимствованиям в чешском языке (С. Неверкла), заимствованию немецких грамматических конструкций в чешский

язык (Т. Бергер), немецким лексическим калькированиям в чешском языке (Н. Райтер, А. Пуда), влиянию чешского языка на лексико-грамматическую и фразеологическую систему немецкого языка Праги (Б. Блахак, М. Некула) и Вены (С. Неверкла). Между тем по сей день практически неисследованным остается одно из последствий данного языкового контакта – немецкие семантические калькирования (*Lehnbedeutungen*), также часто называемые расширением значения слова или семантическим расширением (*semantic loans*).

Семантическое калькирование – это «расширение области применений слова родного языка по образцу слова из другого языка, набор значений которого первоначально совпадал с первым только частично» [1. S. 208]. Иными словами, семантическое калькирование имеет место тогда, когда уже существующее в языке слово приобретает дополнительное значение по аналогии с частичным эквивалентом из контактирующего языка [2. S. 32]. Этим семантическое калькирование отличается от лексического, когда в одном языке из существующих морфем (префиксов, корней, суффиксов, окончаний) создается новое слово по образцу слова из другого языка. Если в первом случае у старой формы появляется новое, дополнительное значение, то во втором новое значение появляется в новом языковом знаке, скалькированном с внутренней формы иностранного слова.

В данной статье нам хотелось бы на примере двух многозначных глаголов – немецкого *ziehen* и его частичного чешского эквивалента *táhnout* – продемонстрировать, что языковой контакт может вызвать заметные изменения в семантической структуре многозначного слова, и предложить методику выявления и доказательства семантических калькирований. Материалом для статьи послужили тексты немецкого корпуса *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)* [3] и чешского *Český národní korpus (ČNK)* [4], а также статьи немецко-чешского и чешско-немецкого словарей *Velký česko-německý slovník* [5], *Velký německo-český slovník* [6].

Оба исследуемых нами полисеманта, а также их русский когнат *тянуть* исторически восходят к индоевропейскому корню **tengh-* («тянуть», «натягивать») [7. S. 649], поэтому часть основных значений будет совпадать в силу общей этимологии, а не языкового контакта. Эти основные значения легко выявить, сравнив

употребление *ziehen* и *táhnout* с употреблением глагола *тянуть*. Так как нас интересуют исключительно значения, появившиеся в результате языкового контакта, мы только дадим примеры из немецкого и чешского корпусов, русским эквивалентом во всех случаях будет глагол *тянуть* или *тянуться*.

1. Значение «тянуть на себя, к себе», в том числе в переносном значении «притягивать»:

Nie hätte ich erwartet, dass er mich heftig an sich zog und in meinen Armen schluchzte wie ein kleines Kind (Ingrid Noll. Ladylike);

Boj mezi starým a novým probíhá nejen mezi třídami, ale i v každém jednotlivém člověku... rozumem ví, ale cit ho táhne zpátky (Milan Kundera. Směšné lasky);

Groot und Zille zog es nach Buchting, um von dort aus in See zu stechen. Sie wollten andere Kontinente kennenlernen... (Walter Moers. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär).

2. Значение «тянуть, передвигать за собой»:

An diesem Sonntag wandte er sich mal wieder mir zu, zog mich in die Küche, wo Frau Fuchs saß und auf weitere Instruktionen wartete. (Frank Goosen. Liegen lernen);

“Velmi obdivuhodé,“ řekla jako by se nechumelilo a táhla mě k prázdnému stolu, kde nám lokaj pohotově nalil čaj do stříbrných šálek. (Helena Babická. Jeden okamžik v čase).

3. Значение «затягиваться, долго продолжаться»:

Ich habe nur die Erfahrung gemacht, daß man nach zwei, höchstens drei Verbeugungen damit aufhören sollte, da sich die Angelegenheit sonst ins Unendliche ziehen kann (Thomas Schäfer-Elmayer. Der Elmayer);

Když nastoupila moje mladší dcera do první třídy, ta starší zároveň onemocněla zápallem plic, který se táhl dva měsíce a vypadal velmi nebezpečně (Vlasta, č. 12/2006).

4. Значение «образовывать своей формой линию, тянуться»:

Er trägt einen roten Trainingsanzug von Adidas. Die drei Streifen ziehen sich über die gesamte Fläche. (Benjamin Lebert. Crazy);

Za nimi se táhly písečné duny valící se jedna přes druhou, jako by napodobovaly vlny. (Emili Rodda. Deltora. Ostrov smrti).

Гораздо больший интерес представляют значения чешского глагола *táhnout*, совпадающие с немецким *ziehen*, но переводимые на русский язык с помощью лексических единиц с иной семантикой,

поскольку они могут быть семантическими калькированиями. Далее мы рассмотрим эти значения (перевод наш – М.Е.).

1. Значение «переезжать» (на другую квартиру, в другой город, в другую страну и т. д.). В корпусе DWDS встречаются следующие примеры сочетаемости: *von Bonn nach Berlin ziehen, in einen Vorstadtsum ziehen, zu seinem Freund (seiner Freundin) ziehen, nach Hessen ziehen, in die Ferne ziehen*. ČNK дает такие примеры употребления, как *táhli jsme za prací do Rakous, viděl jsem přes dva miliony sudetských Němců táhnout z Československa*.

2. Значение «двигаться, перемещаться, путешествовать, идти», причем в предложении, как правило, дается указание на пространство, по которому или по направлению к которому человек перемещается. Это может быть улица, город, какая-то местность, лес, горы и т. д.: нем. *Willy Brandt zieht durch die DDR (Вилли Брандт разъезжает по ГДР), Studenten ziehen durch die Innenstadt Belgrads (студенты идут по центру Белграда), Der Erzähler zieht durch verlassene Straßen (рассказчик бредет по пустым улицам), Feinde ziehen durchs Land (враги перемещаются по стране), Wir ziehen in den Wald (мы уходим в лес)*. Чешский корпус дает следующие примеры: *Všichni táhli tři hodiny krajinou (все три часа шли по этой местности), Karolína táhla dál ulicemi (Каролина дальше шла улицами), Pastyce táhnou se stády přes hory (пастухи со стадами ходят по горам), Chlapci táhli k hodinám na náměstí Svobody (Юноши шли к часам на площадь Свободы)*. Как мы видим, глаголы *ziehen* и *táhnout* в данных контекстах переводятся на русский язык по-разному.

В данном значении можно выявить еще один описываемый вид ситуации, когда множество людей или животных движутся по направлению к одному объекту, например: нем. *Demonstranten ziehen zum Bahnhof, Frauen ziehen vor das Rathaus, Alle ziehen zur Sammelstelle*, чеш. *Ryby sem táhly jako zběsilé, Lidí táhli do voleb*.

3. Значение «передвигаться по небу», как правило, употребляется по отношению к птицам или облакам: нем. *Vögel, Wolken ziehen durch den Himmel*, чеш. *ptáci, oblaka táhnou oblohou*. Стоит отметить, что эквиваленты русского выражения *перелетные птицы* в обоих языках образованы именно от глаголов *ziehen* и *táhnout*: нем. *Zugvögel*, чеш. *tažní ptáci*, причем чешский вариант, вероятнее всего, был скалькирован с немецкого.

Возможно, что именно данное значение легло в основу немецкого метафорического выражения *Gedanken ziehen durch den Kopf* и его чешского аналога *myšlenky táhnou hlavou* (в голове проносятся, крутятся мысли). Во-первых, об этом сигнализирует управление глаголов. Если в немецком языке в обоих примерах обстоятельство вводится предлогом *durch* (*Vögel ziehen durch den Himmel*, *Gedanken ziehen durch den Kopf*), то в чешском ему соответствует творительный падеж: *Ptáci táhnou oblohou*, *Myšlenky táhnou hlavou*. Во-вторых, в качестве некоторого подтверждения этого предположения можно привести пример метафоры из *ČNK*: *táhnou stěhovaví ptáci myšlenek*. В отличие от *ziehen*, сочетаемость *táhnout* в данном значении шире – *táhnout hlavou* могут не только мысли, но и музыка, стихи или образы: *hlavou tu táhnou verše, melodie, obrazy*.

4. Значение «отправляться в бой, на войну». В данном случае в обоих языках присутствуют достаточно устойчивые сочетания: *zu Felde ziehen* (*táhnout do pole*), *in die Schlacht, ins Gefecht ziehen* (*táhnout do boje*), *in den Krieg ziehen* (*táhnout do války*). На русский язык они будут переводиться как *отправляться* или *идти в бой, на войну*. Семантическое сходство демонстрируют и существительные, эквивалентные русским выражениям *военный поход* и *крестовый поход*: нем. *Feldzug*, *Kreuzzug* и чеш. *polní tážení*, *křížácké tažení*.

5. Еще одно достаточно узкое значение встречается в контексте шахматной игры: «передвигать фигуры, ходить». Например, *eine Schachfigur ziehen*, *táhnout figuru* (рус. *передвигать фигуру, ходить*), отсюда в обоих языках аналогичные выражения *Wer ist am Zug?* и *Kdo je na tahu?*, переводимые на русский как *Кто ходит?* или *Чей ход?* Любопытно, что сами фигуры в немецком называются также *Steine*, а в чешском *kamenu*, дословно – «камни». Фигура, в русском языке обозначаемая как *офицер* или *слон*, в немецком – *Läufer*, а в чешском – *běžec* (а также *střelec*). Подобные совпадения вполне могут быть объяснены семантическим калькированием, особенно если обратиться к культурному контексту. В средневековой Европе шахматы были привилегией знати, в том числе рыцарей. Поскольку чешская знать находилась под сильным культурным влиянием немецкой, в том числе говорила на немецком языке, вероятность семантического калькирования представляется вполне высокой.

6. Значение «завариваться, настаиваться». Классический пример: *den Tee ziehen lassen*. В чешском его эквивалентом может быть фраза *nechat čaj táhnout* (рус. *дать чаю настояться, завариться*), которая не указана в ни немецко-чешском или чешско-немецком словаре (там предлагаются варианты *nechat vylouhovat*, *nechat stát čaj*, *sprařit čaj*), ни в *Slovník spisovného jazyka českého*, но встречается в корпусе, например: *ČAJ Z ČERNOBÝLU. Přelijeme jednu čajovou lžičku natě 1/4 litrem vařící vody. Asi minutu necháme táhnout, pak scedíme* (Wolfgang Exel. *Proti bolestem bez léků*). Учитывая немецкое имя автора, можно предположить, что чешский вариант является переводом немецкого оригинала и переводчик просто перевел глагол «дословно». Тем не менее, подобное употребление *táhnout* встречается, например, на сайте чешского радио *Český rozhlas: Kopřivový čaj připravíme tak, že 2 čajové lžičky kopřivového listí (sušeného nebo čerstvého) přelijeme 1/4 l vařící vody a necháme 5 minut táhnout* [8]. Возможно, что данное употребление не является фиксированной литературной нормой, а потому отсутствует в словарях.

7. Значение «распространяться» (о запахе), «пахнуть»; обычно при этом указывается, чем пахнет, а иногда также место, где распространяется запах, или его источник: нем. *Der Duft von Holunderblüten zog durch das Zimmer*; чеш. *Ze sadů se táhla nasládlá vůně tlení*. Данные предложения можно перевести как *В комнате пахло бузиной* и *Из сада раздавался сладковатый запах тления*.

Как мы видим, во всех приведенных выше примерах русский глагол *тянуть* не является эквивалентом глаголов *ziehen* и *táhnout*, что наталкивает на мысль о том, что эти значения могли появиться в результате контакта чешского и немецкого языков. Однако их отсутствие у русского когната еще не является доказательством, в связи с чем необходимо обратиться, во-первых, к другим славянским языкам (прежде всего, к польскому), а во-вторых, к более ранним историческим срезам чешского языка.

При сравнении с родственными славянскими языками необходимо помнить, что большинство из них (польский, словацкий, хорватский, сербский, а также украинский – посредством польского) также долгое время находились в контакте с немецким языком, особенно если говорящий на нем народ был политически зависим от немецкоязычных соседей, например Австро-Венгрии, а потому

многие его представители были двуязычны. В таком случае не исключено, что под влиянием немецкого в семантике славянских языков произошли аналогичные изменения. С другой стороны, при обращении к более ранним этапам развития чешского надо учитывать, что история немецко-чешского языкового контакта берет свое начало еще в IX в., а потому калькирования могут быть настолько древними, что определить их происхождение может оказаться невозможным. Сложность выявления происхождения семантических калькировок обусловлена еще и тем, что они, как правило, не фиксируются в этимологических словарях, раскрывающих происхождение формы, но не содержащих информацию о появившихся позднее дополнительных значениях.

Для начала проверим, какие соответствия рассмотренным выше семи значениям существуют в других славянских языках. Если в них не содержатся когнаты чеш. *táhnout*, (укр. *тягнути*, бел. *цягаць*, пол. *ciągnąć*, болг. *тегна*), то с определенной долей уверенности можно считать, что в случае чешского глагола имело место семантическое калькирование.

1. В значении «переезжать»:

- хорв. *preseliti se na selo, u grad, odselit se u München, preseliti se kome*;

- болг. *преселвам се в града, премествам се в друго жилище, отивам до живея при някого*;

- пол. *przenosić się do Berlina, przenieść się na wieś, przeprowadzać się do swojego chłopaka*;

- укр. *переїжджати (в інше місто, країну, в іншу квартиру, до свого хлопця)*.

2. В значении «путешествовать, идти, передвигаться»:

- хорв. *demonstranti su išli prema vijećnici*;

- пол. *demonstranci ruszyli w kierunku ratusza, iść przez miasto*;

- укр. *йти по вулиці (йти вулицею), йти по місту*;

- бел. *ісці на гораду, на вуліцы*.

3. В значении «передвигаться по небу»:

- хорв. *oblaci se vuku nebom, ptice lete na jug, mnogo misli prolazili su joj glavou*;

- болг. *Птиците отлитат на юг, облаците се носят по небето*;

- пол. *ptaki ciągną na południe, chmury biegną, płyną po niebie*;

- укр. *хмаринки плывуть по небу, птахи літають у небі*;

- бел. *воблакі (хмары), птушкі ляцяць*.
- 4. В значении «отправляться на войну» (*in den Krieg ziehen*):
  - хорв. *otići, odlaziti u rat*;
  - болг. *отивам на война*;
  - пол. *iść, pójść, wyruszyć, udać się na wojnę*;
  - укр. *відправлятися/йти на війну, в бій*;
  - бел. *адправіцца на вайну*.
- 5. В значении «ходить» в шахматах:
  - хорв. *povući figury, konja, kralici*;
  - болг. *местя фигури*;
  - пол. *Ruszać się, czyj ruch? Robić ruch więźą*;
  - укр. *робити хід (у шахах), хто ходить*;
  - бел. *хадзіць, чый ход?*
- 6. В значении «заварить чай», «дать чаю настояться»:
  - хорв. *ostaviti čaj da obstoji tri minute*;
  - болг. *чаят трябва да стои запарен пет минути*;
  - пол. *Parzyć, robić herbatę, zostaw herbatę, niech naciągnie*
  - укр. *дати чаю заваритися/настоятися*;
  - бел. *заварыць гарбату*.
- 7. В значении «пахнуть»:
  - хорв. *dim se uvikao u sobu*;
  - пол. *pachnie w całym domu; rozchodzi się zapach róż*
  - укр. *пахнути, мати запах (трояндами, троянд)*;
  - бел. *у пакоі пахне ружама*.

Как видно из приведенных выше примеров, когнат *táhnout* встречается только в двух выражениях из польского языка: *zostaw herbatę, niech naciągnie; ptaki ciągną na południe*. Если учесть, что в остальных языках для выражения тех же содержаний используются лексические единицы с иной семантикой, а также то, что польский язык, как и чешский, на протяжении долгого времени находился в контакте с немецким, то здесь, по всей вероятности, мы также имеем дело с семантическим калькированием. Кроме того, примеры из хорватского языка (*dim se uvikao u sobu; povući figury, konja, kralici; oblaci se vuku nebom*) тоже обращают на себя внимание, поскольку в них использован глагол *vući (se)*, этимологически являющийся когнатом русского *влечь, волочь* и чешского *vléct* и перенявший на себя в хорватском значение «тянуть». Можно предположить, что семантическое калькирование имело место и здесь. Что касается

исследуемых нами значений *táhnout*, то можно заключить, что если они не свойственны его когнатам, то их происхождение, судя по всему, есть следствие контакта с немецким языком. Для того чтобы это подтвердить, обратимся к историческим срезам чешского языка.

Мы рассмотрим три исторических этапа развития чешского языка: древнечешский (*staročeština*, XIII – нач. XVI в.), старочешский (*staří čeština*, XVI – сер. XVIII в.), новочешский (*novočeština*, с сер. XVIII в.).

Словари древнечешского языка (*Malý staročeský slovník, Slovníček staré češtiny, F. Šimek*) дают следующее толкование глагола *táhnúti*: **táhnúti, tiehnúti, -nu, - táhnout, vytahovat; (nač) usilovat oč, zasazovat se oč: na to všechny tiehniechu o to všechny usilovaly; táhnútiš, tiehnúti se brát se, bližít se; (nač) dovolávat se čeho, spoléhat nač; usilovat oč, zasazovat se oč; (k čemu) směřovat, tíhnout (v. též netáhnúti)** [9].

На русский язык данные значения можно перевести как *тянуть; вытягивать; стремиться к чему-то; выступать / ратовать за что-то; приближаться; перемещаться; позволять себе что-то*. Поиск в текстовом корпусе древнечешского дал следующие результаты: из интересующих нас семи значений современного глагола *táhnout* в корпусе встретилось лишь одно – в выражении *táhnout do pole: Těch časuov kúřimské kniežě, vida božieho sluhy pýchu, jeho na svéj mysli potupně nesa, jal se kněžství České země překážěti, rozličně i veliké násilé činiti tak, ež musil svatý Václav s velikú vojskú na pole proti němu táhnúti, nedada své země viece hubiti* (*Život svatého Václava, 1379*). Кроме того, неоднократно глагол *táhnúti* используется в значении «передвигаться, двигаться с войском», которое сохранилось в современном чешском языке, например: *A když za těch časuov jedni cizozemci, na vše strany hubiec, na Franskú zemi táhli, tehda Julianus cesař, chtě proti nim táhnúti, kázal mezi rytieřstvo veliké penieze rozdati* (*Pasionál, Knihy o životech svatých, 1476 (?)*).

Итак, выражение *táhnout do pole* существовало в чешском языке еще в XIV в., поэтому однозначно считать его семантическим калькированием мы не можем, но учитывая, что чешский язык уже в то время испытывал на себе влияние немецкого, это предположение исключить нельзя. Остальные значения ни в словарях, ни в корпусе древнечешских текстов не зафиксированы.

Теперь обратимся к старочешскому периоду. Здесь материалом послужит картотека Лексической базы данных гуманистического и барочного чешского языка (*Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*). Из 207 карточек с контекстными примерами использования глагола *táhnúti* [10] 11 содержат два интересующих нас значения, а именно «идти, передвигаться, путешествовать» и «уходить на войну», например: *Táhna pak Ezop skrze města a země Řecká* (*Ezop* 1557. ed. Truhlář, str. 7, 3); *Arcikněža táhl svou cestou skrze N.M. Pražské k bráně Vyšehradské* (*Teige Míst* I, 1, 88, 1558); *Pan Rašín táhl na vojnu* (*PoprHrad* 33). Как мы видим, в более ранний исторический период развития чешского языка эти значения отсутствовали.

Последний этап – это эпоха национального возрождения (XVIII-XIX вв.), сопровождавшаяся языковым пуризмом, ставившим своей целью искоренение прочно вошедших в чешский язык германизмов. В данном случае источником для сбора материала послужил чешско-немецкий словарь, изданный крупнейшим деятелем национального возрождения Йозефом Юнгманом в 1834-1839 гг. [11].

В статье, посвященной глаголу *táhnauti* [11. S. 540-542], присутствуют 5 из 7 исследуемых нами значений: 1) «передвигать фигуру» в шахматах: *Táhnauti kámen we hře šachové – den Stein ziehen (im Spiele)*; 2) «переезжать»: *Do jednegu domu táhnauti – in ein Haus zusammenziehen*; 3) «идти, передвигаться»: *Do nas se diwal, když jsme k Praze táhli*; 4) «отправляться в бой, на войну»: *Do pole táhnauti – in den Krieg ziehen, když táhnau vojáci – wenn die Soldaten marschieren, s vojském někam táhnauti – einen Feldzug machen*; 5) «передвигаться по небу»: *Ptáci táhnau – Vögel ziehen; oblaky táhnau*. Значения «заваривать» (чай) и «пахнуть» не встречаются, возможно, что они появились позднее.

Статья из словаря Юнгмана занимает практически три страницы, а большая часть значений *táhnauti* переводится на немецкий с помощью глагола *ziehen*. Это говорит о чрезвычайном развитии полисемии данного глагола в XVII-XIX вв. под влиянием немецкого языка. Если учесть, что чешские земли с 1620 г., после битвы на Белой горе, вплоть до провозглашения независимости Чехословакии были частью Австро-Венгрии и немецко-чешский языковой контакт вошел в свою наиболее интенсивную стадию, то появление огромного числа семантических калькирований в этот период вполне ожидаемо.

Подведем итоги. Наше предположение о том, что некоторые значения чешского глагола *táhnout* являются семантическими калькированиями немецкого глагола *ziehen*, не может быть однозначно подтверждено, однако о его высокой вероятности говорит следующее: 1) в других славянских языках аналогичные значения когнатов *táhnout* практически не зафиксированы; 2) исследуемые значения появлялись у глагола постепенно и на разных исторических этапах. Интенсивность продолжительного немецко-чешского контакта была вполне достаточной для того, чтобы способствовать появлению семантических калькирований и развитию полисемии, особенно на более поздней стадии контакта.

Библиографический список

1. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. München: Lehnen Verlag, 1950. 414 S.
2. Martins E. Studien zur Frage der linguistischen Interferenz. Lehnprägungen in der Sprache von Franz von Kazinczy (1759-1831). Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1970. 373 S.
3. Das Digitale Wörterbuch der deutsche Sprache // Электронный ресурс Интернет: <http://www.dwds.de/>.
4. Český národní Korpus // Электронный ресурс Интернет: <https://korpus.cz>.
5. Siebenschein H. a kol. Velký česko-německý slovník. Praha: Leda, 2006. 1667 S.
6. Siebenschein H. a kol. Velký německo-český slovník. Praha: Leda, 2006. 1815 S.
7. Rejzek J. Český etimologický slovník. Praha: Leda, 2001. 752 S.
8. Český rozhlas // Электронный ресурс Интернет: http://m.rozhlas.cz/dvojka/rady/_zprava/rada-pro-tento-den-116--743127.
9. Vokabulář webový. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i. // Электронный ресурс Интернет: <http://vokabular.ujc.cas.cz>.
10. Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny // Электронный ресурс Интернет: <http://madla.ujc.cas.cz/doklady/hledani/150/?vyraz=t%u00e1hnouti&jeLemma=True&jeHeslo=False&pocetRadku=100&rozlisovatVelikost=True>.
11. Jungmann Josef. Slovník česko-německý Josefa Jungmanna. Praha: Kněžecí arcibiskupská knihtiskárna: Josefa wdowa Fetterlowá. 988 S.

Сведения об авторе

Елизарьева Мария Алексеевна
аспирант кафедры общего
и сравнительного языкознания МГЛУ,
преподаватель кафедры немецкого языка
МГИМО (У) МИД России
E-mail: maryscreek@mail.ru

УДК 811.161.1'42

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ШКОЛЬНОМ СОЧИНЕНИИ

Н.Г. Круглова

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

В данной статье рассматриваются элементы языковой картины мира, присутствующие в сочинениях школьников. Задачей статьи является характеристика языковой картины мира, ценностей, концепта, семантического поля и аспектов использования этих понятий при анализе дискурса школьного сочинения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого анализа дискурсивной специфики названных категорий. Новизна исследования состоит в обращении к индивидуально-авторской картине мира и выявлению присущей ей фрагментарности на примере сочинений школьников.

Ключевые слова: языковая картина мира, ценность, концепт, семантическое поле, дискурс, школьное сочинение.

Elements of the Linguistic Picture of the World in Essays of Secondary School Students Natalya Kruglova

The article discusses elements of the linguistic picture of the world that are present in essays of secondary school students. The objective of the article is to characterize the linguistic picture of the world, values, concepts, semantic fields and usage aspects of these concepts within the secondary school essay discourse. The study paves the way for further analysis of the discourse in question as it looks at the writers' personal picture of the world, characterized by a fundamental incompleteness, as evidenced in students' essays.

Key words: linguistic picture of the world, value, concept, semantic field, discourse, essay.

1. Введение

Данная статья посвящена некоторым особенностям дискурса школьного сочинения. Вслед за Н.Д. Арутюновой, под дискурсом будем понимать «связный текст, в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [1. С. 136-137]. Сочинения-рассуждения, посвященные аксиологической тематике, являются одним из частных дискурсов. В работе с помощью методов наблюдения и описания выделяются элементы языковой картины мира (ЯКМ), отраженные в школьном сочинении, а также языковые элементы, выражающие ценностно-концептуальное содержание указанных работ.

Материалом исследования послужили фрагменты сочинений-рассуждений, содержащие интерпретацию различных аксиологических концептов. Целью статьи является описание основных черт методики выявления элементов языковой картины мира, содержащихся в творческих работах школьников. Термины «языковая картина мира», «концепт», «ценность», «семантическое поле» являются частью терминологического инструментария, обеспечивающего наблюдение, описание и анализ аксиологических концептов в сочинении-рассуждении.

2. Компоненты языковой картины мира в школьном сочинении

Языковая картина мира (национальная языковая картина мира) – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности [2. С. 30, 233]. А. Зализняк, И. Левонтина и А. Шмелев считают, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив, смысловые компоненты, входящие в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом дискуссии между разными носителями языка и поэтому не входят в общий фонд представлений, формирующих языковую картину мира [3]. В школьном сочинении можно встретить оценки обоих видов – неявные и являющиеся предметом обсуждения, то есть закрепившиеся и не закрепившиеся в языковой картине мира.

Языковая картина мира является «наивной» в том плане, что отличается от «научной» картины мира. При этом отраженные в языке наивные представления не менее сложны и интересны, чем научные [4. С. 89].

В ряде научных трудов, посвященных художественному творчеству, затрагивается проблема индивидуально-авторской языковой картины мира. В настоящее время изучение индивидуально-авторской картины мира – одно из наиболее распространенных направлений в области лингвистических исследований [5. С. 5-17]. Индивидуально-авторская картина мира характеризуется

принципиальной неполнотой, которая отражается и в сочинениях школьников.

Языковая картина мира – сложное явление, заключающее в себе несколько уровней и отражающее структуру человеческого сознания. Коллективное сознание представляет собой абстрактную совокупность индивидуальных сознаний всех членов определенного социума, оно включает все типическое и не включает чисто индивидуальные особенности. О.А. Корнилов выделяет в национальном сознании четыре компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный, нравственно-ценностный [2. С. 228].

Сенсорно-рецептивный компонент сознания является определяющим при формировании национального мироощущения.

Логико-понятийный компонент отражает «национальную логику», национальный склад мышления.

Роль эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного компонентов обыденного сознания в формировании национальной языковой картины мира очень велика. Эти два компонента относительно тождественны по своим функциям: выполняют субъективно-оценочную функцию, ответственны за формирование субъективно-национального отношения ко всему, что отражается в языке, т. е. за формирование национальной «мирооценки».

Оценки, формируемые эмоционально-оценочным компонентом сознания, можно условно назвать первичными, простейшими или оценками первого уровня, которые непосредственно фиксируют именно эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому.

Результатом работы нравственно-ценностного компонента сознания являются более сложные оценки. Эта сложность распространяется как на объект оценивания, так и на саму оценку. Оценки этого типа можно условно назвать оценками второго уровня. Они применяются по отношению не к отдельным объектам или простейшим ситуациям, а по отношению к наиболее типичным социально значимым ситуациям, моделям поведения в таких ситуациях, по отношению к жизненно важным для любого социума категориям. Оценки второго уровня – это результат обобщения коллективного жизненного опыта, осмысления общественной практики, квинтэссенция народной мудрости. Эта оценка указывает

на закономерные связи между отдельными явлениями, раскрывает причинно-следственные зависимости, предписывает конкретные действия в тех или иных ситуациях, определяет относительную ценность явлений, формирует иерархию ценностей и т. д.

Лингвистическое воплощение двух типов оценок, порождаемых каждым из двух «оценочных» компонентов сознания, различно. Носителями оценок первого уровня (эмоциональных оценок) являются особые слова, составляющие в любом языке семантическое поле субъективных оценок, и вся коннотативная зона национального языка. Носителями оценок второго уровня («ценностных» оценок) могут являться слова и другие языковые элементы, обозначающие аксиологические концепты, но в наибольшей степени таковыми являются пословицы и поговорки того или иного национального языка.

Рассмотрим некоторые черты языковой картины мира на примере сочинения-рассуждения (здесь и далее стиль, орфография и пунктуация первоисточника сохранены):

В рассказе Т.М. Джафарли рассказывается о дуэли, из-за которой погиб известный человек – Пушкин, он защищал свою честь и честь своей семьи. Автор хочет показать своим рассказом проблему нашего общества 21 века. Ведь проблема нашего общества – это то, что мы совсем перестали осознавать все свои ценности. Например, свою честь мы даем оскорблять и, не придавая этому значения, что кто-то оскорбил ее.

С мнением автора я полностью согласна. Раньше за свою честь боролись на дуэли не на жизнь, а на смерть, а теперь даже не знают, что это такое. Несколько лет назад честь человека – это было самое дорогое, а сейчас некоторые могут сказать, что честь – это так просто слово и ничего оно не значит.

Оказалась я случайно в 7 классе и увидела их отношение друг к другу, они оскорбляли друг друга, а услышав замечание, они мне сказали: «Не лезь, все нормально, мы так общаемся». Вот и сделала я для себя вывод, что в наше время нет никакого уважения друг к другу!

В данном текстовом фрагменте аксиологические элементы картины мира представлены лексическими единицами (ЛЕ) «дорогое», «ценность», «уважение», «оскорблять» (последняя ЛЕ выражает «антиценность», но без нее шкала ценностных

представлений была бы неполной). По-видимому, данные ЛЕ выражают такое содержание, ценность (антиценность) которого не может быть оспорена. Что касается обсуждаемого понятия («честь»), то, согласно приведенному выше мнению А. Зализняк и других авторов, соответствующее слово не входит в языковую картину мира, так как его содержание в данном случае является предметом обсуждения. Однако это касается, по-видимому, только индивидуально-авторской картины мира, присущей автору и его оппонентам. В русской ЯКМ концепт «честь» занимает важное место, что отражено, например, в многочисленных паремиологических единицах, в сочетаемости слова «честь», в изобилии фразеологизмов с участием этого слова [6].

К эмоционально-оценочным компонентам ЯКМ можно отнести разговорную конструкцию «не лезь» (односоставное предложение со значением побуждения плюс лексическое наполнение – слово «лезть» в разговорном значении «вмешиваться во что-либо»). В состав нравственно-ценностного компонента входят, например, смыслы, передаваемые словами «честь», «ценность», «уважение», поскольку соответствующие понятия осмысливаются автором сочинения, участвуют в доказательствах и обоснованиях авторской позиции.

Выражение ценности в школьном сочинении

Для описания картины мира важно понятие ценности, под которой будем понимать «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [7. С. 93-96]. В аксиологии существуют различные классификации ценностей. Ценности, традиционно относимые к рангу духовных: эстетические, нравственные, религиозные, правовые и общекультурные (образовательные) – рассматриваются как части, составляющие единое целое, называемое духовной культурой [8. С. 421, 444]. Ценностью для человека может быть все, имеющее для него положительное значение. На эмоционально-оценочном уровне у каждого отдельного человека ценности отражают представления о пользе, связаны с приятными воспоминаниями. Но ценности (истина, любовь, добро, красота) по сути своей объективны, независимы от их отдельных носителей. Ценности для людей и народа всегда существуют в виде истин, морали религиозной, национальной.

Представления школьников о нравственных ценностях формируются в процессе отбора нравственно-ценностных категорий из некоторого тематического перечня, включающего такие понятия, как «честь», «совесть», «трудолюбие», «справедливость», «бескорыстие». В текстах сочинений выражены представления школьников как о всеобщих (национальных, общечеловеческих), так и об индивидуальных ценностях. Обратимся к фрагменту сочинения, посвященному такой ценности, как трудолюбие:

В статье Натальи Ивановской затрагивается важнейшая серьезная проблема утраты уважения к трудолюбию. Она очень актуальна сегодня, соотносима с нравственными, духовными проблемами. Автор не может смириться с тем, что в будущем люди утратят эту способность, а так не должно быть. Любовь к труду должна присутствовать всегда.

Во-первых, с тем, что труд и трудолюбие утратили свою актуальность. Ведь теперь для людей важна их заработная плата и продвижение по карьерной лестнице. Иногда люди ради этого идут даже на необдуманные поступки. Неслучайно в народе говорится «о добре трудиться – есть чем поживиться».

А если принять во внимание мнение писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина, создателя сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», то убеждаешься, что трудолюбие спасает мир, также можно добавить, что добро побеждает зло. Ведь два генерала были нерасторопные, неповоротливые, за свою жизнь ничего не делали. А мужик, напротив, уже в годах, простая душа, всю жизнь работал и кормил себя сам. Как и говорится «лень мужичка не кормит».

То, что трудолюбие является ценностью в представлении автора сочинения, проявляется в том, что автор соотносит данное понятие с другими нравственными ценностями, отмечает его актуальность, пытается вывести его из морали, присущей произведениям русской литературы. Разумеется, данный фрагмент сочинения содержит логические и смысловые недочеты, не учитывает таких сторон трудолюбия, как добросовестность, старание, усердие. В таких случаях возникает вопрос об индивидуально-авторском представлении данной ценности.

Аксиологические концепты в школьном сочинении

Языковая картина мира актуализируется в наиболее важных культурных концептах языка. Мы примем в качестве рабочего определения следующее: ключевые концепты культуры – обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. [9. С. 104]. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина и т. п. Носитель языка является носителем определенных концептуальных систем, где концепты представлены как ментальные сущности [9. С. 104]. Для выявления концепта необходимо выявление некоторых признаков, предметных действий с объектами, конечных целей и оценок этих действий.

Природа концепта предполагает существование целого ряда смежных понятий и терминов: концепт, значение и понятие. Концепты – это посредники между словами и экстралингвистической действительностью. Они значительно шире лексического значения слова и соотносятся со словом в одном из его значений.

В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений мнений, борьбы различных взглядов, жизненных позиций, точек зрения.

В лингвистической науке существуют три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт – наименование содержания понятия, синоним смысла.

Первый подход, представителем которого является Ю.С. Степанов, имеет в основе культурологический аспект: культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Тогда концепт – основная составляющая культуры в ментальном мире человека. При таком понимании термина «концепт» роль языка второстепенна. Он выступает как вспомогательное средство реализации фрагментов культуры.

Второй подход к пониманию концепта (Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) [9. С. 147] отражает мысль о семантической (знаковой) наполненности содержания концепта. Единственным средством формирования концепта, по мнению этих ученых, является семантика языкового знака. Согласно взглядам

Н.Д. Арутюновой, концепты формируют культурный слой, связывающий человека с миром. Система языковых знаков рассматривается как инструментарий в репрезентации (кодировании) и трансформации концептуальной информации. Концептами считаются наиболее актуальные и ценные для данной культуры явления действительности, зафиксированные в наибольшем количестве языковых единиц, фразеологизмах, пословицах, поговорках, поэтических и прозаических текстах.

Сторонниками третьего подхода являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др., считающие, что концепт является результатом сочетания значения слова с индивидуальным и народным опытом человека, являясь посредником между словами и действительностью [9. С. 148].

Мы принимаем второе понимание концепта, которое опирается на положение о том, что концепт формируется языковыми средствами. Мы рассматриваем текст как знаковое образование, выражающее сложный смысл, частью которого является концептуальная информация.

Концепты, отображенные в национальном языке, становятся своеобразными маркерами, определяющими разнородную деятельность человека. Так, концепт «истины / правды» предопределяет модели поведения человека, что проявляется, в частности, в использовании серии пословиц и поговорок, бытующих в культурно обусловленном опыте любого народа, при выражении оценки поступков и даже помыслов [10].

Лексема «честь» называет один из самых фундаментальных культурных концептов – «честь», относящийся к закрепленным опытным путем концептам культуры. Ю.С. Степанов «честь» наряду с другими базовыми концептами («совесть», «бескорыстие») называет константами. «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [11. С. 76-78].

Аксиологические концепты в их языковом и речевом воплощении представлены в текстах школьных сочинений-рассуждений. Тексты школьных сочинений отражают результаты интерпретации аксиологических концептов «честь», «совесть», «трудолюбие», «бескорыстие», «справедливость» в сознании школьника. При этом школьник должен владеть лексическими значениями этих слов, знать их синонимические и иные смысловые

связи, особенности их лексической и синтаксической сочетаемости. Необходимо знание того, как употребляется эта лексика в русской классической литературе, в пословицах и поговорках. Например, концепт «трудолюбие» представлен в различных сочинениях соответствующим словом, словосочетаниями, синонимами, оценочными определениями, паремиологическими единицами:

Трудолюбие – любовь к труду, стремление много трудиться, работать, усердие; это качество очень хорошее, труд продлевает жизнь, существование, это заработок, очень хорошее качество, без труда не выживешь; труд заслуживает уважения, потому что «без труда не выловишь и рыбку из пруда».

Семантическое поле как инструмент выражения концептуальной информации

Из понятий, выражающих языковое воплощение концептов, важным является понятие семантического поля. Лексико-семантическая система представляет собой иерархию семантических полей, объединяемых, с одной стороны, в более крупные сферы лексики, а с другой – включающих менее многочисленные по количеству единиц и вполне обозримые микрополя. Семантическое поле трактуется в лингвистике по-разному. Это нашло отражение в научных трудах Й. Трира [12; 13], А.В. Бондарко, И.И. Мещанинова, Л.М. Васильева [14], И.М. Кобозевой [15], А.И. Новикова и Е.И. Ярославцевой [16]. В современной лингвистике термин «семантическое поле» обычно применяют для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим (интегральным) семантическим признаком, иными словами – имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения.

Поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент, и может объединять в своем составе разнородные языковые средства, принадлежащие к различным грамматическим классам или уровням языка. Условием включения языковых единиц в семантическое поле является наличие общих (категориальных) сем у объединяемых языковых единиц. Концепты «честь», «совесть», «трудолюбие» и др. воплощены в виде систем семантических полей, что находит свое выражение в системах языковых и речевых средств выражения этих ментальных образований. Описание соответствующих семантических полей

служит основой установления смысловых связей лексики, что необходимо для создания текстов-рассуждений. В приведенных выше примерах, посвященных концепту «трудолюбие», представлены разноуровневые языковые и речевые средства его выражения.

3. Выводы

Таким образом, в текстах сочинений-рассуждений представлена языковая картина мира, включающая, в частности, аксиологические концепты. Концептуально-аксиологический анализ таких текстов предполагает выделение языковых знаков, выражающих данные концепты, их упорядочение и интерпретацию. В текстах сочинений-рассуждений обнаруживаются как элементы национальной картины мира, так и индивидуально-авторские оценки и интерпретации национальных концептов. Изучение иерархии этих двух концептуальных уровней – предмет дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Электронный ресурс Интернет: [lingvoda.ru>transforum/articles/zaliznyak_a1.asp](http://lingvoda.ru/transforum/articles/zaliznyak_a1.asp).
4. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. 767 с.
5. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5-17.
6. Круглова Н.Г. Лексико-семантическая структура аксиологических концептов в школьных сочинениях // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 // Электронный ресурс Интернет: [www.science-education.ru /131-23360](http://www.science-education.ru/131-23360).
7. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. Н. Новгород: ННГУ, 2007. С. 93-96.
8. Философия: Учебник // В.Г. Кузнецов, И.Д. Кузнецова, В.В. Миронов, К.Х. Момджян. М.: ИНФРА-М, 2004. 519 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

10. Чижова Л.А. Понятия концепта и системы концептов в теории коммуникации // Электронный ресурс Интернет: http://genhis.philol.msu.ru/article_162.shtml.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 824 с.
12. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Heidelberg, 1931. 347 S.
13. Trier J. Sprachliche Felder // Zeitschrift für deutsche Bildung. 1932. 8/9. S. 417-427.
14. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
15. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
16. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М.: Наука, 1990. 136 с.

Сведения об авторе

Круглова Наталья Генриховна
аспирант кафедры современного русского языка
и общего языкознания
ННГУ им. Н.А. Лобачевского
E-mail: cruglowanatalya@yandex.ru

УДК 811.521'282

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ СЛОГОВ *HI* И *SHI* В ТРАДИЦИОННОМ ТОКИЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Ю.Ю. Панченко

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

В статье рассматривается одна из основных фонетических особенностей традиционного токийского диалекта – смешение звуков [с] и [х] перед гласными переднего ряда. Исследуется история возникновения этого явления, лингвистические и нелингвистические (территориальная ограниченность районом Ситамати, социально-профессиональный статус говорящих) особенности в употреблении, а также степень его распространенности в современном Токио.

Ключевые слова: токийский диалект, то:ке:го, ке:цу:го, японская диалектология.

The Pronunciation of the Syllables *hi* and *shi* in the Traditional Tokyo Dialect **Yury Panchenko**

The article examines one of the most typical linguistic features of the traditional Tokyo dialect – namely, the confusion of the sounds [s] and [ç] before front vowels. It looks at the history of this phenomenon and its linguistic and non-linguistic peculiarities, including its territorial limitedness to Shitamachi district, the social and professional status of those who use it, as well as its frequency in contemporary Tokyo.

Key words: Tokyo dialect, tokyogo, kyotsugo, Japanese dialectology.

Общий язык Японии *ке:цу:го* и язык Токио, послуживший фундаментом при его становлении, нередко отождествляются. Однако такое отождествление неправомерно, поскольку языковая ситуация в Токио на протяжении всей истории города характеризовалась сложностью, связанной с одновременным функционированием в токийском обществе языковых форм, относящихся к разным языковым системам. Из них особо следует выделить традиционный токийский диалект, обладающий рядом специфичных черт, не вошедших в общий язык, но тем не менее в той или иной степени встречающихся и в наши дни [1. С. 19].

Уровень распространенности различных языковых особенностей токийского диалекта в современном Токио различен. Отчасти это обусловлено исторически крайне важным территориальным (а впоследствии и социально-профессиональным) разделением Токио на две части: Ситамати и Яманотэ, что приводило к консервации употребления различных языковых форм в пределах

того или иного района. Если в Яманотэ (нагорная часть Эдо-Токио) исторически размещались поместья чиновников, аристократов, представителей самурайского сословия, то в Ситамати (прибрежная часть города) селились преимущественно ремесленники, торговцы и простые горожане. В связи с таким социально-профессиональным разделением языковые формы, употреблявшиеся в Яманотэ и Ситамати, значительно различались. Первые испытали сильное влияние столичного диалекта (диалект г. Киото), в то время как вторые были структурно близки к кантоским диалектам – диалектам окружающих Токио префектур. Именно связь с кантоскими диалектами придавала токийской речи специфическую окраску, обуславливала особенности токийского диалекта, в частности в области фонетики.

Одной из основных фонетических особенностей традиционного токийского диалекта (по крайней мере, района Ситамати) является частое произнесение звука [с] (переднеязычный щелевой мягкий глухой согласный звук) вместо [х] (среднеязычный щелевой мягкий глухой согласный) перед гласными переднего ряда. Таким образом, слоги *хи*, *хяку* и т. п. реализуются в речи некоторых токийцев как *си*, *сяку* и т. д. [2. Р. 9]. По-видимому, это обусловлено похожей артикуляцией обоих звуков (растянутые губы и близкие положения языка) при общей слабой работе органов ротовой полости и быстром темпе речи.

Можно сделать вывод, что эта произносительная особенность появилась в Токио в конце эпохи Эдо (1603-1868 гг.) – начале эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.), поскольку более ранние памятники, где бы она была отмечена, отсутствуют. В японско-английском словаре 1867 г., составленном американским миссионером Дж. Хэпберном, среди одной из особенностей речи Эдо указывается: «произнесение *хи* как *си*» [3. Р. 311]. Например, *хибати* («жаровня») как *сибати*, *хиноки* («японский кипарис») как *синоки*. А в романе Фтабатэя Симэя «Плывущее облако» (1887-1889) мать главного героя вполне осознанно произносит *сито* вместо *хито* «человек» и *ситоцу* вместо *хитоцу* «один» [цит. по: 3. Р. 312].

Такое смешение способно привести к недопониманию, поскольку можно указать минимальные пары, различающиеся только этими звуками: например, *хитай* «лоб» > *ситай* «труп», *хицуе*: «необходимый» > *сицуе*: «настойчивый, упрямый». Нередки случаи,

когда оно приводило к курьезным ситуациям. Например, Ке:су Томомицу вспоминает о том, как таксист на просьбу ехать в Хибия доставлял пассажира в Сибуя (оба – районы Токио) [4. Р. 161]. А Кусумото Кэнъити приводит случай, когда некий господин Хикима во время просьбы по телефону соединить его с начальником компании вследствие неспособности различить *хи* и *си* представлялся как Сикима, что в общем языке означает «ловелас» [5].

По-видимому, замена *хи* слогом *си* производилась вполне регулярно. Коренной токиец Ке:су Томомицу утверждает, что в его детстве все окружающие взрослые в подавляющем большинстве случаев произносили *си* вместо *хи*. Например, предложение из речи его деда [4. Р. 160]:

Тикагоро то кита си ня: домо, коматта мон да нэ: «В последнее время сложнее стало [жить]»

Интересно, что по утверждению Ке:су, диалектное произношение слова *хи* «день» в данном случае приобретает дополнительный оттенок смысла «время, случай», в то время как стандартное *хи* такого оттенка в себе не несет и используется для обозначения дня в более узком смысле.

Любопытный материал для анализа предоставляют записи бесед с жителями разных районов Токио, проведенных в 1974 г. Акинагой Кадзуэ.

1. Хатте:бори. Собеседник – мастер по железу О:тани Дайдзиро (1905 г. р.):

Соно сирой... родзи... о о:родзи ттэ иттэта «Этот широкий проспект называли о:родзи» [6. Р. 26].

2. Ситая. Собеседник – резчик Уэно Мицуюки (1901 г. р.):

Си но дзи о иягаттэ йу сито мо аримас га. «Есть и люди, которым не нравится символ *си* [и вместо него они употребляют *ен*]» [6. Р. 36];

Си дэ аттамэтэ яру баай га аримас «Бывают случаи, что на огне подогревают» [6. Р. 37].

3. Асакуса. Собеседник – художник укие-э Китадзима Хидэмацу (1905 г. р.):

Кимон киру осярэ-на сито ва корэ о китэ аруку «Модные люди, которые носят кимоно, ходят, надев это» [6. Р. 39];

Мукаси ва нэ:, коно се:бай ва момосики дэ ятта «Раньше этим делом занимались в длинных штанах (момохики)» [6. Р. 40];

Тэкия митайна кандзи но сито га оой н дзя най дэс ка «Много людей, напоминающих торговцев подделками» [б. Р. 42].

4. Фукагава. Собеседник – кузнец Ямамото Есисабуро: (1901 г. р.):

Тиримэн мо ситоуро дэнаку миуро гурай но нэ «Креп не одного цвета, а около трех» [б. Р. 47];

Фундоситэру моно ва нэ, ситоцу но тэйсай дэ, микоси но маэ дэ сэваяки яру гурай н токоро дэ..микоси: мукаттэ мидзу о какэру «Человек в одной набедренной повязке, находясь впереди паланкина, повернувшись к нему лицом, обрызгивал водой» [б. Р. 48].

Также в этой беседе встречается термин *сиби* (< *хиби*) при описании бамбукового помоста для собирания водорослей *нори* [б. Р. 53].

Помимо этого, можно отметить употребенное Ямамото слово *хитодару* вместо *ситодару* «бочка объемом 4 то (1 то = 18 л)» [б. Р. 49].

5. Канда. Собеседник – мастер по изготовлению таби (традиционные японские носки) Мияути Дзиттаро (1898 г. р.):

Ситобан томаримасита е «Остановился на одну ночь» [б. Р. 80];

Ситомэ дэ вакарун «Понимают с одного взгляда» [б. Р. 82].

6. Хондзе:. Собеседник – стиральщик одежды Сано Едзиро: (1899 г. р.):

Ситокути ни ... «Одним словом...» [б. Р. 87];

Мо: соно сито ва ... киматтэ иру «Уже этот человек (суженый) выбран» [б. Р. 89].

7. Асабу. Собеседник – игрок на сямисэне Татибана Цуя (1898 г. р.):

Ато кара кита сито га оой. «Много людей, пришедших уже после» [б. Р. 118].

Из приведенных фрагментов бесед видно, что переход *хи* в *си* происходил преимущественно в районах, относящихся к Ситамати. Единственное исключение – беседа 7 (Асабу входит в состав Яманотэ), однако его можно объяснить низким социальным статусом уличного музыканта (профессии участников бесед 1-6 также не обладают особым престижем). Вероятно, это связано также с социальным, а не исключительно географическим характером

оппозиции Яманотэ – Ситамати (в «Становлении токийского языка» 1941 г. Накамура Митио прямо пишет, что «к настоящему времени противопоставление Яманотэ – Ситамати носит не территориальный, а скорее социальный характер»). На это также указывает отсутствие рассматриваемых единиц в речи образованных людей родом из Ситамати:

- *А в словах наподобие хигаси («восток»), хи или си?*

- *Моя речь является примером скорее сознательно исправленного токийского диалекта – и там, где может возникнуть проблема между выбором хи или си, я произношу хи.*

(из беседы с поэтом, филологом, журналистом Токи Дзэммаро 1885 г.р. родом из района Асакуса) [б. Р. 98].

Вследствие значительной послевоенной миграции городского населения Токио, а также повсеместного распространения стандартных форм языка многие особенности традиционного диалекта исчезают. В настоящее время смешение *хи* и *си* встречается не так часто, но тем не менее его можно услышать и сейчас. Проанализировав комментарии Екота Мицуги (1927 г. р., Ситамати), а также Аити Тадатэру (1927 г. р., Яманотэ) к словарю токийского диалекта Иноуэ Фумио [7] в 1992 и 2006 гг. соответственно, можно сделать выводы об употребительности тех или иных слов в настоящее время.

Таблица 1

Употребительность слов с *хи* и *си* в Ситамати и Яманотэ

Употребляется или знакомо, но не употребляется носителями, (*) в Ситамати	Употребляется или знакомо, но не употребляется носителями, (*) как в Ситамати, так и в Яманотэ
Сикарэру (<i>хикарэру</i> – «притягиваться») –	*Си (<i>хи</i> – «день»)
* Сикидзури (<i>хикидзури</i> – «неряшливый человек») –	*Сигаси (<i>хигаси</i> – «восток»)
*Сикимадо (<i>хикимадо</i> – «окно в крыше») –	*Ситасу (<i>хитасу</i> – «увлажнять»)
Сигурэ (<i>хигурэ</i> – «сумерки») –	*Сидари (<i>хидари</i> – «левый»)
*Сигэ (<i>хигэ</i> – «усы») –	*Сиккабуру (? <i>хиккабуру</i> – «брать ответственность»)
	Сиккиринаси(-ни) (<i>хиккиринаси</i> – «скоро, сразу»)

Сисаси (<i>хисаси</i> – «навес крыши»)	*Сиккураикаэсу (<i>хиккураикаэсу</i> – «переворачивать»)
*Сидзаккабу (? <i>хидзаккабу</i> – «колени»)	*Сикконуку (<i>хикинуку</i> – «выдернуть»)
Ситасу (<i>хитасу</i> – «увлажнять»)	*Ситтакуру (<i>хиттакуру</i> – «отобрать»)
*Сиккаэсу (<i>хикикаэсу</i> – «поворачивать»)	*Сидой (<i>хидой</i> – «жестокий»)
*Сиккаку (<i>хиккаку</i> – «царапать»)	*Сито (<i>хито</i> – «человек»)
Сито (<i>хито</i> – «человек»)	*Ситоцу (<i>хитоцу</i> – «один»)
Ситокутимон (? <i>хитокутимон</i> – «незначительная вещь»)	*Ситоттараси (? <i>хитоттараси</i> – «капля»)
Ситоцу (<i>хитоцу</i> – «один»)	*Ситоццуками (<i>хитоццуками</i> – «пригоршня»)
Ситоккири (<i>хитосикири</i> – «некоторое время»)	*Ситодэ (<i>хитодэ</i> – «помощь»)
Ситоттараси (? <i>хитоттараси</i> – «капля»)	*Ситомисири (<i>хитомисири</i> – «застенчивый»)
Ситотте:ба (? <i>хитотте:ба</i> – «станция»)	*Сиру (<i>хиру</i> – «светлое время суток, день»)
Ситоццуками (<i>хитоццуками</i> – «пригоршня»)	*Ситоесэ (<i>хитоесэ</i> – «большое собрание людей»)
Ситодэ (<i>хитодэ</i> – «помощь»)	
Ситомисири (<i>хитомисири</i> – «застенчивый»)	
*Синобан (<i>хинобан</i> – «дежурный пожарный»)	
*Сибати (<i>хибати</i> – «жаровня»)	
*Сибо (<i>химо</i> – «шнурок»)	
*Сякусе (<i>хякусе:</i> – «крестьянин»)	
Ситоесэ (<i>хитоесэ</i> – «большое собрание людей»)	
Сидзи (<i>хидзи</i> – «локоть»)	

Видно, что неразличение *хи* и *си* в гораздо большей степени характерно для Ситамати, где некоторые единицы употребляются до сих пор (хотя многие из них исчезли из живой разговорной речи). В Яманотэ присутствует, в основном, исключительно пассивное знание

таких форм и активно ими не пользуются. С этой точки зрения интересно наличие многих слов из левого столбца таблицы в словарях Син-Яманотэ (но не Яманотэ), куда также входит и целый ряд слов с *си* (в основном производных с первым компонентом *сито*-<*хито*- – «один» и *сикк/сики*-<*хикк/хики* - – «тянуть»), не встречающихся в словарях ни старого Ситамати, ни старого Яманотэ: *сиккакару*, *сиккакарэру*, *сиккосу*, *сиккому*, *сиккомэру*, *ситокатакэ*, *ситоккоро*, *ситоттоко*, *ситоригурума*. Видимо, это связано с массовыми миграциями жителей из Ситамати в Яманотэ, начиная с эпохи Мэйдзи, а также с географическим расширением обоих районов, в результате чего в состав Яманотэ вошли территории, в языковом отношении близкие к Ситамати.

Стоит отметить также, что многие из приведенных единиц встречаются в речи жителей района Тама и соседних префектур: Сайтама и Канагава, что также можно объяснить миграцией туда токийцев после Великого кантоского землетрясения в 1923 г. и Большой бомбардировки Токио американскими войсками в 1945 г.

Интересно, что существует и обратное явление: переход *си* в *хи*. Очевидно, оно связано с тем, что говорящий думает, что произносит неправильный вариант с *хи*, уже перешедшим в *си*, и выполняет обратную замену, которая на деле приводит к искажению правильного слова [7. Р. 387]. В качестве примеров таких искаженных слов можно привести: *хита*<*сита* «язык» или «низ», *хития*<*сития* «ломбард», *хитэ*:<*ситай* «лоб», *хитодару*<*ситодару* «бочка в 4 то», *хиранай*<*сиранай* «не знаю», *хиккоси*<*сиккоси* «трус». Эти слова характерны исключительно для Ситамати, причем к 1992 г. все они перестали употребляться в живой речи, но еще сохранялись в памяти старшего поколения.

Для выяснения употребительности рассматриваемых диалектальных форм в Токио в настоящее время значительный интерес представляет проведенное в 1994-1999 гг. под руководством Хида Есифуми социолингвистическое исследование о языковой ситуации в Токио и степени распространенности диалектальных языковых форм. В результате опроса информантов различных возрастных групп, проживающих как в районах, традиционно относимых к Ситамати, так и в Яманотэ, было отмечено их использование 32 % жителей Ситамати в возрасте старше 50 лет, тогда как в районах, относимых к Яманотэ, эта доля составляет всего

лишь 11 %. Интересно, что в случае использования респондентами диалектальных форм это использование в целом отличалось регулярностью, хотя и можно найти единичные примеры произнесения *сигаси* вместо *хигаси* «восток», но при этом *хито* (элемент общего языка) вместо диалектального *сито* [8].

Согласно результатам исследования, в речи опрошенных жителей Токио, на момент проведения анкетирования не достигших 50 лет, таких диалектальных форм обнаружено не было, кроме единичного случая произнесения *сигаси* одним респондентом из Юракуте. Возможно, такая возрастная граница обусловлена массовой послевоенной миграцией жителей из Токио в соседние префектуры и последующей обратной миграцией жителей различных префектур в Токио, что привело к смешению особенностей, относящихся к разным диалектам, распространению форм общего языка и нивелированию особенностей традиционного токийского диалекта.

Подводя итог, можно сделать вывод, что произнесение *си* вместо *хи*, являющееся отличительной особенностью традиционного токийского диалекта, в значительной степени исчезло, сейчас встречается в основном только в речи старшего поколения в Ситамати и соседних префектур и постепенно продолжает сокращаться.

Библиографический список

1. Лобачёв Л.А., Быкова С.А. Учебное пособие по японской диалектологии. М.: Изд-во МГУ, 1990. 63 с.
2. 『日本のことばシリーズ 13。東京都のことば』。明治書院、2007. 262 p. (Нихон-но котоба сири:дзу 13. То:кё:то-но котоба. Токио: Мэйдзи сёин).
3. 杉本つとむ 『東京語の歴史』。講談社、2014. 384 p. (Сугитомо Ц. То:кё:то-но рэкиси. Токио: Ко:данся).
4. 京須偕充 『とっておきの東京ことば』。文藝春秋、2006. 216 p. (Томомису К. Тоттэ оки-но то:кё: котоба. Токио: Бунгэй сундзю:).
5. 楠本憲吉 『ことばのセンス』。RHR研究所、1978. 252 p. (Кусумото К. Котоба-но сэнсү. Токио: RHR кэнкю:сё).
6. 秋永一枝 『東京弁は生きていた』。ひつじ書房、2001. 242 p. (Акинага К. То:кё:бэн ва икитэ ита. Токио: Хицудзи сёбо:).
7. 井上史雄、金端伸江 『東京ことば辞典』。明治書院、2012. 528 p. (Иноуэ Ф., Канэхата Н. То:кё: котоба дзитэн. Токио: Мэйдзи сёин).

8. 飛田良文『「東京語調査」の概要—山手線・青梅線・総武線を中心に』
//首都圏の言語の実態と動向に関する研究 成果報告書
国立国語研究所、2014. 325 p. (Хида Ё. То:кё:го тё:са но гайё: –
Яманотэ-сэн, Оумэ-сэн, Со:бу-сэн-о тю:син-ни, Сютोकэн-но гэнго-но
дзиттай то до:ко:-ни кансуру кэнкю: сэйка хо:коку, Токио: Кокурицу
кокуго кэнкю:сё).

Сведения об авторе

Панченко Юрий Юрьевич
аспирант кафедры японской филологии
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
ассистент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: panyurij@hotmail.com

УДК 81'255.2

КОНЦЕПЦИЯ В.В. НАБОКОВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО БУКВАЛИЗМА

В.И. Фролов

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В статье оригинальная концепция художественного перевода, сформулированная В.В. Набоковым, вводится в общий контекст переводческого буквализма. Сначала автор анализирует явление буквализма в целом, а затем подчеркивает особенности буквалистической программы Набокова.

Ключевые слова: буквализм, теория перевода, Набоков, буквальный перевод.

Nabokov's Translation Theory within the Wider Framework of Literal Translation Valentin Frolov

The article puts V. Nabokov's original theory of literary translation into the wider framework of literalist translation. It first provides an overall review of literal translation as a phenomenon and then presents and analyses the typical features of V. Nabokov's particular approach.

Key words: literalism, translation studies, Nabokov, literal translation.

Концепция художественного перевода, сформулированная В.В. Набоковым, многими считается примером радикального буквализма. После переезда в США в 1940 году Набоков начинает преподавать русскую литературу в различных учебных заведениях и постепенно приходит к выводу о неадекватности существующих переводов классической русской литературы образовательным и академическим целям. И, собственноручно взявшись за переводы на английский язык таких произведений, как «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени», он переосмысливает теоретические принципы художественного перевода и формулирует оригинальную буквалистическую концепцию.

В данной статье после общего обзора и анализа буквализма в переводе будет сделана попытка определить специфику буквалистической концепции В.В. Набокова.

Понятие «буквализма» в теории перевода

Начиная анализ понятия буквализма в теории перевода, необходимо предварительно ответить на вопрос, считать ли нам его устойчивой тенденцией или неким чрезмерно общим термином, которым пытаются объединить явления разного порядка. В последние

годы все чаще высказывается мнение, что переводческий буквализм представляет собой не некое трансисторическое явление, а сумму возникавших в разное время и под влиянием различных факторов индивидуальных программ, разрабатываемых отдельными лицами или группами лиц. Так, В.К. Ланчиков, анализируя историю перевода в России, отмечает, что «буквалистические и околбуквалистические программы... носили единичный характер... их появление было вызвано субъективными причинами» [1. С. 170]. Как «устойчивая тенденция» буквализм начал восприниматься только в 20-40-е годы XX века, в то время как «до этого буквализм существовал разве что в виде программ отдельных переводчиков» [2. С. 18].

В западном переводоведении, говоря о буквальном переводе, в первую очередь говорят об истории перевода Библии и подобных ей по значимости сакральных текстов. Автор канонического перевода Библии на латынь блаженный Иероним Стридонский в знаменитом письме к Паммахию пишет: «Ибо я не только сознаюсь, но и свободно заявляю, что в переводе с греческого, кроме Св. Писания, в котором и расположение слов есть тайна, я передаю не слово в слово, а мысль в мысль» [3. С. 114]. В том же письме он указывает на вольности, допущенные в так называемом «переводе семидесяти толковников», и обосновывает их приемлемость. В контексте древнерусской культуры также существовало несколько подходов к переводу важнейших религиозных текстов (помимо пословного перевода необходимо упомянуть так называемый «грамматический» перевод Максима Грека [4]). Или, к примеру, китайские переводчики буддийских текстов признали непригодными методами как «пересказ», так и «жесткий буквализм», и поэтому им «приходилось, с одной стороны, достаточно близко следовать тексту, а с другой – прибегать к сокращениям и использованию известной по другим религиозно-философским системам терминологии» [5. С. 75]. Однако, даже если признавать в этой области некую буквалистическую тенденцию, связанную с «благоговением перед буквой Священного Писания», пример перевода Библии и равных ей по значимости сакральных текстов будет скорее лишь подтверждать тезис об узкой контекстуальной обусловленности буквалистических программ. Ведь в этом случае речь идет, во-первых, о текстах определенной (довольно специфической) коммуникативной направленности и, во-вторых, о переводах, возникших в конкретных странах в

определенном историко-культурном контексте. Как отмечает В.Н. Комиссаров, «буквализм религиозных переводов не объясняет возникновения и живучести этого явления» [6. С. 9], т. е. буквализма в целом.

Если говорить об истории художественного перевода в России, то в разное время существовало несколько независимых друг от друга буквалистических программ. В первую очередь, стоит упомянуть взгляды П. Вяземского. Он формулирует свои переводческие принципы в предисловиях к своим переводам «Крымских сонетов» А. Мицкевича и «Адольфа» Б. Констана:

Мы в переводе своем не искали красоты и дорожили более верностью и близостью... Вторым убеждением к неотступному переложению было для нас и уверение, что близкий перевод, особливо же в прозе, всегда предпочтительнее такому, в котором переводчик более думает о себе, чем о подлиннике своем [7. С. 130].

Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напитавшись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихиями языка, который у него под рукою [7. С. 131].

Другим известным сторонником буквалистического перевода был А. Фет, чья переводческая концепция стала своеобразным символом радикальной точности в переводе:

Я всегда был убежден в достоинстве подстрочного перевода и еще более в необходимости возможного совпадения форм, без которого нет перевода [7. С. 328].

Нельзя обойти стороной и взгляды В. Брюсова, ставшего сторонником буквализма во второй половине жизни. Свою позицию он высказал в ряде статей и очерков, в том числе в программной работе «Фиалки в тигеле» [8]. Приведем характерную для позднего Брюсова цитату:

Что значит перевести стихотворение, поэму подлинного, большого поэта? Ни в коем случае это не значит пересказать стихами содержание поэмы, удержав некоторые образы подлинника, откинув другие из-за размера и рифмы, заменив третьи своими собственными, да еще и присочинив четвертые...

Вместо этого гораздо лучше, честнее и полезнее – дать точный перевод в прозе. В нем, по крайней мере, будут сохранены все мысли и все образы оригинала [7. С. 543].

Как мы видим, во имя точности Брюсов предлагает даже переводить поэзию прозой, что в свое время (об этом – ниже) и сделает Набоков, переводя пушкинского «Евгения Онегина».

Буквальный перевод чаще всего рассматривается как противоположность переводу вольному (свободному). Оппозицию вольности и буквализма можно было бы назвать одним из основных вопросов переводоведения. Напряжение между этими двумя противоположностями всегда было одной из важнейших методологических предпосылок существования и развития теории перевода (как в научный, так и в донаучный период ее существования). По словам Н.С. Автономовой, эта антиномия «организует все пространство дискуссий о переводе и соответственно всю переводческую работу, ориентируя ее в том или ином направлении» [9. С. 313]. Одни теоретики считают вольный и буквальный переводы двумя равнозначными и равноправными тенденциями, другие утверждают необходимость поисков «золотой середины», чаще всего обозначаемой термином «адекватность».

Здесь, однако, встает другой вопрос: можем ли мы считать вольный, буквальный и адекватный перевод понятиями одного порядка? С точки зрения некоторых филологов, такие понятия, как буквальный перевод и адекватность, «разнятся статусом», поскольку «адекватность – категория оценочная, а термин “буквальный перевод” не может в полной мере использоваться для оценки качества перевода» [10. С. 75]. В рамках же лингвистической теории перевода, напротив, понятие буквального перевода приобретает оценочную окраску, «указывает на неприемлемость избранного переводчиком метода и его результата» [6. С. 7]. К тому же даже традиционную оппозицию буквального и вольного переводов Комиссаров считает «мнимой», поскольку «эти виды перевода не являются членами единой классификации» [6. С. 18]. Поэтому мы здесь не будем рассматривать буквальный перевод в его противопоставлении переводу вольному, а просто попытаемся рассмотреть все существующие описания и определения этого явления, а затем, основываясь на наших наблюдениях, разработать его типологию.

Л.С. Бархударов определяет буквальный перевод как «осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ» [11. С. 186]. Отметим, что это определение основано на структуралистском подходе к языку и отождествлении уровней языка с уровнями перевода. А.Д. Швейцер называет буквальный перевод «недотрансформированным» и связывает его с отступлением от «иерархии уровней эквивалентности», приводящим к «нарушениям переводческой нормы» [12. С. 86-87]. Согласно определению В.Н. Комиссарова, буквальный перевод – это «перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы и узус ПЯ, либо оказывается искаженным (непереданным) действительно содержание оригинала» [13. С. 398].

Далее необходимо отметить, что сами термины «буквализм», «буквальный перевод», «буквалистический перевод» могут иметь различные толкования. Как отмечает В.Н. Комиссаров, чаще всего понятия «вольного» и «буквального» перевода используются «для общей характеристики отношения текста перевода к оригиналу и для оценки его качества» [6. С. 7]. В самом деле, термин «буквальный перевод» может быть и оценкой перевода как результата, и характеристикой переводческой стратегии. Представляется крайне важным не путать и не смешивать эти два значения.

Переводческий буквализм как некий осознанный подход к работе с иноязычными текстами нашел своих сторонников среди философов и теоретиков культуры, которые пытались дать ему философско-методологическое обоснование. Среди наиболее влиятельных работ – «Задача переводчика» Вальтера Беньямина [14] и «Нищета и блеск перевода» Хосе Ортеги-и-Гассета [15] (довольно полный обзор подобного рода теорий переводческого буквализма был сделан Д.М. Бузаджи [16]). Среди отечественных авторов апологетом буквального перевода стал М.Л. Гаспаров. Он, как известно, попытался научно обосновать важность и необходимость такого явления, как переводческий буквализм.

Попытки научного обоснования буквализма

Статья Гаспарова «Брюсов и буквализм» [17] стала своеобразным манифестом сторонников буквалистического перевода. Однако, несмотря на стройность выдвинутой Гаспаровым концепции,

его идеи сразу же вызвали полемику в кругах переводоведов. Спустя два года после опубликования работы выходит целый ряд статей, в которых выдвинутые Гаспаровым положения ставятся под вопрос [18; 19; 20; 21].

Система идей и понятий, сформулированных Гаспаровым в статье «Брюсов и буквализм» и других его работах, создает своеобразную парадигму, особый взгляд на понятия «вольного» и «буквального» перевода и на развитие художественного перевода в России. Н.С. Автономова пишет о Гаспарове: «Он – сторонник рефлексивного, продуманного подхода к переводу. Вместе с тем, он противник переводов усредненных, претендующих соединить в равных пропорциях верность оригиналу и удобопонятность для читателя» [9. С. 312]. Приведем несколько цитат из работ Гаспарова с целью очертить его систему взглядов:

Перевод «вольный» стремится, чтобы читатель не чувствовал, что перед ним – перевод; «буквалистский» стремится приблизить читателя к подлиннику и поэтому насилует стилистические привычки и вкусы читателя [17. С. 102].

...какой перевод нужнее, более буквалистский или более вольный, тот ли, который пригибает оригинал к читателю, или тот, который подтягивает читателя до оригинала?

Мы ответим: нужен и тот перевод, и другой перевод. Не «золотая середина» между ними, а именно оба типа перевода одновременно и на равных правах...

Если оглянуться на историю русского художественного перевода, мы увидим, что в ней периоды преобладания более точного перевода и более вольного перевода сменялись поочередно [17. С. 108].

Буквализм – не бранное слово, а научное понятие. Тенденция к буквализму – не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых средин и нет канонических переводов «для всех» [17. С. 112].

Задача перевода – не в том, чтобы дать по-русски то, чего не было по-русски, а в том, чтобы показать, почему этого и не могло быть по-русски [22. С. 274].

Все эти мысли Гаспарова образуют целостный взгляд как на динамическое развитие художественного перевода, так и на его перманентное статическое состояние, которое можно было

рассматривать как своего рода дуализм. По Гаспарову, процесс чередования литературных стилей определяет процесс чередования двух переводческих подходов – «вольного» и «буквалистского».

Гаспаров говорит о принципиальном сосуществовании двух подходов, а значит, и о возможности и необходимости наличия нескольких переводов одного произведения. Как пишет сам Гаспаров, «в каждой развитой культуре классические памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а в нескольких переводах» [23. С. 5].

Отметим, что в терминах Гаспарова набоковский перевод «Евгения Онегина» – это перевод «для производителей», а не для «потребителей», перевод, «подтягивающий читателя к оригиналу».

Буквализм Набокова

Набоков перевел «Евгения Онегина» и снабдил перевод многостраничными комментариями. Именно этот труд он считал одним из главных своих творений. Собственно буквалистическая концепция Набокова была сформулирована им в этих самых комментариях. Предоставим слово Набокову:

Перекладывая «Евгения Онегина» с пушкинского русского языка на мой английский, я пожертвовал ради полноты смысла всеми элементами формы, кроме ямбического размера, его сохранение скорее способствовало, чем препятствовало переводческой точности, я смирился с большим количеством переносов, но в некоторых случаях, когда ямбический размер требовал урезать или расширить содержание, я без колебаний приносил размер в жертву смыслу. Фактически во имя моего идеального представления о буквализме я отказался от всего (изящества, благозвучия, ясности, хорошего вкуса, современного словоупотребления и даже грамматики), что изощренный подражатель ценит выше истины...

Я, однако, не смог достичь идеального построчного соответствия. В иных случаях, чтобы перевод не утратил смысла, приходилось держаться определенных синтаксических норм, ведущих к изменениям в строе и расположении английского предложения [24. С. 28-29].

Стоит также привести здесь сформулированную Набоковым классификацию переводов:

Можно ли действительно перевести стихи Пушкина или вообще любые стихи, имеющие определенную схему рифм? Чтобы ответить на этот вопрос, сперва следует определить само понятие “перевод”. Попытки передать стихи на одном языке средствами другого распадаются на три категории:

(1) Парафрастический перевод: создание вольного переложения оригинала с опущениями и прибавлениями, вызванными требованиями формы, присущей адресату перевода языковой спецификой и невежеством самого переводчика. Иные парафразы могут обладать обаянием стилистической манеры и выразительной идиоматичностью, но исследователю не должно поддаваться изяществу слога, а читателю быть им одураченным.

(2) Лексический (или структурный) перевод: передача основного смысла слов (и их порядка). Такой перевод делает и машина под управлением человека образованного, владеющего двумя языками.

(3) Буквальный перевод: передача точного контекстуального значения оригинала, столь близко, сколь это позволяют сделать ассоциативные и синтаксические возможности другого языка. Только такой перевод можно считать истинным [24. С. 27].

Каким же образом Набоков пришел именно к такому пониманию целей и задач художественного перевода? Некоторые исследователи утверждают, что «практика переводов из А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева в определенной степени подводит Набокова к его концепции буквализма, которая, на наш взгляд, наиболее приемлема именно для стихотворного перевода, сопряженного с необходимостью передачи формальных, теснейшим образом взаимосвязанных элементов поэтического текста...» [25. С. 137]. В своей диссертационной работе тот же автор пытается вывести концепцию Набокова за рамки традиционной оппозиции «вольность – буквализм» и подчеркнуть ее уникальность: «Буквализм Набокова – функциональный буквализм, предполагающий сочетание точности и эстетического впечатления от перевода, – не может считаться противоположностью вольного перевода и наряду с ним выступать как отклонение от категории эквивалентности. На наш взгляд, его необходимо расценивать как синтез двух подходов: художественного и научного» [26. С. 25]. Однако нам представляется важным не введение новых терминов для описания стратегии

Набокова, а прояснение причин выбора конкретного подхода. В случае Набокова этот выбор, безусловно, связан с экстрапереводческой сверхзадачей, требующей определенного вида прагматической адаптации. Выполняя переводы русской классики на английский язык, Набоков ставил перед собой задачу ознакомления студентов с шедеврами русской литературы. Поэтому его переводы, по крайней мере частично, могут быть отнесены к «филологическим переводам» (по Комиссарову), «когда переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные особенности языка оригинала, даже если тем самым он нарушает норму или узус языка перевода» [13. С. 145].

Выводы

Наши размышления подводят к двум выводам: общему и частному. Во-первых, несмотря на попытки некоторых ученых представить развитие художественного перевода как своего рода дуализм, то есть смену буквалистических и «вольных» тенденций, обзор переводческого буквализма позволяет утверждать, что это явление нельзя считать трансисторической закономерностью. Что касается буквалистической программы Набокова, то она также была предопределена субъективными причинами – необходимостью ознакомления иностранных студентов с шедеврами русской литературы. Другими словами, буквальные переводы Набокова представляют собой то, что мы сегодня называем «филологическим переводом». Тем не менее, некоторые исследователи пытаются подчеркнуть уникальность набоковского подхода, но такого рода попытки, как это ни парадоксально, в итоге ставят набоковский буквализм в один ряд с программами Вяземского, Фета, Брюсова и др. по причине принципиальной узкой контекстуальной обусловленности любых буквалистических концепций.

Библиографический список

1. Ланчиков В.К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. С. 163-172.
2. Ланчиков В.К. Пентхаус из слоновой кости // Мосты. 2007. № 3 (15) С. 15-29.

3. Иероним Стридонский, блаж. Письмо к Паммахию. О лучшем способе перевода // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Часть 2. Письма. Киев, 1894. С. 111-127.
4. Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. 145 с.
5. Семенец О.Е., Панасьев А.Н. История перевода. Киев: Изд-во при Киевском ун-те, 1989. 296 с.
6. Комиссаров В.Н. Оппозиция «буквальный» и «свободный (вольный)» перевод в современном переводоведении // Тетради переводчика. 2005. Вып. 25. С. 7-19.
7. Русские писатели о переводе (XVIII-XX вв.). Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
8. Брюсов В. Фиалки в тигеле // Весы. 1905. №7. С. 9-17.
9. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: РОССПЭН, 2009. 503 с.
10. Чеснокова М.С. Способы воссоздания метафорических тропов в автопереводе: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 196 с.
11. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Книжный дом «Либроком», 2008. 240 с.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 216 с.
13. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
14. Беньямин В. Задача переводчика // Учение о подобии. Медиаэстетические исследования. М.: РГГУ, 2012. С. 254-270.
15. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. М.: Радуга, 1991. С. 518-542.
16. Бузаджи Д.М. Что такое буквализм? // Мосты. 2014. № 2 (42). С. 37-49.
17. Гаспаров М. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. Вып. 8. М.: Советский писатель, 1971. С. 88-128.
18. Коптилов В. И вширь, и вглубь // Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. С. 257-261.
19. Мкртчян Л. О переводах буквальных и подтягивающих // Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. С. 262-268.
20. Петровский Ф. Брюсов – переводчик «Энеиды» // Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. С. 253-256.
21. Старостин А. Некоторые соображения о буквализме и вольности вообще и о трактовке «Энеиды» Валерием Брюсовым в

особенности // Мастерство перевода. Вып. 9. М.: Советский писатель, 1973. С. 269-274.

22. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 388 с.

23. Гаспаров М.Л. О новом переводе «Ада» Данте, выполненном А.Г. Маранцманом // Данте Алигьери. Божественная комедия. СПб., 2006. С. 5-8.

24. Набоков В.В. Комментарии к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. 928 с.

25. Айкина Т.Ю. К вопросу о переводческом буквализме В.В. Набокова // Молодой ученый. 2011. № 7. Т. 1. С. 135-139.

26. Айкина Т.Ю. Русская лирика XIX в. в переводах Набокова: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 173 с.

Сведения об авторе

Фролов Валентин Игоревич,
преподаватель кафедры переводоведения
и практики перевода английского языка
переводческого факультета МГЛУ
E-mail: pretransfallacy@gmail.com

УДК 811.161.1'373.45

**О СПЕЦИФИКЕ МОТИВИРОВАННОСТИ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ-КАЛЕК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Чжан Цзяфэн

Государственный институт русского языка им. Пушкина, Москва

В статье рассматриваются процессы терминологической номинации в мотивологической парадигме. Исследование мотивированности довольно объемной группы терминов современной русской лингвистической терминологии – терминов-калек выявило, что их мотивированность проявляет значительную специфику. Кальки – буквальные переводы соответствующих терминов древних языков – арабского, санскрита, греческого, латыни. Мотивированность этих терминов в языках оригинала сохраняется в их переводных эквивалентах, но опосредуется переводом в процессе их заимствования в другой язык.

Ключевые слова: мотивологическая парадигма, производная единица, мотивированность, термин, терминологическая номинация, вторичная номинация, калька, «опосредованная» мотивированность.

**On the Specific Nature of Term Motivation: The Case Study of Calque Terms
in the Linguistic Terminology of Modern Russian
Zhang Jiafeng**

The paper looks at term naming within a motivological paradigm, presenting the results of a motivological study of calque terms, which form a rather sizable segment of the current Russian linguistic terminology, and demonstrating their highly specific motivation. These terms are literal translations of the corresponding terms in ancient languages (Arabic, Greek, and Latin), and their motivation within the source languages has been preserved in their Russian loan equivalents as it was “mediated” by translation.

Key words: motivological paradigm, derived unit, motivation, term, term naming, derivation, calque term, “mediated” motivation.

В настоящее время мотивологическая парадигма прочно утвердилась в лингвистике как одна из значимых интерпретативных парадигм, и сфера ее применения в науке о языке постоянно расширяется. Как объяснительная теория образования терминов, мотивологическая парадигма сформировалась к 60-70-м годам прошлого столетия. Исследование терминообразования в мотивологическом аспекте основано на предположении, сформулированном в свое время О.С. Ахмановой: «...при моделировании системы терминов желательнее отдавать предпочтение *мотивированным* терминам, имеющим прозрачную смысловую

структуру. Жизнеспособность и упорядоченность той или иной терминологической системы определяется не только последовательностью соотношения содержания и выражения в слове-термине» [1. С. 509]. Жизнеспособность термина определяется в том числе степенью его мотивированности. Иначе говоря, мотивированность – необходимое свойство термина, обеспечивающее его успешное закрепление в соответствующей терминосистеме.

Предпринимая всесторонние исследования механизмов образования номинаций, ученые изначально исходили из аксиоматического представления о том, что именование понятий – существенная часть процесса научного познания, в котором выбор имени термина играет ключевую роль. Формирование нового понятия неизбежно сопровождается процессом выбора наименования для него. Уже на начальном этапе формирования понятия (термина) его создатели стремятся подобрать для него такое наименование, которое бы являлось своеобразной «подсказкой» содержания терминируемого понятия. В качестве наименования для нового понятия отыскивается лексическая единица, в семантике которой так или иначе имеются признаки, близкие к классифицирующим признакам нового специального / научного понятия. Сущность мотивологической концепции терминообразования заключается в том, что слово-термин не является простой «этикеткой» (термин В.А. Татарина [2. С. 139]), ярлыком выражаемого понятия, но сохраняет семантическую и / или структурную связь со своим словом-субстратом. И в этом – залог адекватности созданного термина соответствующему понятию.

По существу, выбор наименования для нового понятия – мотивированный процесс уже по той причине, что имена-термины – вторичные номинации и возникают в результате словопроизводных процессов, основанных на мотивировочной связи. Единственное отличие состоит в том, что процесс выбора имени для термина всегда целенаправленный. Специалисты любой научной области так или иначе работают со словом. «Историк, юрист, психолог и другие исследователи, занимаясь неязыковой реальностью, имеют дело в значительной мере со словами» [3. С. 125].

Основа мотивированности имени-термина в принципе та же, что и в словопроизводных процессах общелитературного языка. Она сводится к наличию структурно-семантической связи производящей

лексической единицы – слова-субстрата и производного слова-термина. Это убедительно продемонстрировано, в частности, в актуальных для своего времени исследованиях Т.Л. Канделаки. Представленная в ее работах онтология терминообразования основана на тезисе о том, что выбор лексической единицы в качестве имени для понятия непосредственно обусловлен содержанием понятия. В своей работе «Семантика и мотивированность терминов» она подробно описывает механизм формирования наименования для нового научного понятия, который основан на выборе такой лексической единицы для наименования, которая бы содержала в наиболее явном виде семантические признаки или признак, которые в последующем могли бы быть включены в классифицирующие признаки дефиниции понятия. Этот процесс она называет «подгонкой» имени термина под понятие [4. С. 112-115]. Эта концепция мотивированности всесторонне развивалась и уточнялась в последующих исследованиях.

Со временем сформировалась типология мотивированности терминов и были выделены основные виды терминов в их отношении к мотивированности / немотивированности:

- термины мотивированные, обладающие и лексической и структурной мотивированностью (такие как *языковедение, диалектология*);

- термины полумотивированные или частично мотивированные, характеризующиеся или лексической или структурной мотивированностью (например, *деепричастие, ойконим*);

- термины немотивированные, обладающие нулевой мотивированностью (*зalog, надеж*) [5. С. 28-37].

Следует подчеркнуть, что процесс мотивированности термина не завершается подбором имени термина. У тех, кто в последующем пользуется терминами, постоянно возникает подсознательная потребность мотивировки термина, стремление так или иначе соотнести содержание термина со значением его языкового субстрата и таким образом «объяснить» себе через значение субстрата содержание понятия. В процессе пользования термином имеет место своеобразная «проверка» его мотивировки. «Термин не только обладает понятийным содержанием, но в нем постоянно происходят процедуры понятийной мотивации термина» [6. С. 797]. Если термин мотивирован, у тех, кто им в последующем пользуется, не возникает сложностей в соотнесении его с соответствующим понятием. Этот

фактор – возможность для пользующихся термином осознать его мотивированность, – решающий для закрепления термина в терминосистеме. Какими бы словообразовательными средствами ни осуществлялся процесс наименования термина, существенным является наличие мотивированности, осознаваемой теми, кто им в последующем пользуется. Это положение хотелось бы подтвердить на материале терминов, мотивированность наименований которых проявляет значительную специфику мотивировочной связи – терминов-калек лингвистической терминологии русского языка.

Фактическое состояние некоторых терминосистем «оказывает сопротивление» жестко схематизированному представлению мотивированности терминообразования, кратко представленному выше. Примером такой терминосистемы, в частности, является лингвистическая терминосистема русского языка. Мы предприняли исследование данной терминосистемы с точки зрения мотивированности наименований лингвистических терминов современного русского языка, проанализировав корпус терминов, включенных в «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [7. С. 543]. Как мы и предполагали, мотивированность многих терминов русской лингвистической терминосистемы, сформировавшихся в отдаленной исторической ретроспективе, далеко не во всех случаях укладывается в существующие словообразовательные концепции мотивированности. Не всегда процесс выбора наименований понятий грамматики и других областей описания языка представлялся столь прямолинейным и однозначным. Значительную специфику в отношении мотивированности, в частности, проявляют термины описания грамматического строя языка, заимствованные из античных грамматик древности – арабских, греческих, латинских. Такие термины обозначают ключевые понятия грамматики и составляют понятийное ядро лингвистической терминологии.

В результате предпринятого анализа выяснилось, что самую объемную часть общего корпуса лингвистических терминов составляют транслитерированные и транскрибированные заимствования античных терминоэлементов и производные на их основе – термины-интернационализмы (около 35 %). Вторая по объему группа терминов представлена терминами-кальками (около 20 %). Как следует из анализа материала, мотивационные отношения

и первой, и второй разновидности терминов не укладываются однозначно в существующую схему словопроизводной мотивированности терминов, понимаемую как выраженную структурно-семантическую связь термина с его лексическим субстратом. Особый интерес в отношении механизма формирования наименований понятий представляют собой лингвистические термины-кальки. Многочисленные в количественном отношении, они являются наименованиями ключевых понятий грамматики и лингвистики. Это такие термины, как: *буква, вид, включение, вопрос, глагол, гласный, глухой (согласный), губной (согласный), губно-губные, губно-зубные (согласные), деепричастие, залог, действительный (залог), страдательный (залог), затвор (смычка), имя, время, наклонение, союз, многосоюзие, бессоюзие, слог, приступ, распространение, род, знаки препинания, имя, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, корень (слова), косвенная речь, междометие, местоимение, наклонение, изъявительное (наклонение), оборот, обстоятельство, олицетворение, определение, основа, отступ, падеж, именительный падеж, родительный падеж, дательный падеж, предложный падеж, предложение, придаточное (предложение), изъяснительное (предложение), определительное (предложение), перевод, перенос, переходный глагол, плавный согласный, подлежащее, подчинение, положительная (степень), полногласие, послелог, предлог, положительная степень, правило, собирательные (числительные), склонение, слог, приступ, распространение, род, союз, спряжение, ударение, умолчание, уподобление, управление, части речи, частица и мн. др.*

Специалисты подчеркивают, что собственно грамматические работы на Руси начинают появляться достаточно поздно, в период с XV–XVI вв. Все они изначально испытывали влияние античной лингвистической традиции – греческой или латинской. К этому периоду относят зарождение славянской грамматики и грамматической терминологии [8. С. 6]. Почти все термины первых русских грамматик представляли собой кальки (словообразовательные, семантические, фразеологические) соответствующих греческих и латинских терминов. Особенно значительным стал процесс заимствований в язык отечественной науки античных терминов путем калькированного перевода с использованием в качестве переводных эквивалентов лексических

единиц общенародного русского языка в период XVIII–XIX вв. [9. С. 82-94]. Перенос иноязычных терминов подобным образом объясняется специалистами естественным стремлением придать заимствованным «чужеродным» терминам более мотивированный облик. Многие из них остались в отечественной лингвистической терминологии. Очевидно, специфика данной разновидности терминов в пределах русской терминосистемы заключается в том, что словообразовательным средством для названных и других подобных терминов стал перевод, точнее говоря, выбор исконно русского переводного эквивалента.

Абсолютное большинство калькированных заимствований в русской лингвистической терминологии – семантические кальки античных терминов. Семантические кальки – образование термина путем придания исконно русскому слову дополнительного терминологического значения по образцу иноязычного термина, «использование готового слова своего языка, когда ему придается не имевшее раньше место переносное значение по образцу иноязычного термина» [10. С. 76-77]. Например, *существительное* (лат. *substantivum*), *определение* (лат. *definitio*), *глагол* (лат. *verbum*). Термин *падеж*, например, как и названия большинства падежей, является калькой с греческого и латыни (др.-греч. πτῶσις – падение, лат. *casus* от *cadere* – падать). Выделяют *прямой* падеж (именительный и иногда винительный) и *косвенные* падежи (остальные). Как показал анализ, общий принцип подбора мотивированного наименования для понятия существовал и в далеком прошлом, и он всегда был осознанным и целенаправленным процессом. Ученые древности в качестве наименования для нового понятия стремились отыскать лексическую единицу общенародного языка – слово-субстрат, в семантике которого так или иначе присутствовали бы признаки, близкие к классифицирующим признакам специального / научного понятия, т. е. мотивированную единицу. Так, например, очевидно, возникновение термина *склонение* (*declinatio*) связано с античным представлением ученых о падежных изменениях существительных как «отклонениях», «отпадениях» от правильной, «прямой» формы слова.

Древние кальки возникали в языках оригинала преимущественно на основе метафорического переноса. На начальных этапах формирования терминологий в античных языках

преобладали способы образования терминов, основанные на семантическом развитии субстратных лексических единиц, а также разного рода семантических переносах, преимущественно метафорических переносах. Это объясняется общей неразвитостью словопроизводства как способа вторичной номинации в языках в древние периоды. Семантическим развитием образованы основные термины античных грамматик, заимствованные русским языком в виде семантических калек.

Рассмотрим в качестве примера семантические кальки *склонение* и *наклонение*. Несмотря на их сходную морфологическую структуру и очевидное генетическое родство, эти термины обозначают совершенно разные понятия грамматики. В этимологическом разрезе морфемный состав этих слов отличается лишь одними приставками *с-* и *на-*, за ними в обоих терминах мы находим одно и то же «клонение», соотносительное с глаголом *клониться*: «*склоняться, сгибаться, опускаться, падать*». Они восходят к генетически родственным греческим словам *klisis* и *eñklisis*. Слово «*склонение*» родилось как буквальный перевод греческого *klisis*, а слово «*наклонение*» появилось как точная копия греческого *eñklisis*. У этих субстратов русских калькированных терминов общими были не только корни, но и значение. В качестве грамматических терминов эти слова изначально означали одно и то же, а именно морфологическое изменение слова (как *склонение*, так и *спряжение*).

Терминологическое значение у греческих слов возникло на основе соответствующей семантики исходных многозначных глаголов *klinō* и *enklinō* (приставочного производного от первого) «*склоняю, наклоняю, клонюсь, опускаюсь, падаю, кладу, лежу, поворачиваю, изменяю, изменяю по формам (т. е. склоняю и спрягаю)*». Словообразовательным приемом явился метафорический перенос. Специализация первого (*klisis*) на изменении форм имени, а второго (*eñklisis*) на изменении форм глагола определилась позже. При калькировании греческих терминов нашими грамматиками был использован глагол *клонить*, того же корня и словесной семьи, что и греческий *klinō* при полном сохранении метафорической базы образования исходных терминов. Таким образом, слова *склонение* и *наклонение* предстают перед нами как довольно своеобразные кальки, поскольку передача чужого корневого материала на нашей языковой почве была осуществлена с помощью генетически тождественного

корня: *klin* было передано генетически родным ему *клон*. Основой мотивированности переводных семантических калек такой разновидности является словообразовательная база языка оригинала, которая была полностью сохранена в языке перевода.

В приведенных выше терминах мотивированность оригинала основана на метафорическом переносе слова с одного денотата на другой на основании семантических признаков сходства. Тождественный процесс выбора имени имеет место в принимающем языке при подборе переводных эквивалентов. Процесс мотивировки терминов-калек предстает, таким образом, как процесс своеобразной двухступенчатой мотивировки: сначала выбор имени мотивируется специалистами в языке оригинала. Вторичная мотивировка происходит при переносе термина посредством перевода в русский язык, при подборе мотивированного переводного эквивалента.

Аналогичный процесс формирования значения на основе метафоры обнаруживаем в термине *предлог* (греч. *prosthesis*, лат. *praepositio* – позиция перед, впереди чего-либо). Подобным приведенному выше был перевод этого термина семантической калькой на русский язык. «Предлог» – «расположенный перед чем-либо, лежащий, находящийся впереди чего-либо». Так же возник термин *падеж* от лат. *cadere* – падать. *Падеж* как термин метафорически соотносился со значением субстрата оригинала – *отпадение, отклонение от правильной формы*, каковой являлась исходная форма имени – его именительный падеж. Все остальные падежные формы соответственно являлись «отпадениями, отклонениями» от исходной формы. Также: *страдательный (залог)* – перевод латинского *passivum*; *существительное* – лат. *substare* – существовать; *затворные звуки* – согласные звуки, образуемые с помощью затвора, т. е. смыкания органов произношения; *частица* (лат. *particle*). Метафорическая основа данных и многих подобных терминов в языках оригинала – латыни и греческом – была сохранена в языке перевода при выборе переводного эквивалента.

Следует отметить, что некоторые лингвистические термины, которые относят к античным, имеют свою историю происхождения: в частности, они были ранее заимствованы греческим языком из более развитого арабского языка также способом калькированного перевода. Это такие термины, как *грамматика, части речи, глагол, падеж, наречие, междометие, спряжение, буква, письмо, слово, имя,*

субъект, объект, предложение, подлежащее, предикат, фраза, морфема и др.

Как видим, семантические термины-кальки русского языка мотивированы опосредованно, через переводной эквивалент термина, заимствованного из другого языка / языков. В приведенных случаях образованный семантическим развитием в языке оригинала заимствованный термин предстает как аналогично мотивированный в языке перевода. Значение переводного эквивалента иноязычного субстрата полностью тождественно значению слова-субстрата термина оригинала и соответственно передает равнозначную, семантически обусловленную мотивационную связь. В этом заключается специфика мотивировки переводных терминов-калек. Поскольку значение русского термина опосредовано переводом, мы предложили определять такую мотивированность как «опосредованную мотивированность» имени термина. Степень мотивированности заимствованного переводом термина определяется степенью точности выбора переводного эквивалента, его близости значению оригинала. К опосредованно мотивированным калькированным переводом на русский язык лингвистическим терминам относятся, помимо приведенных, такие термины, как, например, *имя (nomen)*, *женский род (femininum)*, *лицо (personae)*, *мужской род (masculinum)*, *дательный падеж, действительный (залог) (activ)*, *страдательный (залог) (passiv)*, *определение (definitio)*, *местоимение (pronomen)*, *глагол (verbum)*, *относительное местоимение (relativ pronomen)*, *союз (conjunction)*, *род (gender)*, *имя числительное (numeral)*, *лицо (persona)* и подобные.

Зачастую при калькированном заимствовании использовался также прием фразеологического калькирования – перевод целого устойчивого терминологического сочетания. Например, терминологическое словосочетание *сослагательное наклонение* произошло путем калькированного перевода в целостной форме латинского фразеологизма *modus conjunctivus*. *Именительный падеж* – первоначальное название «*именовательное падение*» или «*именовный падеж*» восходит к греческому термину *onomastikē ptōsis*. Терминологическое сочетание *родительный падеж* – прежде «*родный падеж*», «*родственное падение*», восходит к греческому термину *genikē ptōsis*. *Винительный падеж* – калька латинского *casus accusativus*, который восходит к греческому *aitiatikē ptōsis*.

Фразеологическое сочетание *дательный надеж* является дословным переводом греческого грамматического термина *dotikē ptōsis*.

Для обозначения изъявительного наклонения первоначально употреблялось выражение «*повестное изложение*» – буквальный перевод греческого фразеологического выражения *oristike enklisis*. Наряду с ним употреблялись словосочетания «*указательный залог*» и «*указательный чин*», калькирующие латинское *modus indicativus*. Окончательно в качестве термина в русском языке утвердилось «*изъявительное наклонение*» (изъявительное изложение), которое является калькированным переводом греческого словосочетания *oristike enklisis*. *Повелительное наклонение* – калька латинского выражения *modus imperativus*, которая, в свою очередь, является калькой греческого *prostaktikē* – «*повеленное изложение*». Фразеологическими кальками являются также терминологические словосочетания *надстрочный знак, настоящее время, прошедшее время, косвенная речь, прямая речь* и мн. др. Таким образом, для переводных калькированных терминов выбор имени термина по сути сводился к выбору мотивированного переводного эквивалента. В связи с этим значительная часть терминов – переводных калек проявляет в высшей степени своеобразную мотивировочную связь со своим субстратом, которым в кальках служит соответствующий термин языка оригинала, «опосредованную мотивированность».

Несмотря на специфический характер мотивировочной связи терминов-калек, осознанный и целенаправленный выбор мотивированного наименования для термина в языке оригинала и, в последующем, тщательный выбор мотивированного переводного эквивалента в принимающем языке обусловили прочное закрепление заимствованных калькированным переводом терминов в лингвистической терминосистеме русского языка. Мы связываем прочное положение древних терминов-калек в русской лингвистической терминосистеме с их прозрачной, хотя и специфической, мотивировкой, которая имела место в процессе их переноса путем перевода в русские грамматики. Переводные эквиваленты терминов-калек оказывались во многих случаях настолько удачными, что многие из терминов-калек до настоящего времени воспринимаются как исконно русские даже специалистами [11. Р. 97-98].

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Татарinov В.А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 133-164.
3. Комлев Н.Г. Естественные границы точности термина // Татарinov В.А. История отечественного терминоведения. В 3 т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. М.: Московский лицей, 2003. 398 с.
4. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
5. Блинова О.И. Термин и его мотивированность // Терминология и культура речи. М.: Наука, 1981. С. 28-37.
6. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795-799.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2, исп. и доп. М.: Просвещение, 1976. 544 с.
8. Березин Ф.М. История русского языкознания. М.: Высшая школа, 1979. 223 с.
9. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 82-94.
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Изд. 2, исп. и доп. / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
11. Лемов А.В. Специфика морфемной структуры лингвистических терминов славянского происхождения // Language. Philology. Culture. 2014. № 3. P. 94-102.

Сведения об авторе

Чжан Цзяфэн
аспирант кафедры общего
и русского языкознания
Государственного института
русского языка им. Пушкина,
преподаватель Хэйхэского университета Китая
E-mail: zjf0618@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.111 "19/20"

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ РОМАН ВОСПИТАНИЯ ДЖ. БАРНСА «МЕТРОЛЕНД»: ПОЭТИКА ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ

Н.С. Выговская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности английской постмодернистской прозы, а также жанровое своеобразие романа Дж. Барнса «Метроленд». Анализируются детские художественные образы как современные модификации классических образов детства эпохи реализма, определяются основные компоненты поэтики романа: герой, сюжет, композиция, психологизм.

Ключевые слова: постмодернизм, деконструкция, Дж. Барнс, детская образность, психологизм, урбанистический роман, модификация жанра воспитательного романа.

“Metroland” by J. Barnes as an Urban Bildungsroman: The Poetics of Infant Imagery Natalia Vygovskaya

The article discusses typical features of English postmodern prose as it examines the genre of the novel “Metroland” by J. Barnes. The author analyzes infant imagery as a modern modification of the classic infant imagery of the era of realism and identifies the main components of the poetics of the novel, including its character, plot, composition, and psychology.

Key words: postmodernism, deconstruction, J. Barnes, infant imagery, psychology, urban novel, modified genre of novel of formation.

К концу XX века практически сформировалась новая постмодернистская концепция мира и человека. Это подтверждается появлением целого ряда художественных произведений с признаками фрагментарности, интертекстуальности, цитатности, пастиширования, деконструкции и так далее. Среди наиболее значимых представителей этого периода назовем Дж. Фаулза, Дж. Барнса, П. Акройда, А. Байетт, Г. Свифта и других.

Для постмодернизма характерно появление особой разновидности художественности, деконструированной реальности,

опирающейся на историко-культурные ценности через сочетание отдельных текстов, образов и архетипов [1]. Это означает, что обращение современных писателей к общепризнанным жанровым канонам и классической тематике эпохи реализма становится частой тенденцией. В романе «Маятник Фуко» У. Эко создает концепт маятника, олицетворяющий движение времен [2]. Подобно маятнику, достигшему верхней точки своей амплитуды, человек, достигший апогея своего развития, неизбежно двинется назад, в прошлое. Данное сравнение наиболее полно характеризует и обосновывает стремление многих авторов-постмодернистов создавать с оглядкой на прошлое классические образы ушедших эпох. Для многих писателей актуальным остается понимание человеческой личности, динамично развивающейся в современном, порой противоречивом мире, ищущей смысл своего существования. Как и прежде, тайное скрывается за чертой взрослости. Образы детства по-прежнему присутствуют в произведениях многих писателей XX века, однако обретают новые смыслы в реалиях современности.

Джулиан Барнс (*Julian Barnes*, в. 1946) часто упоминается в ряду целой плеяды писателей, в творчестве которых ясно различимы мотивы постмодернистского романа [3].

В своем первом романе «Метроленд» (*“Metroland”*, 1980) он описывает жизнь двух мальчиков-подростков. Причем для Барнса важно, рассказывая читателю биографию главного героя, показать не только исходный жизненный материал, но и его превращение в текст: проблемы соотношения жизни и формы романа (сюжет, манера повествования, композиция) являются основополагающим в творчестве писателя. Автор повествует о жизни главного героя, которая не укладывается в традиционные рамки классического романа: в конце романа не все намеченные планы и мечты осуществляются.

Благодаря аллюзиям на героев Ч. Диккенса, Л.Н. Толстого, Т. Харди и других Барнсу удается создать собственный многогранный новый образ подростка, к которому неоднократно обращается главный герой романа Кристофер Ллойд, тридцатилетний мужчина, для переосмысления собственной жизни и от которого начинается путь развития целого поколения молодых людей [4].

По сравнению с архетипами, созданными писателями-реалистами, барнсовский мальчик не настолько трагичен, как может показаться на первый взгляд: Кристофер с легкостью принимает мир таким, какой он есть, мирится с «жизненной рутинной» и в итоге отдаляется от своего единственного друга Тони. «Но разве взросление не заключается, помимо всего прочего, в том, что ты спокойно гарцуешь на лошадке-иронии без риска быть сброшенным наземь? Тем более что жить здесь [в Метроленде] удобно» [5. С. 650].

Однако герой Барнса больше, чем характер, он наделен сверхличностными психологическими качествами. Показано это через сопоставление мыслей и настроений Ллойда, через его удивительную способность соответствовать новому веянию, переменам: *“the scale of the world has changed since those days”* [6. P. 119]. Только сквозь времена и события может появиться что-то новое: и в укладе жизни, и тем более в каждом из людей.

Стремления и душевное состояние Криса во многом соответствуют поискам Джуда, главного героя романа Т. Харди «Джуд Незаметный» (*“Jude the Obscure”*, 1895). У Джуда тоже в детстве была мечта уехать в большой город, получить хорошее образование, состояться как личность. Но обзаведясь семьей, он, как и Крис, возвращается в родной Кристминстер. Однако Барнс модифицирует образ, делая его современным. В начале романа мальчик Крис совсем не хочет быть похожим на остальных людей, он желает существовать среди них, однако жить по своей собственной модели.

В силу особенностей поэтики роман «Метроленд» нелегко уложить в рамки существующей жанровой классификации. Свежий подход, живой, острый и современный язык, которым написано произведение, изменение главного героя и как следствие перестройка всего сюжета романа позволяют относить его к жанровой форме воспитательного романа, балансирующего на грани нескольких его разновидностей: биографического романа, описывающего жизнь как школу, и романа, где становление героя происходит параллельно историческому становлению.

Автобиографическое начало ведет к известной лиризации романа, что приближает его к жанровой разновидности автопсихологического романа.

Психологизм, позволяющий раскрыть внутренний мир и мотивы поведения людей, стал отличительной особенностью искусства XX века с его философией экзистенциализма, поставившей бытие уникальной трагической сущности человека на верхнюю ступень в системе ценностей. Здесь Дж. Барнс более традиционен, он предпочитает неразрывную связь между автором и читателем. Наследуя английской реалистической прозе, он рассказывает о проблемах общества через непростые взаимоотношения между людьми, возвращая читателей к первоистокам формирования человеческой сущности – к детству.

Нередко в произведениях лирической прозы изображаются события и мировоззрение, связанные с жизнью самого автора. Но насколько биографичен главный герой Барнса – Кристофер Ллойд, трудно судить. Однако можно предположить, что, родившись на год позже своего создателя, Кристофер живет в то же время, а привычки, надежды, страхи, быт и окружение основываются если и не на личном опыте автора, то точно на опыте реально существующих людей. К тому же некоторые пространственные характеристики романа устанавливают связь между биографическим автором и его героем: Лондон и Париж, играют важную роль в жизни и автора, и его героя; «буржуазный» Метроленд наделен чертами родного города писателя. В романе явно присутствует тонкая ирония, игра аллюзий и реминисценций на национальные особенности и возрастающий интерес к иной культуре как к двигателю, позволяющему проявиться собственной национальной самобытности. Кристофер Ллойд имеет свою собственную судьбу и характер, перенесенные на бумагу и заключенные в рамки текста, которые позволяют ему жить отдельной от автора произведения жизнью. Герой Барнса складывается из полноты внешнего образа, из его отношения к смерти и жизни, к прошлому и будущему, к проблемам других персонажей.

Сюжет романа «Метроленд» построен на судьбах двух подростков – Криса и Тони, выросших в пригороде Лондона. Оба достаточно интеллектуально развиты, интересуются искусством и мечтают оказаться в Париже. Состояние их души приводит к противоречивому отношению к миру взрослых, подростковому бунту против буржуазной морали. Однако жизнь главного героя прописана пунктирно, без лишних описаний внешних сторон повседневной жизни.

Может показаться, что Барнса волнует не столько набор душевных качеств ребенка, его внутренняя жизнь, сколько динамика и череда сиюминутных размышлений и переживаний. Диалогически направленный рассказ Кристофера Ллойда о своей жизни предполагает не только наличие читателя-слушателя, но и погружение в глубины внутреннего мира, анализ собственных поступков, мыслей и чувств, порой откровенным и нелицеприятным образом, как если бы он находился наедине с самим собой. «...Я [Кристофер] сидел на стуле и раскачивался... Все аккуратно, все чисто, все на своих местах. И все пронизано странной жизнью. Вещи содержат в себе отсутствующих людей. Я опять развернулся на табурете и уставился в окно, ощущая какое-то странное успокоение» [5. С. 699-700].

Повествование отличается некоторой хаотичностью. Складывается впечатление, что автор пытается воскресить наиболее яркие и значимые для него моменты бытия. Так основные традиции философии экзистенциализма определяют магистральную сюжетную линию романа. Несмотря на то что Крис в конце романа предстает перед читателем разочарованным, его личная жизнь – огромная ценность, накопленный опыт и мудрость, формирующая его неповторимую личность. Любая сформированная личность способна к изменению, так как возможности человека безграничны. К тому же произведениям лирической прозы свойственны открытые дискуссии с читателем: тексты художественной литературы допускают и иногда даже предполагают различия в их понимании.

На психологизм и раскрытие типологии личности влияет композиционная особенность романа «Метроленд» – кольцевая структура произведения. Тридцатилетний мужчина Кристофер Ллойд возвращается в воспоминаниях в свое детство и решает их записать. Это решение объясняется его личными мотивами. Обращение человека к прошлому не случайно, потеря идейно-нравственной опоры в настоящем способна подтолкнуть его на поиски утешения и ответа на вопрос «Почему так произошло?» в прошлом.

Настоящее состояние героя, охарактеризованное им как счастье (*“Happiness: Oh, yes; and if not now, then never”*), заставляет читателя задуматься об иллюзорности этого представления благодаря авторскому плану романа и сопоставлению мира детства героя и мира добропорядочных *“bank managers”*, в который он собирался

вступить. Тем не менее, осознание счастья не дает ему душевного покоя, приводит его к острому душевному кризису. Будучи 16-летним подростком-бунтарем, он уже описывал это состояние как “*surface happiness, deep discontent*”, оправдать которое можно лишь двумя причинами: либо человек находится в состоянии сильного эстетического наслаждения, либо он просто спит. Мнение читателя поддерживается мнением его лучшего друга детства – Тони, который прямо указывает на его растительное существование.

Отнесение романа «Метроленд» к урбанистическому или индустриальному жанру не случайно. Однако в романе Дж. Барнса нет детального изображения деловой стороны жизни героев. При этом обращение автора к теме города тесно связано с социальными переменами, характерными для Англии того периода, изменениями ритма жизни, самоидентификации личности. Поэтому рассмотрение данного романа как урбанистического или индустриального дает возможность проследить развитие личности в динамично развивающемся мире.

В романе автором четко обозначен концепт города: речь идет о Метроленде (спальный район Лондона, родина героя) и Париже (город, где осуществляются мечты и совершенствуется герой) [7]. Именно эти пространства наиболее значимы в жизни Криса. М.М. Бахтин определил, что в форме хронотопа происходит завязывание и развязывание сюжетных узлов [8. С. 282].

В романе родной Метроленд видится герою по-разному: сначала это просто место, где живет мальчик (“*J’habite Metroland*”), он не хочет иметь ничего общего с этим местом (“*rootless*”), стремится быстрее его покинуть. Затем, спустя пятнадцать лет, его мировоззрение меняется, незаметно родное место привязало его к себе, и ему уже хочется туда вернуться, чтобы обосноваться со своей семьей. Меняется и описание Метроленда: “*Besides, it’s an efficient place to live. ... Five minutes’ drive and you’re in open country where only the pylons remind you of town life*” [6. P. 136].

Свидетельство того, что в начале романа Крис стремится покинуть родной край, – множество аллюзий и реминисценций, отсылающих читателей к определенным пластам французской культуры: круг чтения подростков ограничен французскими писателями (Расин и Корнель, Ги де Мопассан, Мольер и др.), они стремятся подражать французам (“*Tony and I were strolling along*

Oxford Street, trying to look like flâneurs”). Таким образом, описанные юношеские годы героев, насыщенные элементами французской культуры, подтверждают тот факт, что культура Франции, с одной стороны, составляет основу их духовных поисков, а с другой стороны, подкрепляет чувство их «инаковости» в современном буржуазном мире. Кроме того, замечается авторская ирония над тем, что моделью поведения для подростков являются стереотипные представления о французах и их образе жизни.

Немаловажную роль в романе играет концепт лондонского метро. Это не только возможность обдумать происходящее, но и способ вернуться в прошлое, удалиться от мирской суеты. Дорога от дома до школы – первая на жизненном пути мальчика, она очень важна для него и весьма символична. Любая дорога подразумевает не только смену места, но и различные встречи. Так, М.М. Бахтин писал, что «встречи в романе обычно происходят на дороге» [8. С. 276].

Метро присутствует на всех жизненных этапах Криса: в Лондоне, в Париже. Поездки становятся для ребенка началом путешествий: *“there was a point of balance in the oscillation between home and school. The journey...”* [6. P. 58].

Метро дает возможность узнать мир, встретиться с новыми людьми, побыть одному: *“Those daily journeys were, I now realize, the only times when I was safely alone”* [6. P. 59]. Когда Тони решил прокатиться вместе с Крисом, он был поражен, сколько нового и интересного можно узнать: *“Christ, there so many of them... Thousands of people down there...”* [6. P. 61].

Путешествие в вагоне метро переходит в метафору дороги, в способ возвращения в прошлое, которое дает новый толчок развитию героя, открытию нового в себе, переосмыслению ценностей, воспитанию себя: *“An hour and quarter each day...A tone end,..., you appeared clean, tidy, hard-working... . At the other end, you slouched out of the carriage, shoes scuffed, tie askew, nails neurotically bitten...”* [6. P. 58].

Мир, который видит во время поездок юный Крис Ллойд, – маленькая копия того взрослого мира, в который ему предстоит войти, а станции – это символ важных жизненных моментов, которые он переживет. Линия метро – линия жизни, и для каждого пассажира она своя. Только во время движения, путем проб и ошибок человек взрослеет и набирается опыта.

Дорога, путь всегда вызывает ассоциации, связанные с движением. Причем в романе путешествия героя происходят с запада на восток, что на плоскости выглядит как движение вперед, путь из прошлого в будущее, к новым знаниям. А встреча с бывшим одноклассником и разговор о встрече выпускников – это движение в другую сторону, то есть назад в прошлое, в детство, в юность. Так и роман разделен на три части: «Метроленд», «Париж», «Метроленд 2». Три периода времени: историческое, биографическое и психологическое – слились в одну жизнь героя. Эпоха, в которую живет герой, накладывает на него отпечаток. Все, что происходит вокруг, становится частью его биографии. А в сознании героя происходит наложение временных пластов – прошлого, настоящего и проекции будущего. Писатель находится в центре этого пересечения, он вспоминает и проживает жизнь в особом ритме, составляющем психологическое время жизни героя.

Основываясь на многожанровости романа «Метроленд», о нем можно говорить как об одном из самых ярких и оригинальных урбанистических романов воспитания нового времени, близких стилистике лирической прозы. Главный герой Кристофер Ллойд в процессе взросления, воспитания проходит через духовное созревание личности: из тонкого мальчика, ценящего литературу, искусство, живопись и музыку превыше всего, рождается зрелая личность, новый характер, который находит радость жизни в домашнем уюте и комфорте, у домашнего очага в кругу семьи. Мотивы дороги, встречи, хронотоп пути не только играют сюжетобразующую роль, но и помогают раскрытию художественного образа, придают ему новое звучание.

Библиографический список

1. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001. 384 с.
2. Эко У. Маятник Фуко. М.: АСТ, 2016. 832 с.
3. Bayby J. Talking it over by Julian Barnes. The New York review of books. Vol. XXXVIII. № 20. Dec. 1991.
4. Чуприна И.В. Трилогия Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1961. 189 с.
5. Барнс Д. Как все было. Любовь и так далее. Метроленд. М.: АСТ: ЛЮКС. 2004. 699 с.

6. Barnes J. *Metroland*. N.Y.: Vintage International, 1992. 720 p.
7. Ryan P. *Paul Ryan goes to France with Julian Barnes*. N.Y.: New Statesman Society, 1996.
8. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

Сведения об авторе

Выговская Наталья Сергеевна,
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: 79202990694@ya.ru

УДК 821.161.1"18"

**РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА *RENDEZ-VOUS* В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
А.Ф. ПИСЕМСКОГО (ПО РОМАНУ «В ВОДОВОРОТЕ»)**

Н.М. Ильченко, С.В. Звягина

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

Рассматривается один из вариантов ситуации *русский человек на rendez-vous*. Показано, что А.Ф. Писемский, в отличие от И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, пошел по пути натуралистического изображения действительности шестидесятых годов XIX века, доказывая значимость факта самого по себе. Ситуация романа «В водовороте», связанная с метаниями главного героя между двумя женщинами, соотнесена автором с предшествующей литературной традицией, прежде всего с пушкинской и жоржсандовской, по-русски понимаемой Писемским. Данный подход позволяет назвать Писемского одним из крупных представителей натурализма, наряду с Э. Золя и Г. Флобером.

Ключевые слова: диалог, сюжет, образ, конфликт, система персонажей, развитие действия, реминисценция.

**Russian People at a *Rendez-Vous* in the Interpretation of A.F. Pisemsky
(based on the novel "The Maelstrom")
Natalia Ilchenko, Svetlana Zvyagina**

Looking at one of the possible scenarios describing Russian people at a rendez-vous, the article demonstrates that, unlike Turgenev, Ivan Goncharov, and Fyodor Dostoyevsky, A.F. Pisemsky chose the path of naturalistic depiction of reality, typical for the 1860s, seeking to prove the importance of facts themselves. Putting the protagonist of the novel "In the Maelstrom" in a tortured situation between two women, the writer leans on the literary tradition of his predecessors (especially Alexander Pushkin and George Sand), interpreting it from a very Russian perspective. All this allows us to class Pisemsky with major representatives of naturalism, along with E. Zola and Flaubert.

Key words: dialogue, story, image, conflict, character system, the development of action reminiscent.

Творчество А.Ф. Писемского, значимое в историко-литературном процессе середины XIX века, оказалось несправедливо забытым, хотя многие его романы, повести и пьесы «соперничали» с произведениями более знаменитых современников – И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Н. Островского. Алексей Феофилактович Писемский (1821-1881 гг.) – прозаик, драматург, критик. Особое место среди его пореформенных произведений занимает антинигилистический роман «В водовороте» (1871), который

справедливо называют одним лучших сочинений 70-х годов XIX века [1. С. 26], выделяя его построение как «самое изящное» [2. С. 244]. В этом романе традиционный для писателя женский вопрос, стоявший в центре романов «Боярщина» (1846, опубл. 1858), «Богатый жених» (1851), «Тысяча душ» (1858), «Люди сороковых годов» (1869), обыгрывается при помощи столкновения разных идеологических позиций относительно семьи, брака и любви.

Роман «В водовороте» входит в круг произведений о «новых людях», нигилистах. Состоящий в браке князь Григоров, полюбивший другую женщину, сомневается относительно будущего своей жены, говорит о двойственности ситуации, порожденной временем: «Нам и старой дороги жаль и по новой смертельно идти хочется, и это явление чисто продукт нашего времени и нашего воспитания» [3. С. 132]. Герой делает выбор в пользу любовницы – нигилистки Елены Николаевны Жиглинской. Однако он не забывает и о жене, что вызывает негодование со стороны молодой женщины, искренне полюбившей его и принесшей в жертву свое будущее: «Я думала всю жизнь мою пройти с ним рука об руку, и он за все это осмеливается в присутствии моем проклинать себя за то, что расстроил свою семейную жизнь, разрушил счастье преданнейшей ему женщины, то есть полуидiotки его супруги!» [3. С. 349]. К двойственности ситуации, в которой оказался Григоров, автор возвращается несколько раз. Через несобственно-прямую речь Писемский констатирует: хотя взгляды князя и нигилистки близки, «все-таки мнения ее как-то выворачивали у него всю душу, и при этом ему невольно представлялась княгиня, как совершенная противоположность Елене» [3. С. 193]. В романе постоянно подчеркиваются разные жизненные ориентиры двух любящих князя Григорова женщин – жены и любовницы.

Для Писемского важным оказывается фактографическое изображение действительности. В романе подробно изображается атмосфера Петербурга и Москвы, автор обращает внимание на литературные предпочтения героев, которые в своей речи делают отсылки к произведениям У. Шекспира, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Ж. Санд, М.Ю. Лермонтова и др., приводятся многочисленные рассуждения о браке, но при этом выделяется не столько типическое, сколько отдельные детали, именно они становятся ведущими. Это проявляется даже в выделении некоторых

слов. Так, слово «любовница», не характерное для русской литературы XIX века, часто повторяется Писемским, называющим вещи своими именами: «В вокзале железной дороги съехались Анна Юрьевна со своей наемным любовником, сам князь с любовницей, княгиня с любовником, и все они так мирно, с таким уважением разговаривали друг с другом; все это князю показалось по меньшей мере весьма странным!» [З. С. 287].

Приоритетное положение натуралистических элементов проявляется в сюжетной линии Григоров – Жиглинская. Определяющую роль в их отношениях играет все-таки страсть, а не близость взглядов. На это, в частности, указывает Миклаков – персонаж, имеющий некоторые автобиографические черты: «Его чувство к вам пока еще очень страстное!» [З. С. 118]. При этом и он, и Елена Жиглинская отмечают «животную сторону» такой привязанности, соглашаясь, что «человек только животное и есть».

А.Ф. Писемский был одним из писателей, участвовавших в создании «физиологического очерка» сороковых годов XIX века. Фактически он один из писателей «натуральной школы» сохранил и в последующие десятилетия верность натуралистическому изображению действительности. Во многом этому способствовала и его служба в земской полиции, позволившая писателю многое увидеть в жизни. На основе наблюдений в романное творчество приходит не только фактографичность, достоверность героев, но и стиль «вещественности». Так, будуар кухни князя «представлял какой-то нежайший и вместе с тем волнующий характер: на картинах все были очень красивые и полуобнаженные женщины, статуи тоже все Венеры и Дианы, мягкие ковры, мягкая мебель, тепловатый полусвет камина» [З. С. 42-43]. Внимание Григорова привлекает картина, изображающая красавицу Ревекку, героиню библейских легенд. При встрече с Жиглинской обезумевший от счастья князь говорит, что она похожа на жену патриарха Исаака – такая же красавица.

В развитии отношений Григорова и Елены важную функцию выполняет револьвер. Герой приобрел его в оружейном магазине на Кузнецком мосту (с подробным и точным указанием места в Москве) перед тайной встречей с возлюбленной в гостинице. Он настолько сильно был поглощен чувством страсти, что мог застрелиться от нетерпения. В ожидании Елены, уже теряя надежду, герой «подошел

к револьверу, вынул его, осмотрел и зарядил». «Глаза у него в эти минуты были почти помешаны, руки дрожали» [3. С. 47]. Автор обращает внимание на жесты, мимику, интонации героя, которые свидетельствуют о крайней степени волнения: «странный голос», «ожесточенное лицо», «угрожающий голос» и т. п. Во время этого свидания Григоров говорит Елене: «Если ты разлюбишь меня или умрешь, так позволь мне застрелить себя... из этого револьвера» [3. С. 49]. В дальнейшем револьвер превратится в своеобразный символ, иллюстрирующий отношения героев. Так, во время одной из ссор с Жиглинской князь вынимал «знакомый нам ящик с револьвером» [3. С. 152], но размолвка влюбленных закончилась примирением. Когда после окончательного разрыва героев у князя возникает мысль о самоубийстве, ему вспоминается револьвер. В финале романа он следует словам, которые написала на крышке ящика с револьвером Елена: «Позволяю князю Григорову, когда я разлюблю его, застрелиться» [3. С. 49]. После смерти князя доктор Елпидифор Мартыныч, прочитав эту надпись, вынес заключение: «Сумасшествие от любви!» [3. С. 438].

А.Ф. Писемский мастерски построил роман «В водовороте»: психологическое состояние героев объясняется, каждый поступок строго мотивируется, а револьвер используется по прямому назначению.

А.Ф. Писемский писал на темы, близкие И.С. Тургеневу и И.А. Гончарову. Однако шел он своим путем. «Не только особым путем дарования, как Гончаров, но особым литературным направлением, то есть он один представлял целое литературное направление натурализма», – констатировал Н.И. Либан [4. С. 149].

Неудовлетворенность существующим порядком вещей, внутренний протест против однообразия жизни заставили Григорова сделать выбор в пользу любовницы, родившей сына. Однако Жиглинской спокойная и размеренная жизнь с князем кажется неинтересной и бесцветной. Она сожалеет, что из-за нелепых предубеждений общества потеряла работу (Елену уволили из-за того, что она забеременела вне брака), лишилась возможности трудиться. Сравнивая свою жизнь с рисовавшимися в воображении картинами бурной общественной жизни, героиня невольно припоминает стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус».

Внутренний монолог по поводу лермонтовских строк очень точно характеризует настроение Жиглинской, помогает понять суть ее претензий к обществу. На фоне умиротворенной стихии Елена ощущает себя одинокой, как лермонтовский парус, хотя у нее есть все, что, казалось бы, необходимо женщине для счастья – любимый человек и ребенок. Однако традиционные ценности не понятны ей и представляются ей нелепыми, она готова пожертвовать ими ради действия и борьбы. Спасение приходит к ней в лице господина Жуквича, который увлекает Жиглинскую польским вопросом. Из-за этого и происходит размолвка с Григоровым, поскольку князь отказывает им в финансовой поддержке.

Существенную роль в романе Писемского играет сцена дуэли. Хотя и не имеющая сюжетобразующего значения, как, например, в романах Тургенева, она очень значима в создании художественного образа русской действительности шестидесятых годов XIX века.

Дуэль по-прежнему воспринимается князем как регулятор отношений чести. Дворянский кодекс предписывал соблюдение определенных правил, предъявляемых к благородному человеку. Честь как условность цивилизации ценилась выше жизни. «Дворянская культура, хотя и была вполне самостоятельным, замкнутым историческим феноменом, считала себя наследницей аристократической и воинской традиции Европы в целом» [5. С. 13]. Принцип чести заставляет князя руководствоваться представлением о дуэли как «ритуале, не допускающем между благородными людьми неблагородных отношений» [5. С. 11].

Князь вызывает на дуэль Жуквича по следующим причинам: «Вы поссорили меня прежде с русскими эмигрантами, дружбу которых я высоко ценил!.. Поссорили теперь с женщиною, горячо мной любимой, и я вас вызываю на дуэль и хочу убить вас!» [3. С. 361]. Секунданты, выступающие в роли блюстителей порядка, даны в романе Писемского в сниженном контексте. Жуквич даже подговаривает своего секунданта «своровать пулю» из револьвера Григорова, а секундант князя просто боится смотреть на происходящее.

В сцене дуэли важными являются детали поведения героев: оба смелы и решительны, но Жуквич знает о незаряженном пистолете противника. К середине XIX века, что отчетливо было представлено И.С. Тургеневым в «Отцах и детях», дуэль как способ защиты чести

устарела, нарушался и дуэльный ритуал. Однако в описании дуэли Писемскому важно было показать, что неблагоприятное поведение Жуквича и его секунданта характеризует их как людей без чести. В этом, но с опозданием, убедится и Жиглинская.

Умная и честная нигилистка неожиданно изображается Писемским с симпатией. Именно вокруг нее сконцентрировано основное действие романа. По мнению Григорова, она обладательница четырех прелестей – ума, образования, красоты и грации, что и заставило князя сделать выбор в ее пользу.

Жена князя – прямая противоположность Жиглинской: она не может понять свою соперницу: как образованная девушка вступила в связь с женатым человеком, забыв о божьих заповедях. Князь, видевший в жене обладательницу высоких нравственных качеств, страдает из-за того, что разлюбил ее.

С княгиней Елизаветой Григоровой связана смысловая параллель, восходящая к образу Татьяны Лариной. На ее сходство с пушкинской героиней указывает Миклаков. Несмотря на свою любовь к нему, Елизавета, как и пушкинская Татьяна, пожелала остаться верной женою: «она говорила, что любит меня, но что все-таки желает остаться верна своему долгу» [З. С. 398]. Роман «Евгений Онегин» для Писемского, как и для большинства русских людей, – это целый культурный мир, герои которого воспринимались как реальные люди. Своеобразным мифом стал образ Татьяны. Писемский и воспринимает ее как миф – идеализированный фон и идеальный прообраз.

Словами Миклакова Писемский обозначает знакомую по пушкинскому роману в стихах ситуацию, при этом придает мотиву долга принципиально новое истолкование, о чем свидетельствуют следующие строки.

Елена говорит: «Меня... эта Татьяна всегда в бешенство приводит!.. Если действительно Пушкин встретил в жизни такую женщину, то я голову мою готова прозакладывать, что ее удерживали от падения... генеральство и... положение в свете: ах, боже мой, как бы не потерять всех этих сокровищ!» [З. С. 398]. Умный и наблюдательный Миклаков полагает, что Григорову от падения остановило не столько чувство долга, сколько боязнь наказания за грех.

Этот диалог ярко характеризует Жиглинскую, позиция которой сформировалась во многом под воздействием увлечения русских читателей художественным миром Ж. Санд [6; 7]. Жиглинская расценивает священный супружеский долг как принуждение личности, поэтому определяет поведение Татьяны достаточно приземленно. Она не учитывает того факта, что в иерархии ценностей русского сознания долг занимал высшую ступень, поэтому его победа в душе Татьяны была предreshена заранее [8. С. 102]. Она способна пожертвовать собой, но не считает себя вправе приносить в жертву честь другого человека.

Долг, который так свято хранит пушкинская героиня, возносит ее на пьедестал. Однако следование долгу героини Писемского, напротив, снижает ее образ, причем в сравнении не только с Татьяной, но и с Жиглинской. На это, например, указывает то обстоятельство, что через год после смерти супруга княгиня Григорова вновь вышла замуж и родила сына. При этом она предварительно посетила всех близких и именитых родственников покойного мужа и получила от них разрешение на новый брак. Данный шаг, предпринятый княгиней с целью сохранить мнение о себе как о «святой женщине», свидетельствует, что исполнение долга для нее – внешняя, показательная обязанность, как и для большинства представителей ее круга. На это указывал в разговоре с Жиглинской и Миклаков. Непорочность Григоровой – качество, которое больше всего привлекало князя в супруге, – позиционируется им теперь уже не столь возвышено. Он отмечает, что ему «очень... надоели разные Марии Магдалины!..» [3. С. 398]. Слово «разные» является в высказывании Миклакова ключевым. Оно демонстрирует его разочарование в непорочном, на первый взгляд, создании, подчеркивается наигранность святости княгини: ее любовь к супругу подсказана не столько сердечным чувством, сколько общим требованием к поведению женщины.

В русле проблематики высокого идеала развивается также разговор о Наталии Долгорукой, «пронесшей свое чувство к мужу через испытания, которые могли бы найти себе место в дантовском аде» [9. С. 291].

Анна Юрьевна – кузина Григорова – называет Долгорукую поэтическим существом, идеалом русской женщины, озвучивая устоявшееся в обществе мнение относительно этого реального

исторического лица. В действительности же понятия верности и преданности Анна Юрьевна понимает иначе. Она считает, что жена князя, поскольку он оставляет ее, должна полюбить другого мужчину: хранить верность супругу, имеющему «альянс на стороне» – это унижение женского достоинства.

Иную точку зрения высказывает Елена Жиглинская. Она характеризует Долгорукую как женщину недалекую ввиду ее любви к человеку «весьма дурных качеств» [3. С. 69]. Более того, Жиглинская полагает, что русские князья вообще недостойны любви, поскольку они являются дилетантами и «играют какую-то второстепенную роль» [3. С. 69].

Однако старания героини-нигилистки изменить мир заранее обречены: сила порядка вещей такова, что каждый, кто идет против течения, выступает против большинства и никогда не достигнет цели. Миклаков замечает: «стоять вечно в борьбе и в водовороте – вовсе не наслаждение: бейся, пожалуй, сколько хочешь, с этим дурацким напором волн, – их не пересилишь... как и случилось это, например, со мной, да, кажется, и с вами» [3. С. 449].

Нежелание Жиглинской и Григорова уступить друг другу развело их жизненные пути и привело к трагическому финалу. Князь заканчивает жизнь самоубийством, а Елена умирает от скоротечной чахотки, будучи женой другого человека. При этом, как подчеркивает автор, она не разочаровалась в правильности выбранного пути. Получается, что трагедия Елены – это трагедия женщины шестидесятых годов XIX века, которая мечтает о большем, чем любовь и радость материнства. Не имея внешних признаков идеальной девы, Елена, однако, обладает ее главным качеством – жертвенностью. Поэтому данный ей в противовес портрет княгини Елизаветы Григоровой, стремящейся выглядеть в глазах общества «святой», еще более подчеркивает исключительность героини-нигилистки.

Детально объясняя психологическое состояние князя Григорова, «русского человека на *rendez-vous*», его метания между двумя женщинами, А.Ф. Писемский показывает, что его герой не находит идеала ни в жене, ни в любовнице. Отличительной особенностью романа «В водовороте» стало не просто наличие натуралистических элементов в описании героев, отдельных сцен, но и общее представление о значимости факта самого по себе. Для

А.Ф. Писемского была важна точность воспроизведения, «запечатленность» времени, с большим количеством различных сведений, указаний, сообщений, с отсылками к предшествующим художественным произведениям. Все это ставит автора романа «В водовороте» в круг писателей, которые стали создателями натурализма.

Библиографический список

1. Вершинина Н.Л. А.Ф. Писемский // История русской литературы XIX века. В 3 ч. / Под. ред. В.И. Коровина. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. Ч. 3. С. 4–29.
2. Плеханов С.Н. Писемский. М.: Молодая гвардия, 1986. 287 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
3. Писемский А.Ф. В водовороте // Писемский А.Ф. Собрание сочинений. В 9 т. М.: Библиотека «Огонек»: Правда, 1959. Т. VI. 462 с.
4. Либан Н.И. Русская литература: Лекции о русской литературе. Работы разных лет. Из архива. М.: Водолей, 2015. 696 с.
5. Востриков А. Книга о русской дуэли. СПб: Азбука-классика, 2004. 320 с.
6. Кафанова О.Б. Жоржсандизм как явление русской культуры // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения. СПб: СПбГУП, 2012. Т.1. С. 461-463.
7. Кафанова О.Б. Жорж Санд и начало разрушения патриархального сознания в русской литературе XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2006. № 8. С. 31-37.
8. Грехнев В.А. Эволюция Онегина как филологический миф // Болдинские чтения. Н. Новгород, 1994. С. 95–103.
9. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 2006. 413 с.

Сведения об авторах

Ильченко Наталья Михайловна
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной филологии
Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

Звягина Светлана Вадимовна
аспирант кафедры русской
и зарубежной филологии
Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина
E-mail: zvyaginasvetlana@yandex.ru

УДК 821.111(73)''19''

**ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПЬЕСЫ Т. УИЛЬЯМСА
«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ МАЛЫМ КОРАБЛЯМ»**

А.Ю. Курмелев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Взаимоотношения истинной веры и навязываемых институтом церкви догматов волновали Т. Уильямса на протяжении всей его жизни, что нашло отражение в его творчестве. Через призму духовных исканий персонажей пьесы «Предупреждение малым кораблям» (1972) в статье рассматривается отношение американского драматурга к религии и раскрывается специфика авторского восприятия вопросов веры в поздний период его творчества.

Ключевые слова: американская драматургия, Т. Уильямс, позднее творчество, религия, духовные поиски.

The Spiritual Quest in Tennessee Williams's "Small Craft Warnings"

Anton Kurmelev

T. Williams always called himself a Christian writer, constantly emphasizing the role of religion in his life. The playwright was always preoccupied with a person's relationship with God, questions of true faith, and the role of religious doctrines and clergy. A thorough analysis of the characters' search for God in the later play "Small Craft Warnings" (1972) reveals the writer's personal attitude to religious issues and his perception of God in his later years.

Key words: American drama, T. Williams, later plays, religion, search for God.

Теннесси Уильямс – «бунтующий пуританин» [1] – многократно называл себя христианским писателем, отмечая свое глубокое и серьезное отношение к религии. Стремление постичь Бога присутствовало у драматурга с юных лет. Несомненно, данный биографический факт оказал влияние на творчество писателя и нашел отражение в нем.

На протяжении всей жизни и творческого пути отношение Теннесси Уильямса к вопросам веры было неоднозначным, а порой и противоречивым. В своих «Мемуарах» драматург признается, что «...никогда не сомневался в существовании Бога, никогда не пренебрегал возможностью преклонить колени для молитвы...» [2. С. 44], но далее с долей иронии отмечает, что верит «в ангелов больше, чем... в Бога, потому что... никогда не знал Бога –

настоящего ли, фальшивого ли», однако «за свою жизнь... знал нескольких ангелов... в человеческом облике» [2. С. 57-58].

Основной проблемой в области религии, волновавшей Теннесси Уильямса на протяжении всего творчества, являлся вопрос отношений истинной веры и навязываемых институтом церкви догматов. Отвергая навязываемые религией устои, писатель продвигает идею о более глубоком познании Бога, обретении веры, духовности через близкий личностный контакт с высшим началом, который возможен, по мнению писателя, при условии осознания значимости отношений между людьми, возвращения к традиционным ценностям и моральным установкам.

В начале 1960-х гг., пережив личную трагедию, писатель особенно остро ощутил одиночество и бесприютность человека в современном ему мире, и это породило в нем еще более сильную потребность в вере как в пути примирения человека с несправедливой действительностью, что, несомненно, отразилось в его поздних пьесах. В целом ряде работ этого периода разрабатывается религиозная тематика. Так, «Ночь игуаны» исследует вопрос о потребности человека «верить во что-нибудь или в кого-нибудь... в кого угодно и во что угодно» [3. С. 347]; в пьесе «Искалеченные» используется образ пресвятой Богородицы, несущей умиротворение и спасение; в пьесах «Молочные реки здесь пересохли» и «Царствие земное» автор размышляет о сложном положении человека в этом мире, об утрате и новом обретении веры. Но самой насыщенной в плане религиозной тематики является пьеса «Предупреждение малым кораблям», в которой драматург попытался отразить всю сложность человеческого отношения к Богу. Подробный анализ произведения позволяет выявить мощное аллегорическое начало, превращая его в притчу о любви, одиночестве, искуплении и спасении.

«Предупреждение малым кораблям» выросло, как и многие другие произведения Теннесси Уильямса, из одноактной пьесы «Исповедальная» (“Confessional”, 1970), название которой позволяет определить жанр произведения как лирическую исповедь: практически каждый персонаж пытается ответить для себя на фундаментальные вопросы бытия и мироздания, определить свое назначение и прояснить свое отношение к Богу. Таким образом, вопрос божественного присутствия в жизни человека можно рассматривать как один из центральных для всего произведения.

Действие пьесы происходит в баре «на побережье в Южной Калифорнии, где-то между Лос-Анджелесом и Сан-Диего» [4. С. 334]. Действующие лица пьесы – одинокие, деградирующие, никчемные люди, неудачники, каждый со своей жизненной трагедией, пытающиеся наладить свое жалкое существование, «хрупкие человеческие суденышки» [4. С. 338], ищущие убежища больше от жизни, чем от погоды. Временным пристанищем для каждого из них становится прибрежный бар, владельцем которого является Монк, чье имя носит символический характер (*monk*, англ. – монах) и подчеркивает богоискательскую проблематику пьесы.

На протяжении пьесы практически каждый персонаж получает возможность излить душу, высказаться о наболевшем, раскрыть свое отношение к Богу. Размышления действующих лиц обращены не к завсегдатаям прибрежного бара, а непосредственно к публике, чему способствует сценический эффект, когда «бар затемняется, луч света» [4. С. 348] падает на персонажа, произносящего монолог (знаменитый прием, пришедший из «пластического театра» Теннесси Уильямса). Это, с одной стороны, усиливает атмосферу одиночества и отчужденности, а с другой – придает более доверительный характер (как на исповеди) словам героев.

Центральным монологом пьесы, отражающим идеи Теннесси Уильямса, является лирическая исповедь Квентина – пресытившегося и изнуренного жизнью сценариста. Это разочаровавшийся и озлобленный агностик, поиски смысла жизни которого не увенчались успехом. В своем обращении он сетует на то, что жизнь совершенно перестала его радовать и удивлять и в результате он «потерял способность сказать “Боже мой!”» [4. С. 362]. Он «задавал все вопросы, кричал глухим небесам до хрипоты, но не получил ответов, ни шепота, ничего» [4. С. 363]. Постоянно оставаясь без ответов, отчаявшийся Квентин формирует собственное представление о Боге, которым делится с читателем / зрителем. «Огромный камень в пустыне... монументальный символ угасших страстей, парализованный сфинкс, который не знает ни одного ответа, которого бы не знал ты, но который продолжает создавать видимость и временами выкрикивать избитые истины, говоря “Ну что ж”... и погружаясь снова в сон на следующие пять тысяч лет.» [4. С. 363] Символическое значение имеют его поиски Бога в пустыне, которые отражают внутреннюю опустошенность, бездуховность,

безжизненность самого персонажа. Для Квентина, окончательно утратившего веру, заблудшего, неспособного на проявление истинных человеческих чувств, в баре Монка нет спасения и успокоения. Не случайно он покидает прибрежное заведение один, без своего спутника Бобби.

Бобби, еще мало что знающий о жизни, также формулирует собственное представление о Боге. Его видение божественного начала имеет чисто физическую (в том числе и сексуальную) природу: Бог для него реален, потому что он ощущает его присутствие в других людях. Как признается сам Бобби, он познал божественное присутствие, увидев изображение статуи Давида Микеланджело в подсобке цветочного магазина, владельцем которого был представитель сексуальных меньшинств. Этот эпизод сравним для Бобби с епифанией: когда он увидел рисунок, даже «засохшие цветы зашуршали на сквозняке, китайские колокольчики зазвенели» [4. С. 364-365]. Таким образом, Бобби познает Бога через звук, образ и прикосновение. Чувство прекрасного, юношеская наивность, открытость к общению, стремление к взаимопониманию создают более оптимистичную перспективу для его судьбы, нежели для его спутника Квентина, поскольку он еще сохранил способность и готовность воспринимать сюрпризы судьбы.

Схожее представление и способ познания Бога отличает еще одну героиню пьесы, Вайолет. Она, по словам персонажей пьесы и ремаркам драматурга, являет собой печальное зрелище: деградирующая особа, зарабатывающая тем, что предоставляет особого рода услуги мужчинам, посещающим этот бар. Секс для нее подобен молитве, это ее религия. «Ей руки заменяют и Бога, и церковь...» [4. С. 367], – замечает Леона, а в конце пьесы добавляет, что та «обожает идею Всемогушества Бога в ее персональной церкви» [4. С. 383]. Это утверждение справедливо в отношении каждого из действующих лиц. Вайолет приравнивает любовь Бога к любовным отношениям между людьми. Она испытывает острую потребность в телесном контакте и стремится к физической близости от чистого сердца. Это, по мнению писателя, заслуживает награды: в конце пьесы она находит успокоение в лице Монка.

Пессимистическое представление о Боге, похожее на то, что мы встречали у Квентина, связано с образом Дока – спивающегося врача-неудачника. Однако в отличие от Квентина, он ощущает живое

божественное присутствие (в то время как для Квентина Бог – это неподвижный сфинкс), но его Бог слишком далек, недоступен для людей и совершенно безразличен к ним. Док неоднократно размышляет о жизни и смерти, которые считает чудесами творения. Но, по его мнению, чудеса эти «темны, как лицо черного человека... негра. Я всегда знал, что Бог – негр, без единого просвета на лице. И он двигается в полной темноте, как самый черный негр в самой глубокой угольной шахте, помраченный неуместностью и непочтительностью людских культов» [4. С. 354]. Загнав своего Бога в глубокую беспросветную шахту, Док тем самым пытается оправдать свои грехи (смертельные исходы подпольных операций, которые он проводил), гнетущие его воспоминания и преследующие его образы, собственную отчужденность и обособленность от других, а также безвыходность положения, в котором он оказался. Как и «парализованный сфинкс» Квентина, «чернокожий шахтер» Дока не дает никаких ответов на обращенные к нему вопросы, поскольку Бог давно отвернулся от людей, превратив врача в циника, которому осталось лишь «выражать глубокое понимание абсурдности человеческой природы» [4. С. 378].

Два центральных персонажа пьесы – Леона и Монк – воплощают преданность Богу и способность найти в нем умиротворение. Леона является движущей силой всего действия в произведении. Она глубоко чтит Бога, и вера помогает ей поддерживать интерес к жизни. Для нее Бог воплощен в красоте. Поэтому очень символичен род ее занятий: она работает в салоне красоты, помогая людям вернуть уверенность и веру в себя. В отличие от опустошенного Квентина, Леона, как и юный Бобби, способна испытывать эпифании: «Жизнь! Жизнь! Я никогда не говорю “Ну, ладно”, я всегда говорю жизни: “Жить!”, как молитву Богу, потому что всю свою жизнь я живу, и не боюсь... перемен» [4. С. 369]. Она регулярно упрекает своего приземленного сожителя Билла в том, что он никогда не взирает на небеса, туда, откуда Господь вскоре снова сойдет на землю. «... Ты когда-нибудь глядел на небо? Ты никогда не смотришь вверх, только под ноги. У тебя в жизни не было понимания... признания... признательности Богу за красоту неба» [4. С. 351], – презрительно отмечает Леона в споре со своим бывшим сожителем.

Отношения Леоны с Богом (очень личностные) ярко показаны в сцене поминок по ее брату Хэйли, которые она справляет в баре Монка. Обожествляя брата, она прибегает к использованию образов христианского богослужения, Пасхи, царства небесного. По ее словам, Хэйли «был полон любви и должен был кому-то предложить ее, как и музыку», его глаза были «как два кусочка неба на лице», «его шелковые волосы – самые мягкие на свете – выглядели, как ангельский нимб, которого коснулся небесный свет»; «когда он играл... люди плакали... а священник не мог отойти, когда начинал проповедь», «и люди, даже самые скупые, бросали на тарелку бумажные деньги»; «у него был дар поднимать чувства, делать их неземными» [4. С. 352]. Именно его красота, по мнению Леоны, его романтичность и «божественность» уготовили ему печальную участь. «Он был слишком прекрасен для этой жизни и умер» [4. С. 352], – заявляет Леона. Следует отметить, что подобная участь постигла и других не вписывающихся по тем или иным причинам в рамки общепринятых стандартов героев «классических» пьес Теннесси Уильямса (Лауру из «Стеклянного зверинца», Бланш из «Трамвая “Желание”», ее молодого мужа Алана Грея, покончившего жизнь самоубийством, Скиппера из «Кошки на раскаленной крыше», Себастьяна Венебла из «Неожиданно прошлым летом»).

Выводы, к которым приходит Леона, таковы: «без красоты жизнь – это смерть» [4. С. 353]. В ее религиозной картине мира Бог выбирает определенного человека, наделяя его красотой, чтобы донести свою любовь до людей, вернуть жизни прежний смысл, придать ей священное значение.

Несмотря на частое сравнение Леоны как в ремарках автора, так и в репликах персонажей с крупными и порой опасными животными (быком, белым медведем, зверем в клетке), символизм ее имени (*Leona* – *Leo* (лат.) – *Lion* (англ.) – лев), подчеркивающий ее животное начало, а также упоминание ее природного естества (в одной из ремарок: «внезапно раздражается смехом, сильным, как страх, как природный катаклизм» [4. С. 353]), она преисполнена заботы, сострадания и материнской любви. Агрессивно выражая свое негодование и недовольство образом жизни Вайолет, Леона неустанно проявляет заботу о ней; Леона предпринимает попытки взять под опеку юного Бобби, предлагая ему свой кров и общество. Она открыто заявляет о своем намерении, покинув побережье, «пойти

на плешку... найти парня, которому нужна старшая сестра, вместе жить, вместе веселиться, вместе плакать», поскольку ей «не хочется жить одной... в доме на колесах, в котором места – на двоих» [4. С. 383]. Ее материнское начало, несмотря на примесь склочности и агрессивности, по замыслу драматурга, является воплощением христианского сострадания.

Если Леону можно сравнить с евангелистом, а иногда и с покровителем и даже с пророком (именно она предсказывает смерть матери и малыша, которым отправляется помогать Док), то Монк, хозяин бара, выполняет функцию священника, так как чаще, чем остальные персонажи пьесы, следует христианским принципам. В начале пьесы он произносит одну из ключевых фраз, значимых для трактовки его образа: «*I'm running a tavern that's licensed to dispense spirits*» [5. С. 716], что буквально означает: «Я владею баром с лицензией на продажу спиртных напитков». Английское *spirits* в контексте данной пьесы не может трактоваться однозначно, как «спиртные напитки». Первое словарное значение данного слова – «души» – более глубоко выражает мысль автора, превращая Монка в подобие священнослужителя, имеющего «разрешение» врачевать человеческие души. Тот факт, что он живет «наверху» («*the flight of stairs ascends to the bar-owner's living quarters*» [5. С. 715]), усиливает его связь с божественным началом: в английском языке существует коллоквиальное выражение *the man upstairs* (буквально «человек, живущий на верхнем этаже»), значение которого – «Бог, всевышний».

Монк воплощает в себе справедливость, гостеприимство, стремление сохранить спокойствие и порядок. Прибрежный бар, по слова Теннесси Уильямса, «пристанище для хрупких человеческих суденышек» [4. С. 338], а его хозяин, преисполненный сострадания, сочетает в себе черты как человека, ведущего аскетический образ жизни, так и человека, не чуждого страстям. Монк всегда готов оказать посетителям заведения радушный прием, проявить сострадание, подбодрить, вселить надежду. Создавая в процессе общения доверительную, располагающую к откровенному разговору атмосферу, он участливо и спокойно выслушивает истории-«исповеди» своих клиентов, предоставляя им, таким образом, возможность излить душу, «очиститься». Порой он настолько сближается с посетителями бара, что некоторые «присылают... открытки отовсюду, где бывают, рассказывают, что у них нового»

[4. С. 366], а один из них даже завещал ему все, чем владел при жизни. Но, выполняя функции покровителя, наставника и исповедника, Монк преследует и личные цели: он сам нуждается в общении и человеческом обществе. В своей «исповеди» он открыто признается: «Такие люди заменяют мне семью... истории, шутки, исповеди, секреты, которые я слышал вечером, не дают мне чувствовать себя одиноким» [4. С. 366].

Несмотря на различное восприятие Бога, почти все персонажи пытаются найти ответы на фундаментальные, экзистенциальные вопросы, размышляют на темы жизни и смерти, человеческих отношений, будущего. В своих «исповедях» каждый посетитель бара приходит к выводу о хрупкости, а порой и тщетности человеческого существования. Слова Леоны «мое время здесь вышло» [4. С. 382] могли бы относиться к каждому из действующих лиц. Но многие из них подобны Владимиру и Эстрагону из пьесы Беккета «В ожидании Годо», которые, несмотря на свои намерения, по-прежнему остаются на месте. Герои пьесы «Предупреждение малым кораблям» в своем большинстве обречены возвращаться снова и снова в прибрежный бар, но в отличие от персонажей Беккета, они делают это осознанно – с целью перебороть свое одиночество. Общая тональность человеческого существования в поздних произведениях Теннесси Уильямса сравнима с пьесами представителей театра абсурда: здесь тоже доминирует ощущение усталости от жизни, ее исчерпанности. Но в отличие от антипьес, а также собственных ранних произведений и шедевров, принесших американскому драматургу славу и признание, в работах данного периода присутствуют персонажи, которые являются носителями гуманистических идей. Они противопоставляют скепсису и цинизму решимость выдержать тотальное одиночество, которая сродни христианскому смирению.

Библиографический список

1. Tischler N.M. Tennessee Williams: Rebellious Puritan. N.Y.: Citadel Press, 1961. 319 p.
2. Уильямс Т. Мемуары. М.: Подкова, 2001. 360 с.
3. Уильямс Т. Трамвай «Желание». СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с.

4. Уильямс Т. Что-то смутно, что-то ясно. М.: Подкова, 2001. 504 с.
5. Williams T. Plays 1957-1980. N.Y.: The Library of America, 2000. 975 p.

Сведения об авторе

Курмелев Антон Юрьевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anton.kurmelev@mail.ru

УДК 821.112.2"18/19"

АСПЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА Г. ЗУДЕРМАНА НА УКРАИНЕ

Г.И. Родина

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, Арзамас*

Рассмотрены аспекты рецепции повествовательных и драматических произведений Г. Зудермана в украинской культуре: переводы (М. Загирня, Б. Гринченко, О. Маковой), театральные постановки (на русском и украинском языках; в Киеве – в театре Н.Н. Соловцова), спектакли гастролирующих трупп, издание избранных произведений, вступительные статьи; приведено высказывание Зудермана об украинцах.

Ключевые слова: Г. Зудерман, Украина, рецепция, переводчики, спектакли, театр Н.Н. Соловцова, Комиссаржевская, гастроли.

On Perception of Hermann Sudermann's Works in Ukraine Galina Rodina

The article focuses on several aspects of how Hermann Sudermann's narrative and drama works are perceived in the Ukrainian culture, including translations (M. Zagirnya, B. Girchenko, O. Makovei), theatrical performances (in Russian and Ukrainian, in N. Solovtsov's theater in Kyiv), performances of touring theater companies, and publications of Sudermann's selected works and introductory articles to them. The article also cites Sudermann's words about Ukrainians.

Key words: H. Sudermann, Ukraine, perception, translators, performances, N. Solovtsov's theater, Komissardgevskaya, tour.

На рубеже XIX-XX вв. на украинский язык активно переводятся произведения мировой художественной литературы. Интенсивно идет процесс освоения и немецкой культуры. Известные украинские мастера художественного перевода и популяризаторы иностранной культуры обращаются к творчеству Германа Зудермана (1857-1928 гг.), немецкого писателя, драматурга, публициста, очень известного не только на своей родине, но и в других странах – в Англии, Италии, Франции, Японии, а также в России, где с 1891 г. в течение двадцати лет его пьесы затмевали Ибсена и Гауптмана.

В повествовательных и драматических произведениях Зудермана поднимались современные социальные и нравственные проблемы, освещавшиеся с гуманистических и демократических позиций; исследовалась судьба женщины, талантливой личности,

интеллигенции, рыбака, фабриканта, банкира, мелкого помещика. Прогрессивному читателю импонировал зудермановский идеал женщины, в которой гармонично соединены стремление к знаниям, к искусству и развитые нравственные чувства. В значительной степени проблематикой, ее идейным решением и была обусловлена активность рецепции творчества Зудермана на Украине в конце XIX – начале XX столетий. Аспектами рецепции были переводы, различные издания книг, предисловия к ним, статьи, спектакли, театральные рецензии.

Известная писательница Мария Загирня (псевдоним М.Н. Гринченко, 1863-1928 гг.) [1], «популяризатор произведений мировой литературы», переводит с немецкого языка на украинский ранние пьесы Зудермана – «Гибель Содома» (*Sodoms Ende*, 1890; «Кінець Содомові») и «Родина» (*Die Heimat*, 1892; «У рідній сім'ї»), уже инсценированные в европейских театрах. Обе пьесы выходят в Киеве в 1908 г. отдельным изданием под редакцией Б.Д. Гринченко (1863-1910 гг.) [2; 3]. М. Загирня как «просветитель и гуманист» выбрала для украинской аудитории «драматурга-новатора», защищавшего «прогрессивные актуальные идеи» времени [4. С. 157].

В том же году в Киеве появляется перевод пьесы «Огни Ивановой ночи» (*Johannesfeuer*, 1900; «Огні Іванової ночі») А.Б. Гринченко [5], также вышедший под редакцией Б.Д. Гринченко, внесшего заметный вклад в расширение украинско-немецких литературных связей. С появлением переводов пьес Зудермана украинские театры могли уже самостоятельно ставить спектакли, не дожидаясь гастролирующих трупп. В журнале «Обозрение театров» в разделе «хроника» сообщалось: «Драматической цензурой разрешены к представлению на украинской сцене две пьесы Г. Зудермана “Огні Іванової ночі” и “Кінець Содомові”» [6. С. 5]. Спектакль по пьесе «Огни Ивановой ночи» имел долгую сценическую историю; в октябре-ноябре 1917 г. он шел в Киеве в Украинском национальном театре [7].

Украинские театралы и интеллигенция читали драмы Зудермана и в русских переводах, издававшихся как в Киеве и печатавшихся здесь в разных типографиях (например, «*Morituri*» [Обреченные смерти]). Пьесы. Перевод с нем. А.И. Долинова и Ал. Френкеля. – Киев-Харьков: изд. Ф.А. Иогансона, тип. Корчак-Новицкого в Киеве, 1897; «*Morituri*»... – Киев-Пб-Харьков: изд. Ф.А. Иогансона, тип.

И.И. Чоколова в Киеве, 1904), так и в Москве и Петербурге, что позволяло оперативно ставить спектакли по пьесам популярного драматурга.

Один из крупных и лучших киевских театров, основанный актером и антрепренером Н.Н. Соловцовым (1857-1902 гг.), включал их в свой репертуар. Н.Н. Соловцов, следовавший русской сценической традиции, задолго до появления МХТ приучал актеров и публику ценить в спектакле ансамбль исполнения и цельность художественного впечатления. По воспоминаниям актрисы В. Юреновой, много лет работавшей в провинции, в этом театре «всегда играли большие и сильные труппы, с крупными актерскими именами. Н.Н. Соловцов воспитал в киевской публике серьезное отношение к драме» [8. С. 87, 163], в первую очередь к драме современной, чем он «намного опережал императорскую сцену», т. к. «по отношению к современной пьесе он стоял на очень “левых” позициях», что нашло отражение в его репертуарной политике. Немецкий драматург был представлен четырьмя пьесами. Уже в первом киевском сезоне 1892/93 г. Н.Н. Соловцов ставит «Честь» и «Гибель Содома» Г. Зудермана, «Парижанку» А. Бека. В следующем сезоне (1893/94 г.) идут «Нора» Г. Ибсена, «Романтики» Э. Ростана, «Родина» [9. С. 13-14] и «Бой бабочек» Г. Зудермана. В сезон 1898 / 99 г. – «Извозчик Геншель» Г. Гауптмана [10. С. 92]. Современная драма привлекала Н.Н. Соловцова как режиссера-практика своим интересом к постоянно меняющемуся внутреннему миру человека и его анализом, социальным и психологическим. Среди зарубежных авторов он отдает предпочтение Зудерману, который по сравнению с другими драматургами (Гауптман, Ибсен, Толстой, Чехов) «более доступен, а проблемы, им поднимаемые, примерно те же» [10. С. 93].

Не только в Киеве, но и в небольших украинских городках зрители имели возможность познакомиться с пьесами Зудермана. В Умани, как сообщал петербургский театральный журнал, «на днях [в июле. – Г.Р.] закончились в местном зимнем театре спектакли драматической труппы С.В. Писарева. Из постановок особенно выделились “Обрыв”, “Черные маски”, “Ню”, “Дни нашей жизни” и “Далекая принцесса”» [11. С. 508; пьеса Зудермана. – Г.Р.].

Украинскому читателю были известны и повествовательные произведения Зудермана. В 1893 г. О. Маковой опубликовал в

«Народній часописі» перевод романа «Госпожа Забота» (*Frau Sorge*, 1887; «Кума Журба»). В 1909 г. в сорок седьмом томе издававшегося во Львове журнала «Литературно-научный вестник» под рубрикой «Новинки западноевропейских литератур» помещена статья Юрия Кмита о романе «Песня песней» (*Das hohe Lied*, 1908), который стал известен украинскому читателю вскоре после выхода его в Германии [4. С. 131].

В 1931-1932 гг. издательство «Література і мистецтво» (Харьков – Киев) выпускает в свет избранные произведения Зудермана в двух томах, включивших романы «Госпожа Забота» и «Кошачья тропа» (*Der Katzensteg*, 1889; «Котяча стежка») в переводе Л. и В. Пахаревских. С. Родзевич, автор вступительной статьи «Герман Зудерман», дает обзор творчества писателя-драматурга, называя его одним из «патриархов» немецкой литературы наряду с Гауптманом и рассматривая в контексте немецкой и европейской литературы как современной, так и классической, а в сопоставлении с Гауптманом подчеркивая оптимистический характер его героев. Критик видит некоторое сходство юной крестьянки Регины (по приказу старого барона Шрандена она провела «кошачьей тропой» наполеоновских солдат в тыл пруссаков) с Оришкой и Приськой в рассказе Панаса Мирного «Як ведеться, так и живеться». Украинский писатель не поэтизирует своих героинь, которые «горнуться до панов» [12. С. 16]. Регина же предстает человеком цельным, носительницей высоких нравственных качеств, которые раскрываются под влиянием любви к молодому барону Шрандену. Начиная с образа Регины, Зудерман размышляет об идеале женщины (это образ и Магды – «Родина», и Лили – «Песня песней», и Беаты – роман «Жена Стеффена Трохмольта» и др.).

Каталоги киевских библиотек показывают, что украинский читатель и зритель знакомился с произведениями Зудермана, переведенными не только на украинский, но и на русский язык. В библиотеках представлены дореволюционное издание собрания сочинений в 12 книгах (СПб.: изд. А.А. Каспари, 1906; сюда вошли повествовательные произведения разных жанров, написанные Зудерманом до 1895 г.); двухтомное собрание драматических сочинений, изданных до 1903 г. (перевод под ред. К. Бальмонта. М.: С. Скирмунт, 1903), а также отдельные издания всех произведений, включенных в перечисленные собрания сочинений.

Знатоки немецкого языка могли прочитать Зудермана в оригинале: драмы «Три пера цапли» (1899), «Камень среди камней» (1905), «Мир, лишенный богов» (1915), романы «Кошачья тропа», «Госпожа Забота», «Моя юность» (1922) и многие другие произведения, печатавшиеся в Штутгарте и Берлине при жизни писателя, представлены в киевских библиотеках.

Театральный триумф Зудермана был связан с именем В.Ф. Комиссаржевской, игравшей в его пьесах в течение всей творческой жизни. В ее многочисленных гастроях по стране сочинения Зудермана занимали почетное место, а спектакли шли с аншлагом во многих городах (Одесса, Харьков, Киев, Николаев, Полтава, Курск, Вильно и др.).

К 30-м гг. XX в. пьесы Зудермана постепенно исчезают из репертуара театров. Однако на рубеже XX-XXI вв. вновь актуализируются гуманистические идеи, утверждаемые Зудерманом. Реалии современной жизни сигнализируют, например, о востребованности его идеи гармоничной личности, обязательными признаками которой он называл высокую нравственность, интеллектуальное развитие и эстетическое чувство – то, что формирует духовную культуру человека и его неспособность к агрессии.

Зудерман, образованнейший человек своего времени, высоко ценил культурные достижения разных народов. В письме жене (из Грюневальда от 18 мая 1920 г.) он восторженно рассказывает об украинском пении: «...Вторым впечатлением дня был вечерний концерт украинского национального хора. Такого еще не было, чтобы так долго слушали хоровое пение! Гениальный дирижер играл как на скрипке, которую он держит в руках, на душах и голосах этих 75 человек – мужчин и женщин. Даже разнообразие тембров отдельных голосов использовалось для особых эффектов. Одно сопрано звучало как кларнет, другое – как флейта. Музыканты, с которыми я беседовал, были в полном восторге» [13. S. 311].

Таким образом, разные аспекты рецепции творчества Зудермана на Украине репрезентировали востребованность нравственно-этической проблематики и идей, актуализированных в произведениях немецкого автора и отвечавших духовным запросам читателей и зрителей этого региона дореволюционной России (как, впрочем, и всей страны).

Библиографический список

1. Гринченко Мария Николаевна // Русский биографический словарь // Электронный ресурс Интернет: <http://www.rulex.ru/01040330.htm>.
2. Зудерман Г. Кінець Содомові. Драма на 5 дій / Перекл. М. Загірня. Под ред. Б. Гринченка. Київ: Друк. 1-ої Київської Друк. Спілки, 1908. 106 с.
3. Зудерман Г. У рідній сім'ї. Драма на 4 дії / Перекл. М. Загірня. Зредактував Б. Гринченко. Київ: Друк. 1-ої Київської Друк. Спілки, 1908. 94 с.
4. Михайлюк Ю.П. Українсько-німецькі літературні взаємини XIX – поч. XX ст. Дис... канд. філол. наук. Київ, 1971.
5. Зудерман Г. Огні Іванової ночі. Драма на 4 дії / Перекл. Б. Гринченко. Под ред. Б. Гринченка. Київ: Друк. Петра Барського, 1908. 96 с.
6. Хроника // Обозрение театров. № 634. 1909. С. 5-6.
7. Леоненко Р. Діяльність Українського Національного театру (1917-1918 рр.) // Электронный ресурс Интернет: <http://www.etnolog.org.ua/nau/kong/Odesa/Book2/Art66.htm>.
8. Юренева В. Записки актрисы. М.–Л.: Искусство, 1946. 240 с.
9. Герасимов. Киевская драма (бенефис А.В. Дарьял – «Родина») // В мире искусств. Киев, 1907. № 3. С. 13-14 (рецензия на постановку пьесы в театре «Соловцов». Исполнение артисткой А.В. Дарьял роли Магды).
10. Табатчиков Е.А. Н.Н. Соловцов и становление режиссуры в русском провинциальном театре // Записки о театре: Сб. трудов. Л., 1974. С. 73-98.
11. Умань // Театр и искусство. 1909. № 29. 19 июля (воскресение). С. 508.
12. Родзевич С. Герман Зудерман [предисловие] // Зудерман Г. Вибрані твори. Т. 1. Харків-Київ: Література і мистецтво, 1931. С. 5-24.
13. Briefe Hermann Sudermanns an seine Frau (1891-1924). Hrsg. von Dr. Irmgard Leux. Stuttgart und Berlin, 1932. 512 S.

Сведения об авторе

Родина Галина Ивановна
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
Арзамасского филиала
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: grodina@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.161.1'243

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОСОДИЧЕСКИМ СРЕДСТВАМ РУССКОГО ЯЗЫКА ИТАЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАЩИХСЯ

О.А. Беженарь

Миланский государственный университет, Италия

В статье рассматривается обучение италоязычных студентов ритмике, ударению и интонации. В результате многолетней практики обучения русскому языку как иностранному автором выявлены и систематизированы частотные ошибки учащихся, которые связаны с интерферирующим влиянием родного (итальянского) языка. Представлена характеристика просодических средств русского языка в лингводидактических целях и ее проецирование на процесс обучения русскому языку как иностранному. В статье обоснована методическая необходимость изучения на занятиях по русскому языку как иностранному фонетических явлений, влияющих на восприятие и понимание смысла речи (ритмика, интонация). Предлагается апробированная система упражнений, описаны эффективные приемы работы над указанными аспектами. Приводятся примеры учебного материала для уровня А1-А2, разработанного на основе соответствующих лексических минимумов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, италоязычные студенты, просодические средства, жесты, ударение, интонация.

Methods and Techniques of Teaching Russian Prosody to Italian Learners of Russian **Oxana Bejenari**

The article discusses teaching Italian students the rhythm, stress, and intonation of the Russian language. After many years of teaching Russian as a foreign language, the author identifies and systematizes students' most frequent mistakes related to the interference of their native (Italian) language. The article describes Russian prosodic features for language teaching purposes and draws relevant conclusions in terms of learning Russian as a foreign language. It also substantiates the need for a methodological study of the phonetic phenomena that affect the perception and understanding of the meaning of speech (rhythm, intonation, etc.) in the process of teaching Russian as a foreign language, and proposes a system of exercises tested in practice, describing effective techniques for working on these aspects. In conclusion, it gives examples of A1- A2 level educational materials, based on relevant lexical minimums.

Key words: Russian as a foreign language; Italian students, prosodic features, gestures, stress, intonation.

Недостаточное внимание к фонетике и интонации русской речи, к проблемам акцента, которое мы наблюдаем в преподавании РКИ в Италии, обусловлено исторически: «в практике обучения второму языку этот момент практически не раскрывается, не считая некоторых случайных и стихийных комментариев, поскольку внимание уделяется прежде всего морфемному и синтаксическому строю языка, лексике и тексту...» (перевод наш – О.Б.) [1. С. 104]. К сожалению, в Италии, с ее длительной традицией изучения мертвых языков (латынь, древнегреческий) бытует мнение, что главной целью должно быть обучение грамматике, структуре языка, чтению, а не формирование фонетической компетенции. Такое положение сохраняется и сегодня: в современной Италии в преподавании языков, включая итальянский как иностранный, мало что изменилось. Студенты с большой неохотой повторяют скороговорки, поют песни, заучивают стихотворения, которые им предлагаются для закрепления фонетических навыков. Объясняется это тем, что в итальянской лингводидактике вот уже несколько десятилетий такой способ освоения материала считается неэффективным, а иногда и вредным. По мнению итальянских методистов, автоматические операции (механическое запоминание) в целях обучения бесполезны [1. С. 31]. В связи с этим разработка методической системы обучения италоязычных студентов просодическим средствам русского языка приобретает особенную актуальность.

Овладение правильным произношением, правильной ритмикой и интонацией является необходимым условием для успешного усвоения иностранного языка. Работа по постановке произношения начинается в рамках вводно-фонетического курса. Предметом обучения в нем являются основные элементы русской фонетики: звуки и их основные противопоставления (глухость – звонкость, твердость – мягкость и др.), ударение и ритмические модели слов, типы интонационных конструкций. Целью преподавателя на таких занятиях является формирование фонетической компетенции: это знания и умения воспринимать и воспроизводить звуки изучаемого языка в речевом потоке. Однако именно в этом аспекте российские

преподаватели и методисты отмечают низкий уровень подготовки итальянских учащихся продвинутого уровня, прошедших несколько лет обучения русскому как иностранному вне языковой среды (в Италии) и продолжающих обучение в российских вузах.

Чтобы выявить ключевые трудности в усвоении фонетико-интонационной стороны языка, мы провели диагностическое и корректирующее тестирование наших слушателей. Были выявлены частотные ошибки, которые связаны с интерферирующим влиянием родного (итальянского) языка, отсутствием должного внимания со стороны преподавателя русского языка как иностранного в процессе обучения.

1. Произношение служебных слов отдельно от знаменательных, а также постановка в служебных словах ударения: *нЕ с нáми, нЕ тáк, Об э́том, О гóроде, нЕред вáми*. Это обусловлено игнорированием закона слитного произношения служебных слов со знаменательными, а также того факта, что «в русском языке некоторые служебные слова в потоке речи теряют ударение, сливаясь в единую ритмическую группу» [2. С. 40].

2. Акцентуационные ошибки (под влиянием итальянского языка): *я забыл *телЕфон* (ит. telEfono), *мы на *тАкси поехали в аэропорт* (ит. tAxì), *мой *папА сейчас не работает* (ит. papà). Некоторые ошибки являются коммуникативно «опасными»: *ТолстОй – тОлстый, я учусь *пИсать и говорить по-русски*.

3. Отсутствие редукции безударных гласных: **О[о]ксана, мо[о]ло[о]ко[о], ча[а]сы, ня[а]тнадцать, девя[а]нство, по[о]шел, се[е]стра*.

4. Невладение типами интонационных конструкций (ИК) и незнание закономерностей их употребления. Это прежде всего касается интонирования таких предложений, в которых возможно изменение коммуникативного типа (повествование-вопрос, вопрос-оценка и др.) только с помощью типа ИК, то есть без изменения структуры предложения. Например, вопросительные предложения «*Мы будем смотреть сегодня фильм?*», «*Сегодня будет контрольная?*», «*Вы сердитесь?*» учащиеся произносят с интонацией ИК-1 (то есть как повествовательное предложение), а не с ИК-3 (как должен произноситься вопрос без вопросительного слова), поэтому

невозможно понять, что они хотят задать вопрос, и тем более неясно, какой: или это «*Мы будем смотреть сегодня фильм?*» или «*Мы будем смотреть сегодня фильм?*» [3. С. 52].

5. Неумение различать место центра ИК и недооценка роли так называемой «работы центра» – это ведет к тому, что учащиеся неправильно отвечают на вопросы, так как не слышат, на каком слове находится логический центр предложения. Например, на вопросы *Он **приде**³т завтра в университет?* – *Он³ придет завтра в университет?* – *Он придет **за**³втра в университет?* *Он придет завтра в **университе**³т?* – часто дается только один вариант ответа: *Да, он **приедет** **за**¹втра в университет.*

В предложениях без вопросительного слова носитель итальянского языка дает повышение тона (нечто вроде русского ИК-4) в самом конце предложения (как это происходит в вопросительных предложениях его родного языка), каким бы ни был его лексико-грамматический состав: **Ты **купил** **лека**⁴рство? = Hai comprato le *medic⁴ine?**

На **улице **до**⁴ждь? = Fuori *piove?**

Чтобы сформировать у учащихся фонетическую компетенцию, откорректировать имеющиеся устойчивые ошибки, нужны теоретические знания. В словаре методических терминов и понятий находим такое определение просодических средств. «**Просодические** (от греч. *prosōdi-kos* – касающийся ударения) средства. Фонетические средства, относящиеся к ритмико-интонационным свойствам речи, а именно к высоте тона, длительности и силе звучания (громкости), темпу речи, расстановке ударений и т. п.» [4. С. 229].

Остановимся подробнее на ударении. «**Ударение** (акцент) – способ выделения гласных звуков в русском языке, служит показателем слабой и сильной позиции у гласных фонем: *в[а]д^а*, но *в^оды*» [5. С. 34]. Известно также, что ударный слог более длительный и напряженный. Но как это наглядно продемонстрировать итальянским учащимся, особенно нефилологам, которым слово «напряженный» ничего не говорит? В книге «Тайны слова» [6. С. 14] рассказывается об одном учителе, который, чтобы продемонстрировать силу ударения, показал ученикам прием со свечой. Со своими учащимися мы тоже с большим успехом

повторили этот эксперимент. При произнесении слова *те-ле-фо-н* пламя трижды колебалось и на последнем слоге даже погасло. Почему же погасла свеча? Дело в том, что последний слог ударный и произносится с бо́льшей силой. А это значит, что выдыхаемая воздушная струя способна не только поколебать пламя, но и погасить его. Но не только это отличает ударный гласный от безударного. То, что ударный гласный характеризуется также большей длительностью и напряженностью произношения, этот прием демонстрирует очень наглядно.

Особые проблемы у итальянских учащихся вызывают такие особенности русского ударения, как его разноместность и подвижность. В русском языке есть слова с ударением на первом и последнем, на предпоследнем и среднем слогах. «В русском языке ударение может падать на любой слог слова и на любую морфему – приставку, корень, суффикс и окончание: *вы́пустить, до́мик, доро́га, сто́ловая, дела́, доро́гой, распро́страня́ть, перегру́пировать*. Такое ударение называется разноместным или свободным» [7. С. 51-52]. Более того, в одном и том же слове ударение может передвигаться с одного слога на другой при склонении и спряжении (примеры на изменение ударения в склонении приведены ниже, здесь приведем примеры на изменение ударения в спряжении: *пишú – пи́шешь, хочú – хо́чешь* и др.). Это качество ударения называется подвижностью. Ударение в русском языке в одних словах подвижное, в других – неподвижное.

В том, что ударение в русском языке разноместное и подвижное, многие начинающие изучать язык видят особенную, чуть ли не главную, трудность. Особенно странным и непонятным кажется итальянским учащимся то, что ударение может «соскакивать» даже на частицы или предлоги: *не бы́ла, но не́ был, не́ было; на́ дом* (сравни: *вызвать врача на́ дом, но дере́во упало на́ дом*). Вопреки мнению, что русское ударение непостижимо, современные исследователи русской фонетики доказали, что ударение представляет собой стройную систему, которая подчиняется строгим закономерностям, основанным на зависимости ударения от морфологии. Мы полностью солидарны с Н.Б. Битехтиной и В.Н. Климовой в том, что русское ударение следует изучать не изолировано, а вместе с грамматикой,

так как в русском языке существует четкая зависимость ударения от морфологии слова [8. С. 52].

Обучение русскому ударению осуществляется через ритмические модели, отражающие специфику образования русских слов, поэтому мы придерживаемся мысли, что «на начальном этапе целесообразно показать модели одно-, дву- и трехсложных слов, а уже в дальнейшем проводить работу над моделями четырех-, пяти-, шести- и семисложных слов с ударением на разных слогах» [9. С. 126]. Но в качестве материала для работы берем только слова из лексического минимума соответствующего уровня. Например, для А1 предлагаем:

ТА-та	та-та-ТА	та-та-та-ТА	та-та-та-та-ТА
вЫ-ход мЕ-сяц У-жин дО-ма	биз-нес-мЕн жур-на-лИст ин-же-нЕр са-мо-лЕт	маг-ни-то-фОн	у-ни-вер-си-тЕт
та-ТА	та-ТА-та	та-та-ТА - та	та-та-та-ТА-та
вок-зАл воп-рОс кон-вЕрт до-мА	сво-бОд-ны	о-де-вА-ться по-не-дЕль-ник во-скре-сЕ-нье по-вто-рИ-те	биб-ли-о-тЕ-ка
	ТА-та-та:	та- ТА-та-та	та-та-ТА-та-та
	прА-зднич-ный	по-жА-луй-ста	по-зна-кО-ми-ться
		ТА-та-та-та	
	прАз-дно-ва-ли		

Рассмотрим еще один важный аспект фонетической компетенции – интонацию. Интонация складывается из вариантов движения тона вверх-вниз, силы звука и длительности. Эти параметры учитываются при работе с иностранными учащимися. Подробную информацию можно найти в работах Е.А. Брызгуновой, которая описала типы русской интонационной системы и варианты их употребления.

В энциклопедическом словаре-справочнике дается следующее определение: «**Интонация** (лат. *intonare* «громко произносить»). Изменение основного тона при произнесении той или иной единицы

языка – звука, слога, слова, фразы, предложения» [10. С. 276].
Интонация складывается из нескольких компонентов:

- 1) частоты основного тона голоса;
- 2) интенсивности;
- 3) длительности или темпа;
- 4) пауз;
- 5) тембра;
- 6) ритма.

Интонация членит речевой поток на смысловые отрезки (их принято называть синтагмами), противопоставляет предложения по цели высказывания (утверждение – вопрос – побуждение – оценка) и детализирует внутри них смысловые отношения, участвует в выражении эмоций. Единица интонации – интонационная конструкция (ИК): «интонационная единица, совокупность сверхсегментных средств, необходимых для построения (интонационного оформления) и различения определенных единиц языка» [9. С. 275]. Е.А. Брызгунова выделила семь типов ИК. Каждая интонационная конструкция имеет центр, предцентровую и постцентровую части (другими словами, центр, предцентр и постцентр). Каждый тип ИК имеет присущий только ему тип движения тона. В практике обучения фонетике и интонации многие методисты, например Н.Л. Шибко, Н.М. Малашенко, придерживаются мнения, что на начальном этапе обучения достаточно усвоить пять типов ИК (ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5) [11. С. 37-38].

Обратимся к практике работы над усвоением слухопроизносительных навыков со студентами группы А1-А2 (элементарный, базовый уровень владения русским языком как иностранным). Опираясь на многолетний опыт, считаем, что методически неверно выносить интонационные упражнения в конец книги (как это до сих пор зачастую делается в учебниках) или оставлять работу над интонацией «на совести учащихся» – таким образом мы автоматически исключаем интонацию из речевой практики учащихся. Поэтому в начале каждого урока мы проводим фонетическую зарядку, но это не только скороговорки и упражнения на дыхание – это еще и микродиалоги. К микродиалогам мы

предлагаем задания, заимствованные нами у авторов нового пособия по фонетике Н.Б. Битехтиной и В.Н. Климовой [8], которые, в свою очередь, следуют системе упражнений, предложенной Е.А. Брызгуновой [12]:

- Слушайте, сравнивайте вопрос и восклицание, вопрос и сообщение (и т. п.).
- Слушайте, повторяйте, пишите, ставьте знаки препинания, соответствующие значению высказывания.
- Слушайте, повторяйте, читайте. Проверьте, правильно ли стоят знаки препинания.
- Читайте текст по интонационной транскрипции.
- Разыграйте диалоги, контролируя интонацию.

Такого рода традиционные упражнения мы предлагаем дополнить приемом, который прекрасно зарекомендовал себя на практике. Можно подключить сознательное (со временем это перейдет в бессознательное) включение жестов [13, 14]. Мы разделяем мнение Н.В. Поморцевой, что «русскоязычные жесты должны являться для иностранцев предметом специального обучения в ходе учебных аудиторных занятий. Затруднить усвоение языка может употребление жестов, эквивалентных по форме, но различных по содержанию в разных культурах, что приводит к ошибочному их пониманию и к переносу неверного их значения на сопровождаемое жестом слово» [15. С. 247].

Проиллюстрируем методические приемы включения жестов на примере диалогов. Чтобы сделать какой-то жест, учащийся должен освободить руки (от ручки, тетради, ластика и др.), повернуться лицом к собеседнику, иногда даже встать, что, несомненно, помогает создать ситуацию реального общения. К диалогам подбираются соответствующие изображения, помогающие сразу понять контекст.

- Что² это у тебя?
- Коте¹нок.
- Коте³нок? Где² ты его нашла? (*приподнимает брови от удивления*)
- В подье¹зде.
- Какой ма²ленький, какой краси²вый! (*всплескивает руками*)

- Франче²ска, иди сюда² скорее!
- Сейча¹с.
- Да скорее²е, говорю!
- А что случи²лось?
- Посмотри² – ра²дуга! (*показывает рукой*)
- Ра³дуга? В Москве³? Не⁵вероятно! (*всплескивает руками*)
- Да, о²чень красиво!

- Мо³жно еще кусочек?
- Мо²жно, конечно. Бери², бери², угоща²йся! (*протягивает воображаемый кусок пирога*)
- Это ты сама³ приготовила?
- Ну а кто²? Я⁴, конечно.
- Вку²сно. А рецепт да³шь? (*покачивает головой*)
- Не могу¹ – семейная рели¹квия.

- Валенти²на, ну, как экза²мен? (или: Ну, как экза⁴мен?)
- Отли²чно!
- Молоде²ц! (*в задании учащиеся должны продемонстрировать жест: победа, большой палец*)

- Всем приве²т!
- Т-сс... Ми²шенька спит! (*Поднести палец к губам. Сравнить русский и итальянский жесты: итальянский – палец касается и носа, сравнить звук, который при этом произносится, Т-сс – в России и Ш-ши – в Италии*)

- Сколько дней до экза²мена? (или: Ско²лько дней до экзамена?)
- Понед¹ельник, вто¹рник, среда¹, четве¹рг. (или: Понед⁴ельник, вто⁴рник, среда⁴, четве¹рг. или: Понед³ельник, вто³рник, среда³, четве¹рг.)
- Всего четыре дня²! (*познакомить учащихся с пальцевым счетом, принятым у русских*)

Практика показала, что диалоги с использованием разнообразных жестов никого не оставляют равнодушными. В голосе

у учащихся появляются теплые нотки; такие выражения, как «*Какой маленький, какой красивый!*; – *Радуга? В Москве? Невероятно!* – *Да, очень красиво!*; – *Это ты сама приготовила?* – *Ну а кто еще? Я, конечно*» учащиеся стараются прочитать с восхищением, удивлением, даже гордостью, виртуозно меняя регистры.

Регулярное проведение фонетической зарядки в начале урока помогает подготовить артикуляционный аппарат учащегося к интенсивной работе, настраивает студента на активное усвоение материала на уроке, показывает ему, что именно он находится в центре внимания учителя. Также учащиеся сами отмечают, что в эти минуты они очень похожи на русских, а осознание того, что они начинают говорить «как русские», является лучшей мотивацией. И мы понимаем, что происходит настоящее рождение «вторичной языковой личности» [4. С. 45].

Конечно, бывают случаи, особенно в группах начинающих, когда, работая над интонацией, учащиеся задаются вопросом, зачем надо ее изучать. Когда преподаватель отвечает, что интонация играет большую роль в любом языке, учащиеся отвечают, что слово «роль» можно понимать по-разному. Роль в выражении чего?

Ответ на этот вопрос известен благодаря ученым, работающим над изучением фонетики и интонации. Е.А. Брызгунова подчеркивает, что в восприятии речи ритмика и интонация играют большую роль, чем произношение отдельных звуков. Эту мысль, мы уверены, важно доносить и до учащихся: хорошо владея навыками произнесения ударных и безударных слогов, слитностью, ритмикой и интонацией, иностранец будет иметь несравнимо больше шансов быть понятым собеседником – носителем языка. Постоянная работа над совершенствованием фонетической компетенции поможет избежать ошибок вроде «*в России хóлдные (ср. хóлод) зимы*» или произнесения фразы «*Мы будем писать сегодня контрольную работу*» с интонацией ИК-3, а не ИК-1.

Далее покажем, как мы адаптируем другие научные знания к уровню наших студентов. Мы даем такие объяснения. Что касается русского языка, то интонация играет в нем три основные роли:

- роль выражения *эмоций* (радость – грусть и др);

– роль выражения **стилистических различий** (интонационная синонимия при одинаковом лексико-грамматическом наполнении предложения);

– **смыслоразличительная роль** (различение вопроса – побуждения – утверждения – оценки и др.).

Выражение **эмоций**, которые, по всей видимости, у разных народов универсальны, происходит в разных языках прежде всего с помощью регистров (высоких – средних – низких). Например, выражение положительных эмоций чаще всего происходит в высоком регистре («Спасибо большое!» с улыбкой и на высокой «ноте»), отрицательных – в низком («Докатились!» без улыбки и на низкой «ноте»). Это универсально для многих языков: ведь мы как-то считываем эмоции говорящих на чужом языке! Тембр (высокий – низкий) нам помогает.

Выражение **стилистических различий**. Например, возьмем предложение: «Следующая станция – Сокольники». Первая синтагма (*следующая станция*) может быть произнесена с помощью ИК-3, -4, -6, при этом общий смысл предложения не меняется, различие – в стилистических нюансах. ИК-3 выражает незавершенность, ИК-4 – незавершенность + менторский, учительский тон, ИК-6 – незавершенность + повествовательность, даже некоторую мечтательность.

В русском языке **смысловая (смыслоразличительная) нагрузка интонации** больше, чем в других языках. Это значит, что интонация сама, без помощи других средств языка (например, грамматических: изменения порядка слов, использования средств морфологии и др.), в ряде случаев может участвовать в различении типов предложений по цели высказывания. Примеры в большом количестве находим у Е.А. Брызгуновой: *Он здесь*¹. (утверждение) – *Он здесь?*³? (вопрос); *Како²й сегодня день?* (вопрос) – *Како⁵й сегодня день!* [12. С. 212-215] (констатация высокой степени признака, причем в русском языке признак не дифференцирован: какой хороший день или какой плохой день) и так далее. Важно также, что в русском языке большую роль играет так называемая «работа центра»: передвижение центра ИК, которой следует уделять должное внимание в преподавании. Например: *Он придет завтра?* – *Он придет завтра?* – *Он придет*

завтра? Важно донести до сознания учащихся, что различие разного типа вопросов происходит здесь без помощи других средств языка, только с помощью интонации, чего мы практически не наблюдаем в других языках [8. С. 101]. Работая над такого рода предложениями, можно предложить учащимся поднимать руку (или делать какой-то другой жест) на слове, которое является смысловым центром предложения. Полезны разнообразные интернациональные жесты (рукой, головой, пальцем) в сочетании с произнесением кратких и полных форм этих вопросов: *Приедет?* (жест) *Он приедет или не приедет* (жест) *завтра?– Он?* (жест) *Он или не он* (жест) *приедет завтра? – Завтра?* (жест) *Он приедет завтра или не завтра?* (жест).

Резюмируем сказанное. Усвоение основных просодических средств языка является одним из важных условий того, чтобы речь иностранца стала максимально приближенной к речи русского человека. Для того, чтобы овладение интонацией русской речи проходило для учащихся с большим интересом, полезно и результативно, как показывает наш опыт, задействовать жесты.

Библиографический список

1. Chini M., Bosisio C. Fondamenti di glottodidattica. Roma: Carocci editore; S.p.A., 2014. 380 p.
2. Федотова Н.Л. Методика преподавания РКИ. СПб.: Златоуст, 2013. 192 с.
3. Беженарь О.А. Интерферирующее влияние итальянского языка при изучении русского языка: фонетическая, орфографическая, грамматическая и синтаксическая интерференция // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2015. № 4. С. 51-57.
4. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Икар, 2009. 448 с.
5. Руднев В.Н. Русский язык и культура речи. М.: Кнорус, 2013. 256 с.
6. Тайны слова / В.А. Иванова, Г.А. Панов, З.А. Потиха, Ф.П. Сергеев. Волгоград: Волгоградская правда, 1966. 207 с.

7. Современный русский язык. Теория, анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. 1. 3-е изд. М.: Академия, 2008. 480 с.
8. Битехтина Н.Б., Климова В.Н. Русский язык как иностранный: фонетика. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 128 с.
9. Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского как иностранного. СПб.: Златоуст, 2014. 336 с.
10. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. В 2 т. / Под ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. М.: Флинта, Наука. 2008. Т. 1. 840 с.
11. Малашенко Н.М. Обучение произношению: методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. 3-е изд. М., 1989. 248 с.
12. Брызгунова Е.И. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 280 с.
13. Поморцева Н.В. Адаптация невербального коммуникативного поведения иностранных студентов в процессе изучения русского языка в условиях языковой среды // Известия ЮФУ. Педагогические науки. 2009. № 8. С. 182-188.
14. Поморцева Н.В. Невербальная семиотика в процессе лингвокультурной адаптации инофонов // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. Новиковские чтения: Материалы международной научной конференции (Москва, 16-17 апреля 2009 г.). М.: РУДН, 2009. С. 449-450.
15. Поморцева Н.В. Педагогическая система лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку: Дис... д-ра пед. наук. М.: РУДН, 2010. 387 с.

Сведения об авторе

Беженарь Оксана Анатольевна
аспирант Российского университета дружбы народов,
преподаватель РКИ
департамента межкультурной коммуникации
Миланского государственного университета
E-mail: boxana@hotmail.it

УДК 378.147:811.111

МЕТОД ПОРТФОЛИО КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

М.В. Золотова, Т.В. Мартьянова, Т.С. Гришакова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

Рассматривается метод портфолио как активный метод обучения иностранным языкам. Отмечается, что работа над портфолио формирует способности к рефлексии, является фактором повышения мотивации обучаемых. Авторы отмечают преимущества и недостатки метода портфолио и показывают целесообразность работы по созданию портфолио для подготовки конкурентоспособного выпускника вуза.

Ключевые слова: портфолио, активный метод обучения, электронный портфолио, профессиональная компетенция.

The Portfolio Method as a Prerequisite for Shaping a Modern Specialist **Marina Zolotova, Tatiana Martianova, Ekaterina Grishakova**

The article examines the portfolio as an active method of teaching, emphasizing its role in shaping learners' reflective abilities and in building a stronger motivation for learning. The authors discuss advantages and disadvantages of the portfolio method and demonstrate the importance of developing a marketable portfolio in producing globally competitive university graduates.

Key words: portfolio, active teaching method, electronic portfolio, professional competence.

Использование портфолио не является абсолютно новым методом. В XIX веке итальянским словом «портфолио» называли альбом с фотографиями, а в эпоху Ренессанса художники и архитекторы привозили с собой портфолио со своими работами, когда претендовали на место в академии художеств.

Идея применения портфолио в высшей школе возникла в США в 80-е годы прошлого века и по настоящее время является актуальной. При этом у преподавателей-практиков и ученых-теоретиков нет единого понимания идеи портфолио.

Мы согласны, прежде всего, с точкой зрения, что портфолио – это своего рода «самореклама, в которой студент представляет свои... творческие, проектные, научные, общественные успехи» [1].

Основная цель создания своего портфолио – привлечь к себе внимание работодателя по окончании вуза и, таким образом, получить более выгодный контракт или получить приоритет (бюджетное место) при поступлении в аспирантуру.

Конечно, приложение к диплому с оценками по предметам – это весьма объективный документ, однако официально при устройстве на работу требуется только диплом. В этом плане диплом с приложенным к нему портфолио может служить достаточно объективным показателем компетентности и конкурентоспособности молодого специалиста. При прочих равных условиях, например отличных оценках в дипломе, приоритет должен получить молодой специалист с активной жизненной позицией. Мы имеем в виду успехи в спорте, активную студенческую общественную деятельность, участие в программах обучения лидеров, занятия на дополнительных программах по иностранному языку и т. д.

Под портфолио можно также понимать «активный метод обучения, применяемый в рамках педагогической технологии метода проектов. Работа над своим портфолио формирует способности к рефлексии, мотивирует студента на получение максимальных результатов в учебе, в проектной и научно-исследовательской деятельности» [2].

Среди преимуществ портфолио, понимаемого подобным образом, прежде всего выделим возможность для выпускника вуза представить себя и свои достижения в учебной и научной работе с наилучшей стороны и продемонстрировать свои достижения на протяжении всех лет учебы в вузе. Портфолио включает подборку высоко оцененных работ, в том числе письменные образцы, презентации, артефакты. В последнее время при устройстве на работу выпускники вузов демонстрируют электронные портфолио. Это очень удобно, когда нет возможности встретиться с потенциальным работодателем лично. Использование портфолио как метода обучения позволяет повысить мотивацию студентов к познавательной деятельности и личным достижениям.

Метод использования портфолио не лишен недостатков. Одним из них является сложность выбора объективных критериев оценки

содержания портфолио. Так, возникает проблема определения оригинальности работ, представленных в портфолио.

Начиная с первого курса студент должен понимать, как его личные достижения отразятся на последующей жизни, профессиональной деятельности, трудоустройстве, карьере и, в конечном итоге, на жизненном успехе.

Безусловно, во время подготовки рефератов, презентаций и докладов, защиты их в аудитории при активном участии преподавателя у студентов развиваются «навыки коммуникативности, рефлексии, самопрезентации, критического мышления, умения вести дискуссию, отстаивать свою точку зрения, аргументировать ее, защищать, анализировать, синтезировать изучаемый материал и акцентированно представлять его аудитории» [3]. Не менее важно, что при этом развиваются навыки культуры речи и умение безбоязненно выступать перед профессиональной аудиторией. Данные навыки приводят, в конечном итоге, к формированию профессиональной компетенции, так необходимой современному специалисту.

Структура портфолио достаточно вариативна. Один из вариантов – это портфолио, состоящее из 5 частей.

1. «Введение» – краткая информация о себе, о целях портфолио, о его структуре и особенностях.

2. «Мои достижения» – материалы о признанных достижениях в учебной, профессиональной, научной и иных сферах.

3. «Я и мои отношения с окружающим миром» – материалы о накопленном опыте социальной жизни, межличностных контактах, хобби, интересах.

4. «Самооценка и планы на будущее» – материалы, содержащие оценку студентом своих ценностей, идеалов, а также информация о личных и профессиональных планах и способах их достижения.

5. «Заключение» – акцентирование внимания на важнейших особенностях личности, компетенциях, профессиональном опыте и жизненных планах.

Данная структура портфолио позволяет собрать важные документы в одном месте, развивает у студентов процесс рефлексии,

формирует навык самооценки и дает возможность использовать портфолио при устройстве на работу.

Портфолио по английскому языку не является на данный момент формально необходимым, но оно оказывается очень полезным для самоорганизации и определения достигнутого уровня прогресса.

Портфолио целесообразно дополнять и обновлять регулярно, особенно если у обучаемого появляются явные достижения. На это обстоятельство следует обращать внимание студентов.

Существуют различные виды портфолио: портфолио документов, отзывов, работ, курсов, языковое портфолио. Последний вид представляет особый интерес для преподавателей английского языка.

Языковое портфолио – это проект, разрабатываемый под эгидой Совета Европы. Цель этого проекта – усиление процесса интеграции в европейских странах. В его рамках разработаны формы оценки языковой компетенции студентов.

Факты свидетельствуют о развитии отмеченной интеграции. Все больше бакалавров и магистров с хорошим знанием иностранного языка выигрывают гранты на получение образования в зарубежных университетах. Их победе в данных конкурсах при прочих равных условиях способствуют портфолио по иностранному языку.

Учащийся обладает языковой компетенцией, если он имеет представление о системе изучаемого языка и может пользоваться этой системой на практике. Так, при составлении портфолио (часть 4 в приведенной нами структуре) студенты сами описывают свои умения, например: слушание – «понимаю медленную и четкую речь»; участие в общении – «могу представить себя, говорить о своей профессиональной деятельности» и так далее. Очевидно, что работа над портфолио позволяет студентам все больше становиться активными субъектами обучения, включающего процессы оценивания, планирования, критического мышления, критической самооценки и т. д.

Современный портфолио может быть создан не только в бумажном, но и в электронном виде.

В соответствии с новыми требованиями преподаватель должен осуществлять общее руководство работой студента и направлять ее, то есть быть фасилитатором, менеджером учебного процесса. Что преподаватель может предложить студентам для создания портфолио по английскому языку? Здесь возможен ряд вариантов.

Можно предложить студентам написать эссе, например, по таким темам:

Am I proud of being a citizen of Russia?

My future life as I see it.

How I cope with my problems.

Do you believe in Russian world and Russian idea?

Целесообразно также проводить зачеты в виде презентаций в *Powerpoint* по пройденным темам, например по теме «Географическое положение, климатические условия, традиции одной из стран на основе учебного текста про Великобританию».

Заслуживает внимания проведение экзаменов с использованием портфолио. Например, вместо устной части экзаменационного ответа по восьми-десяти темам можно предложить подготовить пятнадцатиминутную презентацию по одной из них. Данный вид языковой деятельности активно используется на заключительных занятиях программ по английскому языку для слушателей факультета повышения квалификации ННГУ.

Студенты могли бы готовить сообщение о своей проектной работе на английском языке. Если речь идет о курсовой работе, целесообразно кратко представить ее итоги на английском языке, например, по следующему плану: название, цель, структура, актуальность, содержание, полученные результаты, выводы, перспективы дальнейшего исследования.

В ННГУ регулярно проводятся научные семинары, научные конференции различного уровня с участием бакалавров и магистров. Можно предложить публикацию сборников тезисов молодых ученых, представленных на английском языке. Это послужило бы прекрасной подготовкой к написанию статей в международных изданиях.

Для успешной подготовки высококвалифицированного выпускника, на наш взгляд, необходима тандемная работа преподавателей английского языка и специальных кафедр. При такой

организации учебного процесса становится актуальным использование метода портфолио как активного метода обучения, реализуемого в рамках проектной методики обучения иностранному языку.

В соответствии со структурной организацией портфолио в него войдут: список изученных курсов и пройденных тренингов; сертификаты, полученные за сданные экзамены, изученные курсы, и тому подобные документы; перечень видов работ, выполнявшихся в свободное от учебы время (при наличии опыта работы), адреса работодателей, компетенции, продемонстрированные выпускниками на учебном / рабочем месте, их CV и так далее.

Несомненно, будущие специалисты должны ответственно относиться к формированию портфолио как одного из средств достижения успеха в своей профессии.

Библиографический список

1. Могилевкин Е.А. Портфолио для карьерного продвижения – эффективная форма самопрезентации при трудоустройстве выпускников вузов // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Опыт трудоустройства выпускников вузов Дальнего Востока». Владивосток, 2006. 192 с.
2. Девисиллов В.А. Стандарты высшего профессионального образования компетентносного формата – вопросы структуры и содержания // Высшее образование сегодня. 2008. № 9. С. 18-22
3. Девисиллов В.А. Портфолио и метод проектов как педагогическая технология мотивации и личностного ориентированного обучения в высшей школе // Высшее образование сегодня. 2009. № 2. С. 29-34

Сведения об авторах

Золотова Марина Вианоровна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mviazolotova@gmail.com

Мартьянова Татьяна Валентиновна
старший преподаватель
кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Гришакова Екатерина Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка
для гуманитарных специальностей
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

УДК 378.147:811.111

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОТБОРА И СТРУКТУРИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В.Ю. Миков

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

В настоящей работе рассматривается практическая реализация принципов отбора и структурирования содержания профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на примере элементов пособия “English for Sociology Students”. Предлагаемое пособие является элементом методики, направленной на формирование языковой готовности к осуществлению профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, принципы, отбор содержания обучения.

Implementing Principles of Content Selection and Structuring in Professionally Oriented Foreign Language Learning **Veniamin Mikov**

This article considers practical implementation of the principles of content selection and structuring for professionally oriented foreign language learning with examples from the “English for Sociology Students” textbook, which is an integral component of a methodology aimed at building language competence sufficient for successful professional activity.

Key words: professionally oriented foreign language learning, principles, content selection.

Качественное учебно-методическое обеспечение учебного процесса, адаптированное к современным требованиям государственной образовательной политики, является одним из важнейших элементов профессионально-ориентированного обучения иностранному языку.

Имеющаяся программа Министерства образования и науки Российской Федерации строится с учетом следующих педагогических и методических принципов: коммуникативной направленности, культурной и педагогической целесообразности, интегративности, нелинейности, автономии студентов [1. С. 3].

Н.Н. Сергеева указывает ряд условий, при которых овладение студентами неязыковых специальностей умениями иноязычного профессионального общения будет эффективным:

- иноязычное профессиональное общение рассматривается как необходимое качество современного бакалавра / специалиста;
- специфика и структура иноязычного профессионального общения рассматривается как теоретическое основание для разработки методических средств развития умений иноязычного профессионального общения при обучении иностранному языку в неязыковом вузе;
- отбор и методическая организация лексических единиц осуществляется на основе коммуникативного, а не тематического принципа;
- комплекс упражнений включает ситуации профессионального общения [2. С. 149].

Иными словами, можно сказать, что отбор содержания образования должен учитывать: отбор учебного материала, включаемого в содержание обучения по критерию научной и практической значимости; учет реальных возможностей процесса обучения (закономерностей, организационных форм обучения, уровня общего развития учащихся, состояния учебно-методической и материальной базы учебного заведения); прагматическую (профессионально-ориентированную) направленность изучения иностранного языка; высокую значимость социокультурного компонента образования, обусловленную, прежде всего, целями изучения иностранного языка как средства профессионального, а следовательно, и тесного межкультурного общения; коммуникативную направленность содержания учебного материала [3. С. 12].

Содержание обучения – базисная категория методики, совокупность того, чему преподаватель должен научить, а учащиеся – научиться в процессе обучения [4. С. 122]. В контексте профессионально-ориентированного обучения под содержанием обучения понимается «специально отобранный и в определенном порядке организованный материал» [5. С. 12].

По мнению Л.Е. Алексеевой, отбор содержания осуществляется на основе двух принципов:

- 1) принцип необходимости и достаточности содержания для достижения поставленной цели обучения, т. е. материал,

предназначенный для усвоения, должен обеспечивать владение иностранным языком в рамках поставленной цели;

2) принцип доступности содержания для его усвоения: завышение объема материала, предназначенного для усвоения в отведенный программой временной интервал, или труднодоступное его изложение отрицательно сказываются на результатах обучения [5. С. 13].

Мы считаем необходимым дополнить эти принципы еще несколькими позициями.

1. Принцип коммуникативной направленности при отборе содержания обучения предполагает преобладание проблемно-речевых и творческих упражнений и заданий над чисто лингвистическими, репродуктивно-тренировочными, использование аутентичных ситуаций общения, развитие умений спонтанного реагирования в процессе коммуникации, формирование психологической готовности к реальному иноязычному общению в различных ситуациях.

2. Принцип культурной и педагогической целесообразности основывается на тщательном отборе тематики курса, языкового, речевого и страноведческого материала. Формирование собственно коммуникативных, профессионально-коммуникативных и социокультурных умений происходит в соответствии с принятыми в странах изучаемого языка нормами социально приемлемого общения. Особое внимание уделяется осознанию имеющихся ложных стереотипов как о других странах, так и о своей стране, а также предотвращению формирования неверных и односторонних представлений об иноязычной культуре [1. С. 4].

3. Принцип межпредметной координации реализуется через интеграцию знаний из различных предметных дисциплин, одновременное развитие как собственно иноязычной коммуникации, так и способности работать с информацией и решать проблемы.

4. Принцип нелинейности предполагает не последовательное, а одновременное использование различных источников получения информации, ротацию ранее изученной информации в различных разделах курса для решения новых задач. Данный принцип также обеспечивает возможность моделировать курс с учетом реальных языковых возможностей студентов [1. С. 4].

5. Принцип полноты предполагает последовательное изучение лексики, фонетики, грамматики, чтения, письма, монологической и диалогической речи при опоре на принцип нелинейности.

6. Принцип автономии реализуется в мотивации студентов на самостоятельный поиск иноязычных источников информации, а также в развитии способности оценивать собственную работу.

7. Принцип непрерывности указывает на место профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в системе школа – вуз – послевузовское образование.

8. Принцип аутентичности предметного содержания обучения вытекает из профессиональной направленности учебного материала, который отбирается по лингводидактическим (соответствие интересам и коммуникативным потребностям обучаемых, фабульность текстов, соответствие уровня лингвистической сложности текста языковой подготовке обучаемых, наличие проблемной ситуации и стимула для речевого взаимодействия) и социокультурным (актуальная профессионально релевантная социокультурная информация, обучающий потенциал текста, способствующий осознанию сходств и различий родной и иноязычной культур, воспитывающий уважение к иной лингвокультурной общности, наличие в тексте лексики с национально-культурным компонентом и типичных ситуаций её употребления) критериям.

Мы считаем важным структурировать отобранное содержание на основе следующих принципов (*BRD*-принципы – принципы базирования, расширения, доминирования).

1. Принцип базирования на общем компоненте с элементами профессионального компонента на начальном этапе (в нашей работе – в вводно-корректирующем курсе и профессионально-ориентирующем этапе). Принцип предполагает реализацию общеобразовательных целей и введение понятия функциональности изучаемого языка в сфере деятельности.

2. Принцип расширения общих тем в социально-культурной, бытовой, общественно-политической сферах общения специфическими профессионально-ориентированными темами на среднем этапе обучения (профессионально-аналитический этап).

Данный принцип позволяет использовать общий компонент в содержании обучения как ступень к профессионально-ориентированному обучению.

3. Принцип доминирования профессионального компонента с поддержкой общего компонента на завершающем этапе обучения (в нашей работе – на профессионально-моделирующем и квазипрофессиональном этапах). Этот принцип позволяет углубить знания, умения и навыки в профессиональной сфере с учетом общеобразовательной подготовки.

Рассмотрим реализацию предложенных принципов в разработанном нами пособии “English for Sociology Students”.

В соответствии с принципом коммуникативной направленности при отборе содержания обучения аудиторные занятия предполагают взаимодействие студентов, коллективные формы работы, творческие виды заданий, проблемные ситуации. Примером задания, удовлетворяющего этим параметрам, может быть обсуждение биографий политиков, претендующих на должность лидера всего мира. Студентам предлагается высказать свое мнение по каждому из кандидатов, провести дебаты, проголосовать.

Vote for the next world leader.

Candidate one. Born in the Skopje, Macedonia, and raised as a Catholic. Her father died when she was 8 years old. At 18 she left her home and country, never to see her mother and sister again. She became famous for her charitable work with the poor and her extreme religious dogmatism. She was criticized for giving support to Haiti dictators and corrupt businessmen. She won the Nobel Peace Prize.

Candidate two. A renowned statesman and politician, famous for his efforts to achieve peace in the world. Born to a wealthy family he was educated at boarding school where he excelled at sports more than academic activities. He studied economics and law, and became a freemason. He has been criticized for extra-marital affairs with his wife and family, but was reconciled.

Candidate three. A decorated war veteran and a committed socialist. A vegetarian, non-smoker and artist. He was a well known politician and famous for uniting his country following a terrible economic crisis. He and

wrote a famous book of philosophy / autobiography which was valued and adhered to by his large number of devoted followers.

Candidate four. An officer in the British Army, a historian, a writer, and an artist. The only British politician to have received the Nobel Prize in Literature. A famous statesman who achieved peace despite incredible hardship and sacrifice. A heavy drinker and smoker, he also enjoyed gambling. He was criticized for having corrupt friends, but still won the love and support of his country

Candidate five. This American politician was raised in Texas and privately educated. In later life he converted to Catholicism and met the Pope. He had very close links with certain European countries and was well respected by many of his countrymen, although despised by some others. His main policies involved the strengthening of families and religious principles and the defense of "freedom".

В конце голосования студентам открывают имена исторических лидеров, за которых они проголосовали: 1. Мать Тереза, 2. Франклин Д. Рузвельт, 3. Адольф Гитлер, 4. Уинстон Черчилль, 5. Джордж У. Буш.

Согласно принципу межпредметной координации, пособие создавалось на основе сотрудничества с преподавателями кафедры социологии, что позволило создать методику с учетом таких популярных течений в социологии, как СМИ, реклама, маркетинг. Методика использует понятийный аппарат социологии, предлагает рассмотрение некоторых явлений с точки зрения обывателя и с точки зрения социолога. Например, студентам предлагается высказать свое мнение о картинке, изображающей неприятного вида женщину в подвенечном платье, крепко держащую под руку растерянного мужчину. Обычно студенты произносят несколько эмоционально окрашенных фраз. Потом предлагается описать картинку с точки зрения социолога. На ней изображена нуклеарная семья (*nuclear family*).

Другим примером реализации этого принципа может служить упражнение, где предлагается рассмотрение ряда мифов об обществе, например: *Most homeless people choose to be homeless.*

После разбора мнений студентов предлагаются результаты социологических исследований (ссылки на данные американских исследователей):

Only ~ 6 % of homeless people are that way by choice [Kendall 2000]. 40+ % of homeless adults are actually employed [Population Review Bureau supplement]. Over 1/4 of homeless women get that way fleeing domestic violence.

Принцип аутентичности предметного содержания обучения, предполагающий наличие актуальной социокультурной информации, реализуется на двух уровнях. Во-первых, методика традиционно учитывает национальные и культурные особенности носителей английского языка, чему посвящены четыре модуля в учебном пособии. Модули содержат задания, раскрывающие темы праздников, национальных символов, истории, культурных феноменов, даже суеверий.

Во-вторых, предполагается изучение профессиональных особенностей: структуры резюме и требований к специалистам, работающим в областях, связанных с социологическим знанием; критериев, по которым оцениваются политические деятели и принимаемые ими решения, отношения к СМИ и т. д. Кроме того, пособие содержит большой объем статистической информации о странах изучаемого языка, ряд заданий предполагает поиск и сравнение статистических данных по России и стране изучаемого языка. Например, в теме «Образование в Великобритании» предлагается найти информацию о зарплате учителей, сравнить ее с зарплатами и учебной нагрузкой западных коллег и прокомментировать.

Принцип непрерывности, указывающий на место профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в системе школа – вуз – послевузовское образование, реализуется в том, что курс обучения в вузе опирается на школьное образование и мотивирует на дальнейшее изучение языка как инструмента профессии. Студентов инструктируют искать источники информации (в том числе статистической) на иностранном языке, проводят сравнение такой информации, обсуждают проблему доверия к русскоязычным и англоязычным источникам информации. Например,

американские специалисты предлагают ряд критериев для оценивания кандидата на выборах. Пользуясь приведенным ниже оценочным аппаратом, студенты оценивают кандидата на текущих выборах или действующего политика. На русском языке в свободном доступе такого оценочного аппарата найдено не было, обычно россиянам предлагается «голосовать сердцем».

Study a candidate's election campaign of regional, federal or international level. Use this checklist.

- Does the candidate appear intelligent, or is he just filling out the suit?
  - Is the candidate qualified for the job?
  - Does he \ she have the education and experience to handle the job?
  - Do you agree with the programs and ideas the candidate has proposed?
  - Are you comfortable with the groups and the individuals who support the candidate?
  - Can you trust the candidate?
- Things to Watch Out For
- Candidates who make appeals to your emotions – not to your intelligence.
  - Candidates who identify problems – but don't propose realistic solutions.
  - Candidates who offer simple, no-sacrifice solutions to complex problems.
  - Candidates who talk exclusively about hot-button issues such as race, immigration, the flag, English as the official language, and class warfare, but not about such issues as taxes, health care, and the budget.
  - Candidates with shady dealings in their backgrounds.
  - Candidates who tell you what they think you want to hear.
  - Candidates who use negative campaign tactics to give you a false impression of the competition.

Отдельно мы бы хотели отметить принцип профессиональной компетентности преподавателя и рекомендуем всем лицам, занимающимся профессионально-ориентированным обучением иностранному языку, ознакомиться с базовыми понятиями

профилирующей специальности. Наша методика предполагает приложение к учебному пособию, где даются ответы на все вопросы, требующие специальных познаний в социологии, однако мы рекомендуем к ознакомлению пособие “Sociology For Dummies” [6], которое содержит наиболее общие положения социологии, предложенные в максимально доступной форме с яркими примерами.

Приведенные выше принципы отбора и структурирования содержания были использованы в ходе экспериментально-опытного обучения профессионально-ориентированному иностранному языку студентов факультета социологии. Была отмечена положительная динамика формирования языковой готовности к осуществлению профессиональной деятельности в экспериментальных группах, что позволяет рекомендовать данные принципы отбора и структурирования содержания обучения иностранному языку для других специальностей.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов. Примерная программа. М., 2009. 24 с.
2. Сергеева Н.Н., Суетина А.И. Коммуникативная компетенция в сфере иноязычной профессиональной деятельности: модель и методика развития // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 122-125.
3. Мыльцева Н.А. Система языкового образования в неязыковых специализированных вузах: Автореф. дис... д-ра. пед. наук. М., 2007. 36 с.
4. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
5. Алексеева Л.Е. Методика обучения профессионально-ориентированному иностранному языку. Курс лекций: Методическое пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 136 с.
6. Gabler J. Sociology For Dummies. Chichester: Wiley Publishing, Inc., 2010. 358 p.

Сведения об авторе

Миков Вениамин Юрьевич
ассистент кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного УрГПУ
E-mail: venechkam@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Печатная книга как инструмент Реформации

А.Е. Лобков

Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Н.А. Багровников. Ганс Луффт и его время. Н. Новгород: Гладкова О.А., 2015. 209 с.**

В истории книги есть три периода – рукописный, печатный и цифровой, каждый из которых обладает своеобразием, но при этом между ними существуют связующие нити преемственности.

Средневековые рукописи демонстрируют тягу к древнему синкретизму искусств: расположение текста, каллиграфия, инициалы, заставки, миниатюры, декоративные элементы, оклад – все было подчинено единому смысловому и стилевому решению и делало каждую книгу уникальной. Изобретение книгопечатания минимизировало «вольное» обращение писцов с текстами, связанное с ошибками, а зачастую и с сознательным искажением содержания. Печатные книги выпускались тиражами, но и они на первых порах сохраняли высокий уровень книжного искусства, унаследованный от средневековой рукописи. При этом подавляющее большинство иллюстрированных инкунабул выходило на народных языках, что постепенно снижало авторитет латыни, официального языка католической церкви. Картинки всегда воспринимались неграмотным в своей массе читателем как опорные точки памяти, которые он ассоциировал с услышанным текстом (до сих пор для детей самое интересное в книгах – иллюстрации). Но с повышением грамотности населения, ростом протестантизма и появлением сакральных текстов на национальных языках верующий человек остался один на один с Богом и словом, которое вело его к истине, что также потребовало зрительного подкрепления. Иллюстрации – своего рода перевод текста Священного Писания с языка символов и аллегорий на повседневный язык, близкий и понятный не искушенному в учении читателю-зрителю.

История книгопечатания в Германии имеет богатую традицию. Она берет свой отсчет с 1440 года, символической даты изобретения техники печати с помощью подвижных литер Иоганном Гутенбергом из Майнца. История открытия и жизнь первопечатника подробно описаны в не утративших своей актуальности и сегодня книгах отечественных гутенберговедов Н.В. Варбанец [1] и Е.Л. Немировского [2]. Важной вехой в отечественном книговедении стала публикация обобщающего труда Ц.Г. Нессельштраус «Немецкая первопечатная книга. Декорировка и иллюстрации» [3], в котором освещаются особенности раннего этапа книгопечатания (до конца XV в.). К сожалению, вторая часть этой книги, содержащая иллюстративный материал, так и не вышла.

В центре интересов профессора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова Н.А. Багровникова – история книгоиздания и памятники книжной культуры в эпоху Реформации. Искусством немецкой книги Николай Адрианович Багровников занимается на протяжении многих лет. Его исследовательская деятельность уже обобщена в двух книгах: «Диалог традиций и новаторства в ксилографиях Любекской Библии» (1999) [4] и «Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации» (2013) [5].

Новая монография Н.А. Багровникова посвящена жизни и деятельности книгопечатника Ганса Луффта, бургомистра города Виттенберга, рассмотренным в широком историческом и культурном контексте.

В предисловии автор дает краткий обзор центров немецкого книгопечатания и языковой ситуации на рубеже XV–XVI веков. Книжное дело процветало в Нюрнберге, Аугсбурге, Базеле, Цюрихе, Страсбурге и Кельне. В этих городах складываются свои издательские традиции, учитывающие местные языковые особенности. Благодаря публицистической и переводческой деятельности М. Лютера, стремительное развитие книгоиздательства происходит и в Виттенберге, существенным образом повлиявшем на языковую политику во всех немецкоязычных землях. Как отмечает исследователь, в середине XVI века достижения Виттенберга в области издания реформаторской литературы стали настолько

значительными, что другие издательские центры просто не выдерживали конкуренции.

Первая глава рассказывает о становлении книгопечатания в Виттенберге. В истории Германии много имен славных городов, пробуждающих в национальном сознании чувство гордости. Среди них Виттенберг занимает особое место: он известен как место одного из крупнейших культурных сдвигов не только в Германии, но и всей человеческой истории. Виттенберг – родина Реформации, город Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона, место появления полных лютеровских Библий.

В начале XVI в. Виттенберг был сравнительно небольшим городом (в 1513 г. в нем постоянно проживало ок. 2100 человек). Но город являлся официальной резиденцией саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, одного из семи имперских князей, имевших право избирать императора. Курфюрст покровительствовал наукам и искусствам. При его дворе творил Лукас Кранах Старший, один из крупнейших художников Северного Возрождения.

В 1502 г. Фридрих Мудрый основал Виттенбергский университет, куда пригласил лучших ученых своего времени. Университет быстро приобрел добрую славу во всей Европе. В книге приводятся строки из студенческой песни первой половины XVI века: «Если хочешь веселиться – ступай куда угодно; хочешь учиться – отправляйся в Виттенберг» [6. С. 82]. Дж. Бруно, преподававший в Виттенберге в 1586-1588 гг., в благодарственном слове академическому сенату отмечает, что рад работать в «истинном университете», в «немецких Афинах» (*Germanicas Athenas*). В университете учился и преподавал легендарный доктор Фауст, герой народной книги «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (1587) и трагедии К. Марло «Трагическая история доктора Фауста» (ок. 1589). В Виттенберге учился и главный герой трагедии «Гамлет» (ок. 1600) У. Шекспира. Университетский город, окутанный легендами, стал символом человеческих надежд и устремлений, трагедий и разочарований.

Именно университет способствовал развитию местного книгопечатания. Но качественный перелом произошел благодаря реформаторской деятельности М. Лютера и его сподвижников. Лютер тесно сотрудничал с печатниками, хорошо сознавая важность печатного слова и силу его влияния на общественное сознание. Один

из учеников Лютера сравнил деятельность печатников с трудами апостолов: «В год 1440 явил Господь Бог наш книгопечатание, ибо вместо апостолов нуждался он в печатных книгах, чтобы слово Божие пришло во многие страны» [7]. Лютер был очень требователен к печатникам своих произведений; качество и стиль шрифта имели для реформатора смысловое значение.

Н.А. Багровников раскрывает не только обстоятельства появления типографских мастерских, но и сложности в отношениях между книгопечатниками, среди которых немало известных имен (И. Рау-Грюненберг, отец и сыновья Лоттеры, Л. Кранах, Х. Деринг).

В 1523 г. свою мастерскую в городе открыл Ганс Луффт (автор придерживается старого написания имени, также в литературе используется написание *Люффт*). Его по праву именуют «печатником Лютера». Он напечатал большую часть трудов духовного вождя реформаторского движения, а после смерти Лютера (в 1546 г.) издал полное собрание его сочинений в 12 томах. Заслуги Г. Луффта в деле распространения евангелического учения были «высоко» оценены католической церковью, внесшей большинство напечатанных им книг в *Index librorum prohibitorum*.

Вторая глава затрагивает вопросы книжной графики. Значительная часть иллюстраций в Виттенберге выполнялась художниками мастерской Лукаса Кранаха, находившегося под сильным влиянием А. Дюрера. Однако огромное значение для книгопечатания имело также творчество Георга Лембергера, малоизвестного в отечественной науке художника. Лембергер был учеником А. Альтдорфера, одного из ярких представителей т. н. Дунайской школы. Н.А. Багровников высоко оценивает книжную графику художника и приходит к выводу, что он «своими титульными листами, орнаментальными и сюжетными инициалами, бордюрами, заставками и виньетками сформировал визуальный облик и художественный образ книгопечатания Саксонского курфюршества эпохи Реформации» [6. С. 56-57]. Зависть Кранаха к художнику с самобытным стилем и конфликт Лютера с Лембергером стали причиной его отъезда, что, как считает исследователь, значительно снизило эстетическую и смысловую планку библейской иллюстрации в Виттенберге.

Третья глава посвящена «печатнику и бургомистру Гансу Луффту». Читатель узнает о предпринимательской и печатной

деятельности Луффта, о его работе в органах городской власти и о его семейной жизни. Во всех этих сферах Луффт зарекомендовал себя с лучшей стороны. Можно также сослаться на «Историческое известие о городском совете курфюршестского города Виттенберг» (1734), где в статье о Луффте отмечается, что он «с большой прилежностью и аккуратностью» готовил к изданию труды Лютера и других известных мужей, что его высоко ценили Лютер и Меланхтон за «безупречное ведение дел», а за свое «доброе разумение» он был избран в городской совет, где со временем занял «высочайший пост» [8. S. 39]

Г. Луффт больше всего известен как «печатник Библии». Именно в его мастерской в сентябре 1534 г. был опубликован текст первой полной лютеровской Библии, занявшей видное место среди таких известных изданий Священного Писания, как 42-строчная Библия Гутенберга и Любекская Библия. Архитектоника лютеровской библии исследуется в четвертой главе. Н.А. Багровников определяет архитектуру книги как «связанную с традицией, основанную на соразмерности, гармонии и ритме, динамичную систему структурно-визуального и вербального повествования, выстраивающую внешний образ и внутреннее пространство книги» [6. С. 88]. Центрообразующим элементом такой системы, по мысли автора, является шрифт. Г. Луффт использовал для печати швабахский шрифт, который историки книжного дела часто называют «шрифтом Реформации». Его характеризует удобочитаемость, красота и выразительность. (Укажем на неточность, допущенную автором: первое издание «Коммунистического манифеста» К. Маркса было набрано фразатурой, также распространенным шрифтом в XVI в.)

Автор отмечает уменьшение формата книги и предлагает свое объяснение причин такого шага. Далее он раскрывает смысловое наполнение титульного листа, созданного Лукасом Кранахом. Затем подробно описывает разные группы инициалов и иллюстрации, выполненные в сотрудничестве художником М. Шварценбергом и резчиком П. Зальцбургером из мастерской Кранаха. Н.А. Багровников высоко оценивает ксилографии иллюстраторов, ставя им в заслугу, с одной стороны, умение передать новое ренессансно-перспективное видение мира и, с другой стороны, отсутствие в них безграничности – это обжитый мир, где в библейских событиях и персонажах немцы XVI в. узнавали себя. Большинство из иллюстраций будут

воспроизведены в последующих изданиях Библии в типографии Г. Луффта. Можно только согласиться с автором, что запечатленное на гравюрах гармоничное восприятие мира выступало «духовной поддержкой и позитивной эмоциональной подпиткой» для немецкого читателя в преддверии надвигающихся исторических катастроф [6. С. 143].

Исследователь убедительно показывает книгу как систему, в которой каждый элемент не только несет семантическую нагрузку, но и доставляет эстетическое удовольствие.

В 1541 г. в типографии Г. Луффта вышло «заново уточненное» издание Библии. В нем были учтены лингвистические поправки и исправления, сделанные Лютером со времени первой публикации полной Библии (напомним, что работу над уточнением перевода реформатор будет продолжать вплоть до своей смерти; более того, с конца XIX века лютеровский перевод не раз пересматривался, и вскоре, в год юбилея Реформации, должен выйти новый исправленный текст лютеровской Библии).

Полная лютеровская Библия 1541 года, хранящаяся в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино, стала предметом детального разбора в пятой главе. Вначале автор рассматривает особенности внешнего вида и судьбы данного экземпляра, а затем переходит к описанию типографских характеристик палеотипа по сравнению с изданием Библии 1534 г. и изданием 1545 г., т. н. «изданием последней руки». В итоге Н.А. Багровников приходит к выводу, что «образность лютеровского текста нашла подкрепление в высоких художественных достоинствах Библии 1541 года» [6. С. 143].

До лютеровского перевода в ходу было около 18 переводов Писания на верхненемецком и нижненемецком языках, сделанных с «Вульгаты» – канонизированного католической церковью латинского перевода Библии св. Иеронима. Лютер осуществляет свой перевод непосредственно с опорой на оригинальные тексты – древнееврейский и древнегреческий. Конечно, над переводом он трудился не один, а в тесном сотрудничестве с учеными из Виттенбергского университета – Ф. Меланхтоном, М. Аурагаллусом, К. Круцигером и др. Поставленная Лютером цель – сделать доступным слово Божие для простого (т. е. говорящего на немецком языке) народа – требовала не столько работы с древними языками,

сколько кропотливой работы над своим родным языком, чтобы донести «смыслы» оригинала через наиболее подходящие слова и речевые образы. Ученик Лютера протестантский поэт и писатель Э. Альберус восклицает в одной из своих книг: «Доктор Мартин есть тот человек, который может верно перевести на немецкий язык. Он истинный немецкий Цицерон. Он не только открыл нам истинную религию и восславил все сословия Божьим словом, но и реформировал немецкий язык, и нет на всей земле ни одного писца, который может сравниться с ним в этом» [7].

В современном немецком языке до сих пор широко используются многие «введенные» Лютером яркие слова (*Lückenbüßer, friedfertig, wetterwendisch, Machtwort, Feuereifer, Langmut, Lästermaul, Morgenland* и др.) и образные обороты (*Sein Licht unter den Scheffel stellen, Ein Stein des Anstoßes sein, Mit Blindheit geschlagen sein, Der Mensch lebt nicht vom Brot allein, Niemand kann zwei Herren dienen* и др.).

Н.А. Багровников справедливо отмечает, что «содержательно-образная ткань» иллюстраций «ненавязчиво внедрялась в сознание людей и визуально нередко отождествлялась с ясностью и точностью лютеровского перевода», формируя «эмоциональный тон восприятия» [6. С. 143].

Шестая глава затрагивает проблемы пиратского тиражирования изданий полной лютеровской Библии в других немецких землях, в частности в курфюршестве Пфальцском и в имперском городе Франкфурте-на-Майне, где регулярно проходила крупнейшая ярмарка книг в Европе. При этом речь идет не столько о финансовых потерях, которые печатник Г. Луффт нес от контрафактных изданий, сколько о многочисленных текстовых и графических искажениях, которыми грешили изготовленные на скорую руку лютеровские Библии. Роль Лютера в развитии и закреплении новонемецкого литературного языка описана неоднократно. Исследователь справедливо напоминает известную оценку Лютера, который, по словам Ф. Энгельса, «вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка». Сравнение деятельности Лютера с «геркулесовыми трудами» часто встречается у современников реформатора: вспомнить хотя бы сатирическую ксилографию “*Hercules Germanicus*” (1523) Гольбейна-младшего.

При подготовке своих трудов и переводов к печати М. Лютер тесно работал с Г. Луффтом и его корректорами, строго вычитывая и правя лично типографские листы. Реформатор понимал важность правильного немецкого языка (на всех уровнях – орфографии, фонетики, грамматики) для передачи смысла библейских текстов. В свидетели автор привлекает постоянного корректора Луффта Христофора Вальтера, который высоко оценивает лингвистическую деятельность реформатора («Наш родной язык отшлифовал и премного украсил» [6. С. 155]) и указывает на опасность орфографических искажений в перепечатках, что может приводить к смысловым неточностям и сомнению в авторитете истинности слова Священного Писания (ср., напр., смысловозначительную разницу в правописании у Лютера слов *Herr*, *HErr* и *HERR*).

В седьмой главе речь идет о типографской деятельности Г. Луффта в Кенигсберге и его отношениях с герцогом Альбрехтом Бранденбургским. Для осуществления типографской практики печатники должны были получать привилегии от своих покровителей, обеспечивающих право печати и распространения изданий в границах владений. По сути, такие привилегии ограничивали проникновение идеологически негодных книг, а также защищали права книгопечатников.

В приложении Н.А. Багровников приводит ряд исторических документов, проливающих свет на организацию печатного дела Г. Луффтом и его деятельность в качестве городского главы.

Рецензируемая монография является логическим продолжением многолетних изысканий автора в области книжного искусства эпохи Реформации. Она представляет редкое для нашей страны исследование по истории старопечатной книги в Германии XVI века. Н.А. Багровников разбирает новый или малоизученный материал, внося существенный вклад в изучение мира книжной культуры. В изображении автора Ганс Луффт предстает подлинным энтузиастом книжного дела, «подвижником» книги.

Благодаря системному подходу исследователю удалось не только убедительно описать личность и труды Г. Луффта, но и раскрыть отношения печатника с издателями и покровителями, показать специфику конкурентной борьбы (здесь хотелось бы порекомендовать автору расширить круг виттенбергских печатников и раскрыть также роль Николауса Ширленца, Йозефа Клуга, Ганса

Вайсса, Петера Зейтца и Иоганна Краффта), очертить сложности взаимодействия художников и резчиков, разобраться в трудностях с языковой ситуацией в немецкоязычных землях и многое другое. Без сомнения, монография Н.А. Багровникова будет востребована не только специалистами, но и широким кругом читателей, интересующихся историей книжного дела и культурой Германии.

Библиографический список

1. Варбанец Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. Опыт нового прочтения материала. М.: Книга, 1980. 303 с.
2. Немировский Е.Л. Иоганн Гутенберг. Около 1399-1468. М.: Наука, 1989. 320 с.
3. Нессельштраус Ц.Г. Немецкая первопечатная книга: декорировка и иллюстрации. СПб.: Аксиома: РХГИ, 2000. 270 с.
4. Багровников Н.А. Памятники книжной культуры Нижней Германии эпохи Возрождения и Реформации: Монография. Н. Новгород: НГЛУ, 2013. 116 с.
5. Багровников Н.А. Диалог традиций и новаторства в ксилографиях Любекской Библии: Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 1999. 246 с.
6. Багровников Н.А. Ганс Луффт и его время: Монография. Н. Новгород: Гладкова О.А., 2015. 209 с.
7. Alberus E. Wider die verfluchte Lere der Carlstader Newenbrandenburg, 1556. // Электронный ресурс Интернет: <https://books.google.ru/books?id=k8Q7AAAАсAAJ&pg=PT573&dq=Alberus+E.+Wider+die+verfluchte+Lehre+der+Carlstader&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj01feU5KnLAhWJvnIKHW-aAd8Q6AEIjAB#v=onepage&q=Alberus%20E.%20Wider%20die%20verfluchte%20Lehre%20der%20Carlstader&f=false>.
8. Kettner P.G. Historische Nachricht von dem Raths-Collegio der Chur-Stadt Wittenberg. Wolfenbüttel, 1734 // Электронный ресурс Интернет: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10000885_00005.html.

Сведения об авторе

Лобков Александр Евгеньевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и
межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alobkow@rambler.ru

Современная православная проповедь в категориально-текстовом освещении

Е.В. Плисов

Нижний Новгород

Рецензия на монографию: **Ицкович Т.В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Науч. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015. 150 с.**

Проблематика исследований в области религиозной коммуникации приобретает в последнее время методологическую основу и необходимую глубину. Оценивая достижения этого направления в международном научном контексте, все же следует отметить в целом рецептивный характер отечественных исследований по сравнению с продуктивностью, например, европейской лингвистики. Думается, что в ближайшие годы последует целый ряд исследований, в которых будут рассмотрены проблемы взаимоотношения языковых и социальных факторов и их роли в объяснении и моделировании религиозно маркированной языковой вариативности. Значение языка религии, его национальных, региональных, социальных, конфессиональных вариантов должно быть переосмыслено и в русле становления новых направлений – контактной вариантологии, евролингвистики и миграционной лингвистики [1. С. 5]. Исследование религиозного дискурса, конкретных религиозных текстов и сопутствующих констелляций должно происходить с привлечением достижений одноязычной и двуязычной лексикографии, лингвистической географии, корпусной лингвистики, диалектологии; активнее следует привлекать не только базы данных, но и экспедиционные материалы. Новые эмпирические данные и комплексный подход могут привести ученых к интересным лингвотипологическим и научно-методологическим результатам.

В лингвистике текста также наметился устойчивый интерес к изучению религиозных жанров и типов текста, их конститутивных особенностей, жанровых и текстовых категорий, коммуникативно-прагматических особенностей и функционально-стилистического своеобразия [2. С. 66]. Именно в этом русле выполнена монография

Т.В. Ицкович «Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди» [3]. При изучении проповеди как особого типа текста встает вопрос о ее функционально-стилевой принадлежности. Даже поверхностное знакомство с любым корпусом или сборником проповедей дает возможность определить разнообразные по тематике и интенциональной структуре тексты, а вместе с тем характерные особенности отдельных текстов. Исследование Т.В. Ицкович продолжает последовательную традицию рассмотрения категориально-текстовых основ реализации проповеди как самостоятельного типа текста и речевого жанра.

Первая глава «Проповедь в жанрово-стилистическом и категориально-текстовом аспектах» знакомит читателя с конструктивными принципами религиозного функционального стиля. Автор глубоко и последовательно анализирует различные точки зрения на функционально-стилистическую проблематику языка религии. Справедливости ради следует отметить, что разработка религиозного стиля в качестве самостоятельного функционального стиля свойственна восточноевропейской и отечественной лингвистике, в большей мере подверженным влиянию функционализма [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Однако при этом ученые отмечают тот факт, что как объект научного изучения рассматриваемый феномен гораздо сложнее, чем другие функциональные стили, и основан на особых принципах стилеобразования [10. С. 426-427]. Среди мировоззренческих конструктивных признаков религиозного стиля Т.В. Ицкович выделяет двоемирие, спасение как главную интенцию и собственно лингвистический принцип – прототекстуальность [3. С. 19]. Последний реализуется, по мнению автора, в симбиозе русского и церковнославянского языков и означает «целостное восприятие всего корпуса функционирующих жанров-текстотипов» [3. С. 25]. Такой подход носит логико-лингвистический характер и позволяет сконцентрироваться на способах экспликации в тексте проповеди темы, композиции, времени, пространства, тональности и оценки. В своем исследовании автор опирается на субжанровую классификацию проповедей архиепископа Феодосия (Бильченко) и привлекает для анализа экзегетические, катехизические, догматические, нравоучительные и апологетические проповеди. Уже на этом этапе проявляется комплексный категориально-текстовый подход, при реализации которого

Т.В. Ицкович использует достижения функциональной стилистики, теории речевых жанров, лингвистики текста и др.

Одной из первых работ, в которых религиозные тексты изучаются с позиций типологии текстов, считается исследование Г. Ланга «Пастырское послание как тип текста» [11]. На речеобразующем ситуативном уровне ученый выделяет такие признаки, как временная сетка, когнитивное отношение между говорящим и слушающим в отношении высказывания, социальные отношения между говорящим и слушающим, степень обязательности послания. На лингвистическом уровне он находит соответствия ситуативным признакам: открытость текста, структуру коммуникативного поведения и повествовательную структуру, индикаторы включенности в коммуникативное окружение (индикаторы инклюзивности), индикаторы взаимоотношений «я – другие», форму, интенцию. Н. Шталькамп, используя методологию лингвистики текста при анализе посланий и проповедей, выделяет константные и вариативные признаки, конституирующие текст: темпорально-локальное оформление текста, письменную фиксацию, авторство, адресную ориентированность, возможность и необходимость особого оформления, ограниченность объема текста, необходимость специфического построения текста, формы публикации, ограничение сферы действия текста и др. [12. S. 231]. К лингвистике сортов и типов текста тесно примыкает теория речевых жанров (жанроведение, генристика). Так, классификация форм речевых высказываний В.Г. Адмони основывается на выделении различных аспектов речевой коммуникации. Применительно к христианству и исламу ученый выделяет проблему сакрального двуязычия и взаимопроникновения сакральных и несакральных языковых форм. Воспроизводимость религиозного текста достигается стремлением сакрального повествования к фрагментарности, вербальному и невербальному «кадрированию» религиозного учения, суггестивности [13. С. 98-100]. Возможно, воспроизводимость сакрального текста у В.Г. Адмони и будет методологическим коррелятом прототекстуальности как основы реализации двуязычия в работе Т.В. Ицкович.

Предметом исследования второй главы «Категории темы и композиции в жанре проповеди» становится тематическое двуединство жанра и композиционно-тематическое структурирование

проповеди. Следуя идеям В. Дресслера о дифференциации темы и содержания, автор выдвигает гипотезу о различной степени важности частных предметных тем, а также общего тематического набора: «Вся предметная тематика подчинена единой духовной теме, главной и обязательной в тексте любой проповеди» [3. С. 44]. Методологически важным представляется и замечание Т.В. Ицкович о значимости предметных тем: в то время как предметно-сакральная тема наиболее значима содержательно, профанная и ситуативная значимы в прагматическом и организационном аспектах. Прояснение сущности языковых механизмов в формировании, экспликации и взаимодействии тем составляет цель последующих рассуждений автора. Специфику композиции проповеди Т.В. Ицкович усматривает не только в общем тематическом развертывании и взаимодействии предметной и духовной тем, но и в жанрово типичном авторском целеполагании, тематические комплексы коррелируют с композиционными блоками текста.

Третья глава «Категория хронотопа в жанре православной проповеди» начинается с рассмотрения категорий времени и пространства в христианской картине мира, в основе которой лежит когнитивная прототипическая оппозиция «земное – небесное». Автор выстраивает шкалы реального и концептуального времени в христианской картине мира, отмечая точки их возможного пересечения. Экспликации времени накладываются на типологию тем в тексте проповеди: «С предметной темой соотносится объективное время, в котором выделяются следующие разновидности: объективно-сакральное время, соотносимое с предметно-сакральной темой, объективно-профанное время, соотносимое с предметно-профанной темой, и объективно-ситуативное время, соотносимое с предметно-ситуативной темой. В свою очередь, с духовной темой будет соотноситься концептуальное время» [3. С. 83] (выделено автором). Затем Т.В. Ицкович приводит многочисленные примеры из корпуса гомилетических текстов для иллюстрации различных аспектов взаимодействия разновидностей времени в тексте проповеди. Аналогичным образом анализируется реализация категории пространства при помощи пространственных стандартов: топонимов и географических терминов, абсолютных и относительных пространственных указателей, глаголов и предлогов со значением пространственного перемещения. Значимым для проповеди будет

концепт пути и специфические средства его реализации в объективном и концептуальном пространствах.

Коммуникативно-прагматические аспекты реализации тональности предметно изучаются в четвертой главе «Категория тональности в тексте православной проповеди». Автор выдвигает тезис о наличии и взаимодействии базовых (первичных, обязательных) и дополнительных (вторичных, факультативных) субкатегорий. К основным, жанрообразующим, относятся благоговейная, учительная и беседная (собеседовательная) субкатегорий. «При наличии базовых видов тональности широк и разнообразен спектр дополнительных субкатегорий тональности, которые придают тексту проповеди индивидуальность и воздействующую силу» [3. С. 122]. Среди них автор выделяет и подробно анализирует широкий диапазон целевых и индивидуально-авторских тональностей.

Среди дискуссионных моментов, требующих дальнейшего вдумчивого исследования, следует отметить важность сопоставительного анализа категориально-текстовой организации проповеди на материале других языков, возможно также с учетом конфессиональных особенностей лингвокультурных сообществ [14; 15]. Дальнейшего анализа требуют проблемы хранения и передачи религиозного опыта с помощью языка [16], когнитивные механизмы в речевом поведении верующих, описание потенциальной гибкости и динамичности категориальной организации религиозной коммуникации, а также вопросы инклюзивности / эксклюзивности категорий в теории динамической концептуальной семантики.

В заключение следует отметить, что предлагаемые автором подходы формируют у читателя системное научное представление о факторах и законах, управляющих функционированием языка в религиозной сфере коммуникации, систематизируют и обогащают знания о функциональном аспекте единиц разных уровней языковой системы в зависимости от целей и задач, характера, содержания и различных ситуативных особенностей религиозно обусловленного общения, создают представление об основных направлениях в исследовании религиозных текстов.

Монографическое исследование Т.В. Ицкович «Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди» представляет несомненный значимый вклад в отечественную

русистику и может быть рекомендовано ученым-филологам, аспирантам и студентам старших курсов филологических специальностей для использования в учебном процессе, а также в рамках научных семинаров по заявленным проблемам.

Библиографический список

1. Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. 210 с.
2. Плисов Е.В. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Орел: ОГИИК, 2005. С. 157-167.
3. Ицкович Т.В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Науч. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2015. 150 с.
4. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135-138.
5. Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 341-363.
6. Бугаева И.В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород: НГЛУ, 2005. С. 3-11.
7. Крылова О.А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 612-616.
8. Ицкович Т.В. О месте религиозного стиля в системе функциональных стилей русского литературного языка // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. М. – Ярославль: Ремдер, 2010. С. 24-28.
9. Бугаева И.В. К вопросу о методологических и теоретических основах изучения религиозной коммуникации // Церковь и проблемы современной коммуникации: Сб. статей. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. С. 39-53.

10. Велижанина А.О., Филатова В.В. К вопросу о статусе церковно-религиозной речи // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2013. С. 425-428.

11. Lang H. Textsorte Hirtenbrief: linguistische Untersuchungen zur Pragmatik der bischöflichen Schreiben: Diss. Freiburg (Breisgau), 1978. 581 S.

12. Stallkamp N. Die Sprache der katholischen Kirche in der Bundesrepublik Deutschland: ein textlinguistischer Beitrag zur Bestimmung ihrer Textsorten. Frankfurt am Main – Bern – New York: Lang, 1987. 267 S.

13. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 151 с.

14. Плисов Е.В. Конфессионализация современного немецкого религиозного дискурса // Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. С. 54-74.

15. Голубева Н.А. Язык религии как объект лингвистического исследования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 31. С. 219-225.

16. Голубева Н.А. Отражение языкового сознания в религиозном дискурсе // Современный религиозный дискурс: структура, стратегии, трансформации: Коллективная монография / Под общ. ред. Е.В. Плисова. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. С. 46-53.

Сведения об авторе

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: e_plissov@mail.ru

ХРОНИКА

Дни славянской письменности и культуры в Нижнем Новгороде

Дни славянской письменности и культуры ежегодно проходят в Центре славянских языков и культур НГЛУ, однако в этом году фестиваль приобрел общегородской масштаб. Разные площадки Нижнего Новгорода, хорошо известные широкой аудитории, были задействованы в программе фестиваля, включавшей академические мероприятия, выставки, кинопоказы, выступления театров, встречи с поэтами, серию мастер-классов по изучению славянских языков и развлекательную викторину для всех, кто интересуется культурой и историей Болгарии, Сербии, Словакии, Словении, Чехии...

Главной задачей проекта стало преодоление стереотипов, связанных с представлениями о «славянском мире». Сегодня важно понимать, что это – открытая живая система, мост, соединяющий Европу и Россию. Поэтому организаторы фестиваля попытались обновить формат мероприятий, сделать их привлекательными не только для специалистов, студентов, изучающих славистику, но для других слоев современной молодежи.

С 21 по 23 мая кинотеатр «Орленок» предлагал анимационные программы Вышеградской группы, известной своим экспериментальным духом. В арт-кафе «БУ» 24 мая прошел показ фильма-мюзикла «Ночь на Карлштейне». Выставочная программа фестиваля была действительно разнообразна. В Русском музее фотографии были представлены выставки, посвященные русской эмиграции в Сербии, а также два проекта Болгарского культурного института: «Лев – болгарский национальный символ эпохи Возрождения» и «Болгария – родина кириллицы»; в НГЛУ прошла выставка, посвященная деятельности чешского реформатора Яна Гуса. Примечательно, что экскурсоводами на этих выставках работали волонтеры – студенты НГЛУ, проходившие первую в их жизни музейную практику. Большое внимание организаторы проекта уделили проблеме изучения славянских языков. Молодые преподаватели из Сербии, Польши, Болгарии и Чехии провели 24 мая экспресс-курсы в Учебном театре Нижегородского театрального

училища им. Е.А. Евстигнеева, а 25 мая состоялись мастер-классы в Центре славянских языков и культур НГЛУ. 22 мая на нескольких площадках актеры чешского кукольного театра представили спектакль «Старинные чешские сказания», а на открытии Дней славянской письменности и культуры выступили с поэтическими приветствиями Ярослав Кованда и Милан Либигер.

Большой интерес публики вызвал международный круглый стол, посвященный югославскому Нобелевскому лауреату Иво Андричу. С докладами на тему творческой биографии писателя и возможностей использования его текстов как материала при изучении сербского языка выступили ведущие специалисты Белградского университета, МГУ, ННГУ и НГЛУ, а также талантливые студенты отделения журналистики НГЛУ.

Важным событием стала передача НГЛУ небольшой библиотеки, посвященной русским писателям, творившим за рубежом (дарителем выступил Центр русского зарубежья им. А. Солженицына). Фестиваль славянской культуры был поддержан посольствами Болгарии, Сербии, Словакии и Чехии, большой вклад в разработку программы внесла администрация Нижнего Новгорода. Очевидно, такой широкий масштаб фестиваля понравился нижегородцам; он сохранится и при организации дальнейшей работы Центра славянских языков и культур.

С.Н. Аверкина, А.Г. Калинина

Международная конференция «Социальные варианты языка – IX»

5-6 апреля 2016 года в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова проводилась конференция, посвященная социальным вариантам языка. Организаторы конференции – администрация вуза, деканат факультета английского языка и кафедра русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации.

В оргкомитет конференции вошли заведующие кафедрами русского языка ведущих вузов г. Нижнего Новгорода: проф. С.Н. Аверкина (НГЛУ им. Н.А. Добролюбова), проф. Л.В. Рацибурская (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) и доц. Н.Е. Петрова (НГПУ им. Козьмы Минина).

С приветственным словом к участникам международного форума обратились ректор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова профессор, доктор педагогических наук Б.А. Жигалев и проректор по научной работе НГЛУ профессор, доктор филологических наук Е.С. Гриценко.

Научными секциями руководили профессор Е.Г. Лукашанец (Минск), профессор Т.Г. Никитина (Псков), доцент Н.Е. Бажайкин (Нижний Новгород).

Конференция явилась частью большого цикла лингвистических форумов, проводимых Нижегородским государственным лингвистическим университетом с целью объединить усилия ученых, изучающих разнообразные варианты языка как в России, так и за рубежом. Так, 21 февраля на факультете английского языка НГЛУ был проведен симпозиум «День родного языка». Заметим, что эти мероприятия проводятся во время кризиса, тогда, когда ряд лингвистических кафедр и филологических факультетов страны отказались от проведения научных конференций из-за отсутствия финансирования. Лингвистический университет – один из немногих вузов, проводящих все запланированные научные мероприятия.

Широк спектр проблем по материалам русского языка. На конференции были представлены доклады о рекламе, лингвистических особенностях СМИ, о маркетинге, молодежных субкультурах, городских жаргонах, лексикографии.

Основным объектом рассмотрения участников конференции стали языковые особенности, характерные для различных общественных групп. Богатая социальная палитра, отраженная в разнообразнейших жаргонизмах и профессионализмах, использование литературного языка разными слоями общества, новые тенденции в развитии литературно-языковой нормы, проблемы фиксации и описания быстро меняющейся жаргонной речи – вот далеко не полный перечень вопросов, которые обсудили участники форума.

Изучение социальных вариантов языка имеет огромное значение не только для специалистов-лингвистов, но и для социологов, политиков, журналистов, специалистов по связям с общественностью, создателей рекламы и др. Исследование социальных субъязыков позволяет получить объективное и определенное представление о круге интересов и предпочтениях той или иной социальной группы, в известной мере – даже предсказать направление ее развития.

Особое внимание было уделено вопросам культуры речи. Ученые проанализировали влияние нелитературных форм на письменную и устную речь образованных носителей языка. Значительное число докладов и сообщений было посвящено анализу языка рекламы и средств массовой информации.

В отличие от предшествующих конференций круг рассматриваемых тем на конференции 2016 года значительно расширился.

Важное место в структуре научной конференции заняли выступления по лингвокриминалистике: «Основные задачи лингвокриминалистики на современном этапе» профессора НГЛУ М.А. Грачева, «Комментарий как объект досудебного лингвистического исследования» казанского доцента В.С. Маркелова, «Судебная лингвистическая экспертиза: объект, задачи, классификация» доцента из Брянска Т.А. Распоповой.

Отличительной особенностью форума явилось участие в нем ученых, разрабатывающих проблематику не только русского, но и иностранных языков. Это работы профессора НГЛУ С.Н. Аверкиной «Роль диалектов в становлении литературной традиции Швейцарии», орловского доцента Т.И. Ратинской «Методы исследования витальности неконвенциональных лексических единиц (на материале

французского языка)», могилевского доцента Е.В. Рубановой «Номинации представителей преступного мира в английском криминальном сленге».

Очень важными были доклады и дискуссии о современном лингвистическом экстремизме. Так, сообщение Р.Н. Сафина было посвящено речевому поведению членов низовых ячеек запрещенных законом организаций (например, «Партии исламского освобождения»). На вопрос, можно ли говорить о речевых признаках, характеризующих члена такой организации, был получен положительный ответ, сформулированный в рамках юрислингвистики.

В докладе В.С. Маркелова речь шла о комментарии, служащем объектом досудебного лингвистического исследования. Автор убедительно доказывает, что в текстах комментариев может содержаться националистический или даже экстремистский компонент.

Важной особенностью конференции является участие в ней бакалавров, магистрантов, аспирантов как нашего вуза, так и других высших учебных заведений, а также учителей школ. Например, все участники симпозиума высоко оценили доклад бакалавра IV курса НГЛУ В.А. Сопневой «Лингвистическая глобализация в современном мире». И это – также новое в работе нашего симпозиума, т. е. сфера участников в социальном плане расширяется, в ее орбиту втягиваются заинтересованные представители педагогических коллективов и студентов. Данный факт также показатель того, что студенты – наши будущие коллеги – тянутся к науке, к лингвистике.

5 апреля директор Центра славянских языков и культур Е.В. Ефимова, преподаватель польского языка Юстина Пакос и преподаватель сербского языка Тияна Марич в рамках конференции провели мастер-класс «Специфика преподавания славянских языков». Об успехе данного мероприятия свидетельствовали многочисленные вопросы гостей конференции.

При подведении итогов симпозиума участниками были высказаны слова благодарности организаторам и конструктивные пожелания на будущее, которые будут учтены при проведении

международной конференции «Многогранный В.И. Даль» 22-23 ноября 2016 г.

А.Г. Калинина, М.А. Грачев

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 34

Редакторы: А.О. Кузнецова
Д.В. Носикова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 24.06.2016

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 10,625

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а